

Джо Хилл Коробка в форме сердца

Аннотация

Наш вам совет: никогда не покупайте через Интернет привидение. Тем более если к нему в нагрузку прилагается его любимый черный костюм. Иначе с вами может случиться в точности такая же история, какая произошла с Джудом Койном, знаменитым рок-музыкантом, в благословенной стране Америке. Попавшись на сетевую удочку и сделав злополучный заказ, однажды он получил посылку – коробку в форме сердца с вышеупомянутым костюмом внутри. Лучшие бы он этого не делал...

Эта книга – один из самых ожидаемых проектов года. Книга, права на экранизацию которой купили задолго до ее выхода. Книга-мистификация. Автор этой книги всячески скрывал свое настоящее имя, и только сейчас читающий мир узнал, что за неприметным именем Джо Хилла прячется сын одного из самых знаменитых и продаваемых писателей современности.

Джо Хилл Коробка в форме сердца

У Джуда была очень необычная коллекция.

На стене студии между платиновыми дисками висел набросок, изображающий семерых гномов. Джон Уэйн Гейси¹ нарисовал их, сидя в тюрьме, и послал Джуду. Гейси любил смотреть мультфильмы Диснея почти так же сильно, как любил растлевать маленьких детей, и почти так же сильно, как любил слушать альбомы Джуда.

У него имелся череп крестьянина шестнадцатого века: его подвергли трепанации, чтобы изгнать демонов. В отверстие на макушке Джуд ставил ручки и карандаши.

Еще – признание в колдовстве трехсотлетней давности, собственноручно написанное ведьмой: «Я говарила с черным псом, и он сказал мне, что атравит каров, обизумит лошадей и навидет болезни на детей для меня, если я одам ему свою душу, и я сказала хорошо и потом

дала ему посасать грудь». Эту женщину сожгли на костре.

Ему принадлежали потертая веревочная петля, удавившая человека на виселице в начале века в Англии, шахматная доска юного Алистера Кроули¹ и порнографический снафф-фильм с реальным убийством в конце. Из всех экспонатов коллекции фильм вызывал у Джуда наиболее неприятные ощущения. Кассету ему дал полицейский, ранее работавший охранником в ночных клубах Лос-Анджелеса. Коп сказал, что видео снимали совсем больные люди, говорил он об этом со странным энтузиазмом. Джуд посмотрел фильм и согласился. Да, такое могли сделать только больные. Кроме того, косвенным образом фильм ускорил развал семьи Джуда. И все-таки он не спешил расстаться с кассетой.

Большинство предметов этой коллекции гротеска и аномалий Джуд получил в подарок от поклонников. Крайне редко ему доводилось приобретать что-либо самому. Но когда его личный помощник Дэнни Вутен рассказал, что в Интернете продается привидение, и спросил, не хочет ли Джуд его купить, над ответом не пришлось думать ни секунды. Это как в ресторане: тебе называют фирменное блюдо заведения, и ты заказываешь его, не глядя в меню. Некоторые порывы размышления не требуют.

Помещение офиса Дэнни было пристроено к северо-восточному крылу огромного загородного дома Джуда. Самому дому было сто десять лет. Кондиционеры, стандартная мебель и напольное покрытие цвета кофе с молоком придавали офису холодную безликость, что делало его разительно непохожим на остальные помещения дома. Он выглядел бы как приемная зубного врача, если бы не концертные афиши в стальных рамках. На одной из них изображалась банка, наполненная глазами яблоками, и каждый глаз с кровавой плетью нервов глядел на зрителя. Так рекламировался тур «К тебе прикованы все взгляды».

Едва пристройка была завершена, как Джуд пожалел о решении расположить офис прямо в доме. Конечно, ему не хотелось тратить по сорок пять минут на поездку от Пайклифа до арендованной конторы в Пекипси каждый раз, как того потребуют дела, но лучше ездить, чем делить дом с Дэнни Вутеном. Теперь Дэнни и работа были слишком близко. Выходя на кухню, Джуд слышал перезвон телефонов, причем иногда звонки приходили на обе линии одновременно, и этот звук сводил его с ума. За последние годы он не выпустил ни одного альбома, он вообще почти не работал с тех пор, как умерли Джером и Диззи (а вместе с ними и группа), но телефоны не умолкали. Джуда донимал непрерывный поток жаждущих видеть его людей, бесконечные юридические и профессиональные запросы, договоры и разбирательства, реклама, появления на публике и дела компании «Джудас Койн инкорпорэйтед», переделать которые было, по-видимому, невозможно. Дома Джуду хотелось быть самим собой, а не торговой маркой.

Большую часть времени Дэнни не покидал пределы кабинета. У него были свои недостатки, но к личному пространству Джуда он относился трепетно. Однако если Джуд сам забредал в офис, Дэнни считал его своей законной добычей. А Джуд, не испытывая от этого никакого удовольствия, заходил в офис по четыре – пять раз на дню: через пристройку лежал кратчайший путь к сараю и собакам. Можно было бы избежать свидания с Дэнни, если выйти через переднюю дверь и обойти вокруг дома. Джуд не собирался так поступать – не хватало еще прятаться от Дэнни Вутена в собственном доме.

Кроме того, Джуд каждый раз надеялся, что у Дэнни не найдется повода привязаться к нему. Однако повод неизменно находился. Если не оказывалось срочного дела, то у Дэнни просто возникало желание поговорить. Он родился в Южной Калифорнии, и темы для бесед у него не переводились. Например, он принимался расписывать совершенно незнакомым людям достоинства пырея, в том числе и то, что он придает вашим испражнениям аромат свежестриженной лужайки. Или увлеченно обсуждал с разносчиком пиццы катание на скейтборде и игровые приставки, в свои тридцать – как четырнадцатилетний. Дэнни мог излить душу установщику кондиционеров: рассказывал, как его сестра подседала на героин, а сам он обнаружил тело матери, совершившей самоубийство. Смутить его было невозможно.

Он не знал слова «неловкость».

Джуд возвращался в дом, покормив Ангуса и Бон, и уже наполовину преодолел зону обстрела Дэнни. Едва ему показалось, что на сей раз он благополучно минует офис, как раздалось ужасное:

– Эй, босс, взгляните-ка сюда!

Свои покушения на Джуда Дэнни начинал именно с этой фразы. Джуд заранее боялся ее: она служила прелюдией к получасу потерянного времени, к заполнению бланков и чтению факсов.

Затем Дэнни сказал, что кто-то продает привидение, и Джуд тут же забыл о своем недовольстве. Он подошел, чтобы взглянуть на экран монитора.

Дэнни отыскал привидение на одном из сетевых аукционов. Джуд проглядел описание выставяемого лота, пока Дэнни читал его вслух. Если бы Джуд позволил, Дэнни кормил бы его с ложки. Была в нем эдакая услужливость, Джуд, честно говоря, презирал ее в мужчинах.

– «Купите призрак моего отчима, – читал Дэнни. – Шесть недель назад мой престарелый отчим внезапно умер. В тот момент он жил у нас. Своего дома у него не было, и он ездил от одного родственника к другому, оставаясь у каждого по месяцу или два. Его смерть всех шокировала, особенно мою дочь, которая очень привязалась к нему. Мы не ожидали ничего подобного. До последнего дня он оставался очень активным. Никогда не сидел перед телевизором. Ежедневно выпивал стакан апельсинового сока. Даже все зубы у него были свои».

– Это чья-то дурацкая шутка, – сказал Джуд.

– Не похоже, – качнул головой Дэнни и продолжил: – «Через два дня после похорон дочь увидела его в гостевой комнате, расположенной как раз напротив детской. Теперь она боится оставаться в своей комнате одна и вообще предпочитает не подниматься на второй этаж. Я пыталась убедить ее, что дедушка не причинит ей вреда, но она утверждает, будто ее очень напугали его глаза. Говорит, они стали похожи на черные каракули и ими больше нельзя видеть. Поэтому она спит вместе со мной. Поначалу я решила, что дочка придумала страшную историю, но со временем выяснилось, что это не фантазия. В гостевой комнате все время холодно. Я осмотрела ее и заметила, что холоднее всего в шкафу, где висит выходной костюм отчима. Он хотел лежать в гробу в этой одежде, но в похоронном бюро костюм примерили на тело и сказали, что он велик. Оказывается, после смерти люди как-то сморщиваются, в них пересыхает влага. И поскольку любимый костюм отчима ему не подошел, похоронное бюро уговорило меня купить новый. Не знаю, почему я послушалась. По ночам я часто просыпаюсь от шагов отчима над головой. Постель в его комнате постоянно смята, а дверь хлопает. Кошка тоже отказывается подниматься на второй этаж, а иногда сидит перед лестницей и смотрит на что-то, чего я не вижу. Посмотрит-посмотрит, а потом взвояет, словно ей на хвост наступили, и убегает. При жизни отчим занимался спиритизмом. Мне кажется, он делает все это, чтобы моя дочь поняла: смерть – еще не конец. Но ей одиннадцать лет, она должна жить в нормальной обстановке и спать в своей постели. Вот я и подумала, что надо найти папе другой дом. Ведь в мире полно людей, которые хотят верить в жизнь после смерти. Я могу представить им доказательство. Я "продам" призрак отчима тому, кто предложит наивысшую цену. Разумеется, душу продать нельзя, но я надеюсь, он сам согласится переселиться в ваш дом, если вы его хорошо попросите. Как я уже писала, с нами он жил временно, собственного жилья не имел, так что уверена – он пойдет туда, где ему будут рады. Не думайте, что это розыгрыш или что я получу ваши деньги, а взамен ничего не пришлю. Выигравший аукцион получит нечто материальное: выходной костюм отчима. Мне кажется, если его дух и привязан к чему-нибудь, так только к этому костюму. Костюм очень красивый, хотя и старомодный, от фирмы "Грейт вестерн тэйлоринг". Ткань в тонкую серебристую полоску... бла-бла-бла... атласная подкладка... бла-бла...»

Дэнни прекратил читать и указал на экран:

– Посмотрите на размер, босс. Как на вас сшито. Самое высокое предложение –

восемьдесят баксов. Если хотите иметь собственное привидение, вы получите его всего за сотню.

– Давай купим его, – произнес Джуд.

– Серьезно? Тогда я шлю заявку на сто долларов?

Джуд прищурился, глядя на экран. Прямо под описанием лота значилось: «Мгновенная покупка: \$1000». А дальше шло пояснение: «Кликни здесь и выиграй аукцион!» Он постучал пальцем по монитору:

– Нет. Мы даем тысячу. И костюм с призраком наш.

Дэнни развернулся на стуле, ухмыльнулся и вскинул брови. У него были высокие изогнутые брови, как у Джека Николсона, и он пользовался ими с большим мастерством. Может быть, он ожидал объяснения, но Джуд сам не знал, зачем ему понадобилось платить тысячу за старый костюм, не стоящий, возможно, и пятидесяти долларов. Позже он подумал, что призрак послужит неплохой рекламой: «Джудас Койн приобретает полтергейст». Фаны заглатывали подобные истории «на ура». Но это позже, а в тот момент Джуд знал одно: он непременно хочет выиграть аукцион. Джуд направился к выходу из офиса, намереваясь подняться наверх и проверить, готова ли Джорджия. Он велел ей одеваться уже полчаса назад, но, скорее всего, она до сих пор валяется в постели. Джуд подозревал, что она не встанет, пока не дожидается ссоры. Сядет в нижнем белье на подушки и начнет красить черным лаком ногти на ногах. Или раскроет свой ноутбук и будет разглядывать в сети «готические» аксессуары в поисках идеальной сережки-гвоздика, чтобы вставить себе в язык. Будто мало ей этих проклятых гвоздиков... Тут мысль об Интернете заставила Джуда остановиться. Он обернулся к Дэнни.

– А как ты вообще наткнулся на этот аукцион? – спросил он, кивая на компьютер.

– Вам пришло письмо по электронной почте.

– От кого?

– От администраторов сайта. Они написали: «Мы обратили внимание, что вы уже приобретали подобные предметы, и подумали, что вы снова заинтересуетесь».

– Что значит: «Вы приобретали подобные предметы»? Какие предметы?

– Всякие оккультные вещицы, я думаю.

– Я ничего у них не покупал.

– Может, покупали, да забыли. А может, я что-нибудь для вас покупал.

Джуд нахмурился.

– Проклятая кислота. Когда-то у меня была отличная память. В средней школе я даже состоял в шахматном клубе.

– Да вы что? Ну и новость.

– Какая? Что я играл в шахматы?

– Ну да. Шахматы... Это же полный отстой...

– Зато вместо фигур я использовал отрубленные пальцы.

Дэнни расхохотался, но слегка переборщил: скорчился в конвульсиях и стал утирать воображаемые слезы. Мелкий лизоблюд.

Костюм доставили в субботу рано утром. Джуд уже проснулся и выгуливал собак.

Как только почтовый грузовичок затормозил перед домом, Ангус бросился к нему с такой яростью, что вырвал из рук Джуда поводок. Пес бился о борт припаркованного автомобиля, брызгал слюной, царапал когтями пассажирскую дверь. Водитель остался сидеть внутри, взирая на Ангуса спокойно, но пристально, как врач разглядывает в микроскоп новую разновидность опасного вируса. Джуд поймал поводок и дернул за него чуть сильнее, чем требовалось. Ангус боком опрокинулся на землю, но тут же вывернулся и снова вскочил, оскалив зубы. К этому времени Бон тоже завелась. Она изо всех сил натягивала другой поводок и заливалась таким пронзительным лаем, что у Джуда заболела голова.

Тащить двух разошедшихся собак к сараю было слишком далеко, поэтому Джуд подтянул Бон и Ангуса через двор к переднему крыльцу. Обе овчарки отчаянно

сопротивлялись, пока хозяин заталкивал их в дом. Он захлопнул за ними дверь, и псы стали бросаться на нее изнутри с истерическим лаем. Дверь дрожала от ударов. Чертовы собаки.

Джуд проковылял обратно к подъездной дорожке и приблизился к почтовому грузовику в тот миг, когда его задняя стенка с металлическим лязгом скользнула вверх. Внутри кузова стоял водитель. Он спрыгнул вниз, сжимая под мышкой длинную плоскую коробку.

– Оззи Осборн держит шпицев, – сказал почтальон. – По телевизору показывали. Смешные такие собачки, вроде кошек. Может, и вам стоит завести пару забавных малышей?

Джуд молча взял посылку и пошел в дом.

Коробку он принес в кухню. Положил ее на стол, налил себе кофе. Джуд по природе своей был ранней пташкой. Когда он ездил с турами или записывал альбомы, он нередко добирался до постели лишь к пяти утра, а потом целыми днями спал. Но бессонные ночи давались ему нелегко. В поездках он вставал часа в четыре пополудни, в дурном настроении и с тяжелой головой, не понимая, куда подевалось время. Даже хорошие знакомые казались ему при этом ловкими самозванцами, бесчувственными инопланетянами, напавшими на резиную кожу и поддельные лица друзей. И требовалось значительное количество алкоголя, чтобы они снова стали собой.

Однако в последний раз он ездил на гастроли три года назад. Дома он не испытывал тяги к выпивке и в девять вечера был готов лечь в постель. В пятьдесят четыре года он вернулся к режиму дня своего детства, когда его звали Джастин Ковзински и он жил на свиноферме отца. Безграмотный сукин сын вытаскивал юного Джастина из кровати за волосы, если находил его спящим после восхода солнца. То было время грязи, лающих собак, колючей проволоки, покосившихся хозяйственных построек, визжащих свиней со сплюснутыми рылами и кожей, висящей складками. Он редко видел других людей – только мать, по большей части сидевшую у кухонного стола с расслабленным выражением лица, как после лоботомии, и отца, правившего акрами свиного дерьма и развалин с помощью сердитого смеха и кулаков.

Итак, Джуд проснулся несколько часов назад, но еще не позавтракал. Когда он жарил бекон, в кухне появилась Джорджия: в одних черных трусиках, руки сложены на маленькой белой груди с проколотыми сосками, на голове гнездо из спутанных черных волос. На самом деле ее звали не Джорджия. И не Морфина, хотя несколько лет назад она показывала стриптиз под таким именем. Ее настоящее имя было Мэрибет Кимболл – такое простое, такое незамысловатое, что она смущенно засмеялась, когда впервые назвала его Джуду.

Джуд к тому моменту сменил уже несколько «готических» подружек, которые или показывали стриптиз, или гадали, или показывали стриптиз и гадали. Все они были симпатичными девушками, все носили египетские кресты – анки, все красили ногти черным лаком. Джуд называл их по именам штатов, откуда они были родом. Ни одной из девиц это не нравилось, поскольку напоминало о личности, которую они с таким рвением старались спрятать, разрисовывая лицо потусторонним макияжем. Джорджии было двадцать три года.

– Эти безмозглые псы, – сказала она, пинком убирая одного из них со своего пути. Собаки крутились под ногами у Джуда, возбужденные ароматом бекона. – Разбудили меня, черт возьми.

– Может, черт возьми, уже пора было вставать. Тебе такое в голову не приходило, чисто случайно?

Она никогда не поднималась по своей воле раньше десяти.

Джорджия нагнулась, доставая из холодильника пакет с апельсиновым соком. Джуд с удовольствием оглядел ее сзади: ему нравилось видеть, как черное белье врезается в ее белоснежные ягодички. Однако пока она пила сок (прямо из пакета), он отвернулся. Пакет она оставила на столе. Сок испортится, если Джуд не уберет его в холодильник, сама она ни за что этого не сделает.

Его обожали готы, и это ему нравилось, а секс с ними нравился еще больше. Джуд ценил их гибкие атлетические татуированные тела и их увлечение нетрадиционными сексуальными играми. Но раньше он был женат, и женой его была женщина, которая пила

сок из стакана и убирала за собой, а утром читала газеты. Он скучал по разговорам с ней – разговорам взрослых людей. Его жена не танцевала стриптиз и не верила в гадание. У них были абсолютно взрослые, зрелые отношения.

Джорджия вскрыла посылку ножом для бифштекса, после чего оставила нож на столе, не потрудившись даже отлепить кусочки скотча.

– Что это? – спросила она.

Приложив усилие, Джорджия вытащила из верхней коробки еще одну: большую, черную, блестящую, в форме сердца. В такие коробки иногда укладывают конфеты, хотя эта для них слишком велика, кроме того, конфетные коробки обычно розового или желтого цвета. А еще она похожа на упаковку для нижнего белья... но он вроде бы ничего не заказывал для Джорджии. Джуд нахмурился. Он понятия не имел, что там может быть, и одновременно чувствовал: он должен это знать. Коробка в форме сердца содержит нечто такое, чего он ожидает.

– Это мне? – спросила Джорджия.

Она сняла крышку, вытащила то, что лежало внутри, и показала ему.

Костюм. Кто-то прислал ему костюм. Черный, старомодный, в полупрозрачном пластиковом пакете из химчистки. Джорджия взяла его за плечи и приложила к себе – как платью, которое она собиралась примерить, но сначала хотела бы узнать мнение Джуда. Вопросительный взгляд сопровождался мило нахмуренными бровками. Джуд не сразу вспомнил, что за костюм ему прислали.

Он уже открыл рот с намерением сказать, что понятия не имеет об этой вещи, как вдруг услышал собственные слова:

– Костюм покойника.

– Что?

– Привидение, – пояснил он, все вдруг припомнив. – Я купил привидение. Одна женщина решила, что их с дочерью преследует призрак ее покойного отчима. Она выставила неугомонный дух на аукцион в Интернете, и я купил его за штуку баксов. Это его костюм. Она, та женщина, считает, что в нем и живет дух.

– О, круто, – протянула Джорджия. – Так ты наденешь его?

Джуда удивила собственная реакция на эти слова: по коже у него побежали мурашки. На какой-то момент идея показалась ему непристойной.

– Нет, – ответил он, и Джорджия бросила на него непонимающий взгляд, расслышав в его голосе холодные и резкие нотки. Потом она усмехнулась, и Джуд понял: она подумала, что он испугался или как минимум проявил минутную слабость. Он добавил торопливо: – Он мне не по размеру.

Хотя, если говорить честно, костюм заставлял предположить, что полтергейст был примерно одного роста и веса с Джудом.

Джорджия сказала:

– Ну, тогда я буду его носить. Я и сама в какой-то степени неугомонный дух. В мужской одежде я выгляжу очень сексуально.

И вновь чувство отвращения, мурашки на коже. Она не должна надевать его. Даже сказанные в шутку, Джуду претили ее слова, хотя он не понимал почему. Он не позволит ей надеть костюм. В тот миг он не мог вообразить ничего более отталкивающего.

Это было неспроста. Очень немногие вещи так действовали на Джуда. Он почти забыл, что значит испытывать отвращение. Всякого рода богохульства и мерзости вот уже тридцать лет обеспечивали ему неплохой доход.

– Отнесу его наверх. Пусть повисит, пока я решу, что с ним делать, – пробормотал он, стараясь говорить безразлично. Но не преуспел в этом.

Джорджия уставилась на Джуда, заинтригованная столь редкой для него потерей самообладания, а потом стянула с костюма полиэтиленовый пакет. Вспыхнули на свету серебряные пуговицы. Сам костюм был строгий, темный, как вороново крыло, но эти пуговицы размером с четвертак придавали ему вид простецкий и грубоватый. Дополнить его

галстуком-ленточкой – и такой наряд с удовольствием надел бы Джонни Кэш¹.

Ангус залился лаем – высоким, пронзительным, паническим лаем. Присев на задние лапы, прижав хвост к полу, он пятился прочь от костюма. Джорджия засмеялась.

– Да в нем действительно живет призрак.

Она медленно двинулась к Ангусу, размахивая перед собой костюмом, как тореадор размахивает перед быком своим плащом. Приблизившись к псу, она издала протяжный горловой стон бродячего духа. Глаза ее поблескивали от удовольствия.

Ангус пятился до тех пор, пока не наткнулся спиной на стул, опрокинувшийся с оглушительным стуком. Бон прижала уши к черепу и следила за происходящим из-под старого, покрытого пятнами засохшей крови стола для рубки мяса. Джорджия вновь довольно рассмеялась.

– Черт, да прекрати же! – прикрикнул на нее Джуд.

Она бросила на него темный, злорадный взгляд – взгляд ребенка, испепеляющего увеличительным стеклом муравьев, – и вдруг ее лицо исказила гримаса боли. Она вскрикнула и схватилась левой рукой за ладонь правой, отбросив костюм в сторону.

На кончике ее большого пальца набухла яркая капля крови и – кап! – упала на кафельный пол.

– Дерьмо, – прошипела Джорджия. – Проклятая булавка.

– Сама виновата, доигралась.

Злобно прищурившись, она показала Джуду средний палец и промаршировала прочь из кухни. Когда она ушла, Джуд поднялся и убрал сок в холодильник, нож положил в раковину, достал полотенце, чтобы стереть с пола кровь... и тут его взгляд упал на костюм. И он забыл о том, что собирался сделать.

Джуд расправил костюм, сложил рукава на груди и тщательно ощупал ткань. Никаких булавок он не нашел. Не нашел вообще ничего, обо что могла бы уколотся Джорджия. Потом он аккуратно убрал костюм в коробку.

И только тогда заметил едкий дым, поднимавшийся над сковородкой. Он выругался: бекон безнадежно сгорел.

Он поместил коробку на полку в глубине стенового шкафа и решил не думать об этом странном костюме.

Около шести часов вечера он проходил мимо офиса Дэнни, направляясь на кухню за сосисками для гриля, и вдруг из-за двери до него донесся чей-то шепот.

Этот звук заставил его вздрогнуть и замереть на месте. Дэнни ушел домой более часа назад, офис заперт, там никого не должно быть. Джуд склонил голову, прислушиваясь к тихому свистящему голосу... и через миг понял, что это. Пульс стал приходить в норму.

Да нет там никого! Это всего лишь радио: низкие тоны недостаточно низки, и сам голос слишком ровный. Джуд считал, что у звуков есть форма и по ней можно догадаться, в пространстве какого объема они произведены. Например, голос в колодце имеет глубокое круглое эхо, а голос из чулана кажется плотным, сжатым, лишенным полноты. Музыка – та же геометрия. Сейчас Джуд слышал голос, заключенный в коробку. Да, Дэнни забыл выключить радио.

Джуд открыл офис, просунул голову в дверь. Комнату заливал синий полумрак: свет погашен, а солнце в это время суток находится с другой стороны дома. Стереосистема, размещившаяся возле кулера с бутылкой воды, по качеству была третьей с конца из всех систем в доме Джуда, но все же лучше большинства любительской аудиоаппаратуры. Она выглядела как стопка блоков в стеклянном шкафу. Данные выводились на дисплеи в ярком, неестественно-зеленом цвете (в каком видны объекты на приборах ночного видения), за исключением рубинового индикатора радиочастоты. По форме узкий вытянутый ромбик индикатора напоминал кошачий зрачок, который зачарованно, не мигая, взирал на обстановку кабинета.

– ...как низко опустится ртутный столбик сегодня вечером? – спросил по радио мужчина хриплым, почти шершавым голосом. Толстый мужчина, судя по тому, что он дышал со свистом. – Не обнаружим ли мы поутру, что бомжи замерзли насмерть?

– Ваша забота о благополучии бездомных весьма трогательна, – ответил ему второй человек с пронзительным голосом – явно худой.

Это была радиостанция, где крутились песни групп с названиями либо смертельных болезней («Сибирская язва»), либо различных состояний распада («Тухлые»), а диджей питали слабость к лобковым вшам, стриптизу и издевательствам над бедными, калеками и стариками. Более или менее регулярно они ставили и музыку Джуда, поэтому Дэнни настроил систему на их частоту – в знак своей преданности и чтобы лишний раз подольститься. Джуд подозревал, что Дэнни вообще не имеет музыкальных пристрастий, равнодушен ко всем исполнителям и радио для него – лишь фон, нечто вроде звуковых обоев. Если бы Дэнни работал для Энии¹, то разбирал бы ее почту и рассылал факсы под кельтские мотивы.

Джуд двинулся через комнату, чтобы выключить радио, но не дошел – его остановило воспоминание о недавних событиях. Примерно час назад он был на улице с собаками, ходил по подъездной дорожке, наслаждаясь свежестью воздуха и холодком, кусающим щеки. Кто-то из соседей жег опавшую листву, горький запах дыма тоже нравился Джуду.

Из офиса вышел Дэнни, закутанный в теплую куртку и готовый ехать домой. Они поболтали минутку. Точнее, Дэнни болтал без умолку, а Джуд смотрел на собак и пытался не обращать на помощника внимания. Дэнни Вутен как никто другой умел испортить самую благодатную тишину.

Тишина. Офис за спиной Дэнни был погружен в тишину. Джуд даже вспомнил, как две вороны пытались перекрыть ровный ручеек болтовни Дэнни своим карканьем, но из офиса не доносилось ни звука. Если бы радио было включено, Джуд наверняка услышал бы его. Его уши не потеряли былой чувствительности. Они выдержали суровые испытания последних тридцати лет. А вот барабанщик Кении Морликс – единственный из группы, кто остался в живых помимо самого Джуда, – страдал от постоянного звона в ушах. Он не слышал собственной жены, когда та кричала ему в лицо.

Джуд шагнул к стереосистеме, но ему снова стало не по себе. Его беспокоило не что-то конкретное, а совокупность всего, что окружало его сейчас: сумрак офиса, красный глаз, глядящий с дисплея приемника, мысль о том, что час назад, когда Дэнни стоял в дверях и застегивал куртку, радио было выключено. И другая мысль: кто-то недавно побывал в кабинете и, возможно, по-прежнему находится где-то рядом, следит сейчас за Джудом из темноты ванной комнаты сквозь приоткрытую дверь. Параноидальная мысль, не типичная для Джуда. Тем не менее она засела в его голове и не желала никуда уходить. Джуд потянулся к клавише выключения стереосистемы. Он почти не слушает, что передавали по радио, и не отрывал взгляда от двери в ванную. Он пытался придумать, как себя вести, если дверь вдруг распахнется.

– ...холодная и сухая благодаря атмосферному фронту, затягивающему теплый воздух с юга. Мертвые тянут живых вниз. Вниз, в холод. В яму. Вы умир...

Большой палец Джуда вдавил клавишу и выключил стерео – как раз в тот момент, когда он осознал, что произнес диктор. Джуд испуганно вздрогнул и нажал на клавишу еще раз, чтобы разобраться в этом дурацком прогнозе погоды.

Но сводка погоды уже закончилась, и на смену странному диктору пришел диджей.

– ...отморозить наши задницы, но Курту Кобейну в аду тепло.

Взвыла гитара. Пронзительный дрожащий звук длился и длился без какой-либо мелодии и цели, за исключением, может быть, желания свести слушателя с ума. Начало песни «Нирваны» «I Hate Myself and I Want to Die». Не об этом ли говорил диктор в прогнозе погоды? Там было что-то о смерти. Джуд снова выключил радио, вернув в комнату тишину.

Тишина продлилась недолго. Зазвонил телефон, взорвавшись трелью прямо у Джуда за

спиной. От неожиданности пульс его вновь зачастил. Он растерянно оглянулся на рабочий стол Дэнни, недоумевая, кто может звонить сюда в столь поздний час. Перегнувшись через стол, Джуд взглянул на дисплей определителя номера. Код города начинался с цифр 985 – значит, это Восточная Луизиана. Дальше – имя звонившего: «Ковзински М.».

Не поднимая трубки, Джуд уже знал, что это не Ковзински. Если только не произошло чудесное выздоровление. Он почти решил не отвечать, но потом подумал, что звонить может Арлин Уэйд. Вдруг она собирается сообщить ему о смерти Мартина? В таком случае ему придется поговорить с ней раньше или позже, хочет он этого или нет.

– Алло, – произнес он в трубку.

– Привет, Джастин, – сказала Арлин.

Она приходилась ему тетей по материнской линии. Арлин работала фельдшером, но последние тринадцать месяцев ее единственным пациентом был отец Джуда. В свои шестьдесят девять она говорила протяжно, с переливами. Для нее Джуд всегда останется Джастином Ковзински.

– Как ты, Арлин?

– Как обычно. Сам знаешь. И я, и пес в порядке. Правда, он теперь редко поднимается: толстый стал, да и лапы у него побаливают. Но я звоню не затем, чтобы рассказывать о своей собаке. Я по поводу твоего отца.

Как будто она когда-нибудь звонила по другому поводу. В телефонной трубке шипели помехи. Джуд однажды давал по телефону интервью для какой-то радиопередачи в Пекине, а Брайан Джонсон¹ звонил ему как-то из Австралии, и в обоих случаях соединение было чистым и четким, словно с соседней улицы. А вот связь с Мурс-Корнер, штат Луизиана, по какой-то причине всегда была плохой, голос собеседника то пропадал, то вновь всплывал в эфир, как на средневолновой радиостанции, что находится слишком далеко для уверенного приема. Иногда на линию пробивались едва слышные чужие разговоры, на несколько секунд или дольше. Может, в Батон-Руж² в каждый дом проведен высокоскоростной Интернет, но если ты хочешь получить надежную связь с миром в городишках, что стоят на болотах к северу от озера Понтчартрейн, тебе остается лишь сесть в машину и уехать оттуда побыстрее.

– Последние месяцы я кормила его с ложки. Готовила что-нибудь мягкое, что не надо жевать. Он обожал мелкие макароны в форме звездочек и ванильный крем. В моей практике еще ни один умирающий не отказывался от ванильного крема.

– Надо же. Он никогда не был сладкоежкой. Ты уверена насчет крема?

– Кто за ним ухаживает?

– Ты.

– Тогда уверена.

– Ладно.

– Так вот зачем я звоню. Он теперь не ест ни звездочки, ничего. Просто давится всем, что я кладу ему в рот. Больше не может глотать, как мне кажется. Вчера доктор Ньюланд осмотрел его. Подозревает, что случился еще один сердечный приступ.

– Удар, – то ли спросил, то ли уточнил Джуд.

– Ну, не такой удар, что с ног валит. Случись с ним настоящий удар, вопросов бы не было. Он был бы уже мертв. А это, по-видимому, легкий приступ. Такие не всегда дают о себе знать явным образом. Особенно когда в том состоянии, как он сейчас: сидит, смотрит, и все. Он не сказал ни слова за последние два месяца. И уже никогда не скажет.

– Он в больнице?

– Нет. Дома мы ухаживаем за ним ничуть не хуже, а может, даже и лучше. Я живу с ним, а доктор Ньюланд заходит почти каждый день. Но можно и отправить в больницу. Так будет дешевле, если тебе это важно.

– Нет, неважно. Пусть лучше в больнице останется лишняя койка для тех, кому

действительно нужен больничный уход.

– Тут я не стану спорить. В больницах умирает слишком много людей, которым уже нельзя помочь. Остается только удивляться, зачем они там лежат.

– Так что ты собираешься делать с его питанием? Что дальше?

На том конце провода возникла секундная пауза. Кажется, вопрос застал Арлин врасплох. Потом она заговорила тоном человека, объясняющего ребенку жестокую реальность, – с мягкой рассудительностью и одновременно извиняясь:

– Что ж. Решать тебе, не мне, Джастин. Док Ньюланд может подключить его на внутривенное питание. Тогда он протянет еще немного, если ты этого хочешь, – до тех пор, пока не случится очередной приступ и он не забудет, как дышать... А можно оставить все как есть. Лучше ему не станет, в восемьдесят пять лет так не бывает. Мы не вернем ему молодость, правда? Он готов к тому, чтобы уйти. А ты?

Джуд подумал, но не сказал вслух, что он готов к этому уже сорок с лишним лет. Порой он воображал этот момент, честно говоря, он почти мечтал о нем. Но вот он настал, и Джуд с удивлением почувствовал, как у него заныло в желудке.

Тем не менее его ответ звучал ровно:

– Хорошо, Арлин. Внутривенного питания не надо. Раз ты считаешь, что время пришло, я верю тебе. Держи меня в курсе событий, ладно?

Но она, оказывается, еще не закончила. Нетерпеливо фыркнув, она перебила его:

– Когда ты приедешь?

Джуд растерянно нахмурился, опираясь о стол Дэнни.

Разговор прыгал с одной темы на другую – как иголка проигрывателя перескакивает с дорожки на дорожку на битой пластинке.

– Зачем мне приезжать?

– Ты не хочешь увидеться с ним, пока он с нами?

Нет. Он не навещал отца, не был с ним рядом вот уже три десятилетия. Джуд не желал видеть старика при жизни и не желал смотреть на него после смерти. Он не собирался даже присутствовать на похоронах, хотя, конечно, оплачивать все придется ему. Джуд боялся того, что может почувствовать – или не почувствовать. Он даст сколько угодно денег, лишь бы не оказаться вновь в обществе отца. Лучшее, что можно купить, это расстояние.

Сказать такое Арлин Уэйд он, конечно же, не мог, как не мог и признаться, что с четырнадцати лет ждет смерти отца. Вместо этого он спросил:

– А он хотя бы узнает меня?

– Трудно сказать, кого он узнает, а кого нет. Но он понимает, когда рядом с ним кто-то есть. Он следит глазами за всеми, кто входит в комнату и кто выходит. Хотя в последнее время он стал меньше реагировать на внешний мир. Так обычно и бывает, если в мозгу перегорит много лампочек.

– Боюсь, я не смогу приехать. На этой неделе точно не вырваться, – сказал Джуд, прибегнув к самой простой неправде. Он надеялся, что разговор наконец подошел к концу, и приготовился попрощаться. А потом, совершенно неожиданно для самого себя, задал вопрос, о существовании которого в своей голове и не подозревал, пока не услышал его слетающим с собственных губ: – Ему будет тяжело?

– Умирать? Да нет. Когда старики доходят до такой стадии, их уже ничто здесь не держит, если, конечно, не кормить их через трубку. И они уже не страдают.

– Это точно?

– А что? – вопросом на вопрос ответила Арлин. – Ты разочарован?

Через сорок минут Джуд завернул в ванную комнату, чтобы погреть в горячей воде ноги – четырнадцатый размер, плоские стопы, постоянный источник боли, – и застал там Джорджию. Она склонилась над раковиной, посасывая большой палец. На ней была футболка и белые пижамные штаны с рисунком из забавных красных фигурок, на первый взгляд похожих на сердечки. При ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это не

сердечки, а растерзанные дохлые крысы.

Джуд подошел к Джорджии и вытянул ее руку изо рта, чтобы осмотреть уколотый палец. Подушечка припухла и побелела вокруг маленькой ранки. Потеряв интерес, Джуд отпустил ее руку и повернулся к сушилке.

– Завязала бы чем-нибудь палец, – посоветовал он, бросив полотенце через плечо. – А то попадет грязь, и рана загноится. Стриптизерши с физическими недостатками не пользуются большим спросом.

– Ах, какой внимательный сукин сын!

– Если тебе нужно внимание, иди и трахайся с Джеймсом Тейлором¹.

Джорджия вылетела из ванной. Он поглядел ей вслед. Ему хотелось взять сказанные слова обратно, но он не стал этого делать. Девушки вроде Джорджии – в браслетах с металлическими заклепками, с блестящей черной помадой на губах – сами напрашиваются на грубость. Они словно пытаются доказать себе, что могут все выдержать, что они сильные. Вот почему они остаются с ним – не вопреки тому, что он им говорит и как с ними обращается, а ради этого. Джуд не хотел, чтобы кто-то уходил от него разочарованным. А то, что рано или поздно они уйдут, было ясно всем.

По крайней мере, ему казалось, что это ясно. Даже если какая-то из девушек понимала это не сразу, потом она все равно осознавала неизбежность расставания.

Кто-то из собак забрался в дом.

Джуд проснулся в четвертом часу ночи – его разбудили шаги в холле, шорох и шум беспокойного перемещения, мягкие удары о стену.

Он отчетливо помнил, что сам закрыл их в сарае перед тем, как стемнело. Но в первые мгновения после пробуждения этот факт его не обеспокоил. Одна из собак каким-то образом проникла в дом, вот и все.

Джуд минутку посидел на кровати. Спросонок он чувствовал себя одуревшим. Спину Джорджии, спящей слева от него на животе, заливала голубая лужица лунного света. Во сне ее лицо расслабилось, без макияжа она выглядела совсем девочкой. Его вдруг захлестнула нежность к ней – нежность и смущение от того, что они лежат в одной постели.

– Ангус? – проговорил он. – Бон?

Джорджия не шевельнулась. В холле все стихло. Джуд выскользнул из-под одеяла и тут же вздрогнул от неожиданной сырости и холода. Вчера был самый холодный день за многие месяцы, первый по-настоящему осенний день. Теперь в воздухе висела липкая ледяная влага, и это означало, что на улице похолодало еще сильнее. Может, поэтому собаки и залезли в дом. Может, они подрыли стенку сарая и пробрались внутрь в поисках места потеплее. Но зачем им идти в дом? Ведь у них был крытый отсек, и они могли спокойно пройти в отапливаемую часть сарая, если уж испугались холода. Джуд направился к двери спальни, чтобы выглянуть в холл, но по дороге остановился у окна и отдернул занавеску.

Обе собаки находились в открытом загоне, хорошо видные на фоне стены. Ангус бегал взад-вперед по соломе, его длинное гладкое тело возбужденно подрагивало. Бон, напряженно вытянувшись, заняла позицию в углу. Подняв голову, она неотрывно смотрела на окно спальни – на Джуда. В темноте ее глаза светились неестественно ярким зеленым светом. Она не двигалась, даже не мигала, напоминая не живое существо, а статую.

Джуд испытал шок, когда выглянул в окно и наткнулся на ее неподвижный взгляд, словно она давно наблюдала за занавешенными стеклами, ожидая его появления. Но еще неприятнее было осознавать, что разбудили его не собаки, а что-то еще и это что-то – или кто-то – ходит по дому, натываясь в темноте на предметы.

Он глянул на панель системы безопасности, установленную рядом с дверью в спальню. Все здание внутри и снаружи находилось под постоянным контролем датчиков движения. Собаки недостаточно велики для того, чтобы датчики сработали, но взрослый человек обязательно был бы ими замечен, и на панели отразились бы его перемещения.

Однако дисплей горел ровным зеленым светом, выводя одну единственную надпись: «Система работает». Оставалось гадать, достаточно ли умна эта система, чтобы отличить собаку от голого психа, ползающего по дому на четвереньках с ножом в руках.

У Джуда было ружье, но держал он его в звукозаписывающей студии, в сейфе. Поэтому сейчас он потянулся к гитаре «Добро»¹, что стояла у стены. Джуд никогда не разбивал гитар ради эффекта.

Самую первую его гитару разбил отец в одной из своих попыток выбить из сына увлечение музыкой. После того случая у Джуда не возникало желания крушить гитары на сцене, даже когда он мог позволить себе любой самый дорогой инструмент. Но в данной ситуации он готов был воспользоваться гитарой как оружием, если возникнет необходимость. В каком-то смысле, подумал Джуд, он ведь всегда использовал их как оружие.

В холле скрипнула половица, потом другая, потом послышался вздох, будто кто-то устраивался поудобнее. Сердце Джуда забилось быстрее. Он открыл дверь.

В холле было пусто. Джуд прошлепал через длинные прямоугольники ледяного света, падающего в мансардные окна. Он останавливался у каждой двери, стоял, прислушиваясь, потом заглядывал внутрь. Брошенное на стул одеяло на миг показалось ему уродливым карликом, взирающим на него снизу вверх. В другой комнате за дверью он увидел высокую костлявую фигуру. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и он уже замахнулся гитарой, с опозданием разглядев, что это вешалка. Джуд порывисто и глубоко выдохнул.

Дойдя до студии в конце холла, он сначала решил взять ружье, но потом передумал. Он не хотел иметь при себе огнестрельного оружия – не потому что боялся стрелять, а потому что недостаточно боялся. В теперешнем состоянии он может отреагировать на любое движение в темноте, нажать на курок и продырявить Дэнни Вутена или приходящую домработницу. Правда, он представить себе не мог, с чего бы им вдруг бродить крадучись по дому в такой час. С этими мыслями Джуд вернулся в холл и спустился на первый этаж.

Обход первого этажа результата не дал: везде царили сумрак и тишина. Это должно было успокоить Джуда, но почему-то не успокоило. Тишина была неправильная – напряженная, потрясенная, какая наступает после разрыва мощной петарды. Такое безмолвие, такая ужасная немота сдавливали барабанные перепонки Джуда.

Страхнуть сковавшее его напряжение он не мог, но притворился, будто все нормально, и разыграл перед самим собой глупейшую сценку. Прислонив гитару к стене и шумно выдохнув, он произнес:

– Какого черта ты тут делаешь?

До сего момента – пока в тишине не прозвучали эти слова – Джуд не был по-настоящему напуган. Однако звук собственного голоса совершенно лишил его присутствия духа, и вверх по рукам побежали холодные колючие мурашки. Раньше он никогда сам с собой не разговаривал.

Джуд поднялся по лестнице и пошел через холл в спальню. Вдруг его взгляд наткнулся на старика, сидящего у стены в старинном кресле-качалке. Едва Джуд заметил его, кровь рванула по его венам. Он мгновенно отвернулся и уставился на дверь спальни, чтобы видеть пришельца только боковым зрением. В следующие секунды Джуд помнил лишь одно: жизненно важно не смотреть в глаза старику, не показывать виду, что о его присутствии знают. Нет никакого старика, внушал себе Джуд. Здесь никого нет.

Старик сидел, склонив голову, со шляпой на коленях. Очень короткие волосы, почти щетина, искрились, как свежий иней. В полумраке поблескивали пуговицы его костюма, хромированные лунным светом. Джуд сразу узнал этот костюм. Последний раз он видел его в черной коробке в форме сердца перед тем, как упрятать коробку в самый дальний угол стенового шкафа. Глаза старика были закрыты.

С бьющимся сердцем, едва дыша, Джуд приближался к спальне, в противоположный конец холла. Проходя мимо, кресла-качалки, что стояло по левую руку, он задел ногой колено старика. Призрак приподнял голову, но Джуд уже миновал его и почти добрался до

спасительной двери. Он изо всех сил старался не побежать. То, что старик глядит сейчас вслед Джуду, не значит равным счетом ничего. Главное – не смотреть ему в глаза. И вообще, никакого старика здесь нет и быть не может.

Войдя в спальню, Джуд плотно прикрыл за собой дверь и лег на кровать. Его тут же забила дрожь. Он очень хотел придвинуться к Джорджии, прижаться к ее теплому телу и согреться, но подавил это желание, предпочтя остаться на своей половине постели, чтобы не разбудить ее.

Он лежал и смотрел в потолок. Джорджия бормотала что-то во сне и тоскливо постанывала.

Заснуть Джуд и не надеялся, но ближе к утру все же задремал и проснулся необычно поздно для себя – почти в девять часов. Рядом спала Джорджия, повернувшись к нему лицом и положив маленькую руку ему на грудь. Ее ровное дыхание холодило кожу его плеча. Джуд осторожно поднялся, прошагал через холл и спустился по лестнице вниз.

Гитара стояла у стены, где он ее и оставил. При взгляде на нее Джуду стало не по себе. Он хотел убедить себя в том, что прошедшей ночью не видел того, что видел. Он поставил перед собой цель не думать об этом. Но – вот она, его гитара.

Джуд посмотрел в окно и заметил у сарая припаркованную машину Дэнни. Ему нечего было сказать Дэнни, у него не имелось ни малейшей причины беспокоить помощника, но уже через секунду он стоял в дверях офиса. Это случилось само собой. Инстинктивное желание оказаться рядом с человеком, который не спит, достаточно разумен и озабочен лишь обычной рутинной чепухой, оказалось неодолимым.

Дэнни, откинувшись на спинку кресла, говорил по телефону и беззаботно смеялся. Замшевую куртку он пока не снимал, и Джуд отлично понимал почему. Он и сам зябко кутался в халат. В офисе было холодно и сыро.

Дэнни увидел, что Джуд стоит в дверях, и подмигнул ему. Это была еще одна подхалимская привычка, но в это утро она не вызвала у Джуда обычного раздражения. Затем Дэнни нахмурился: ему не понравилось выражение лица Джуда. Продолжая телефонный разговор, он взглядом и бровями изобразил вопрос: все ли в порядке? Джуд не ответил – он не знал, все ли в порядке.

Дэнни быстро договорил по телефону, затем развернулся на стуле и заботливо воззрился на Джуда.

- Что происходит, шеф? Вид у вас неважный.
- У нас поселилось привидение, – сказал Джуд.
- Да что вы? – воскликнул Дэнни радостно и обхватил себя руками в притворном ужасе. Кивнув на телефон, пояснил: – Только что говорил по поводу отопления. У нас здесь настоящий склеп. Скоро придет парень проверить бойлер.
- Я хочу позвонить ей.
- Кому?
- Той женщине, что продала нам привидение. – Дэнни опустил одну бровь и поднял другую, показывая, что не совсем понимает Джуда.
- О каком привидении идет речь?
- О том, что мы заказали. Оно прибыло и поселилось в доме. Я хочу позвонить ей. Узнать кое-что.

Дэнни потребовалось некоторое время, чтобы осознать услышанное. Потом он обернулся к компьютеру и снял телефонную трубку, но взгляд его был по-прежнему устремлен на Джуда.

- Вы-то как, нормально?
- Нет, – ответил Джуд. – Пойду посмотрю собак. Poiщи ее номер, ладно?

Он вышел из дома в халате и нижнем белье, собираясь выпустить Бон и Ангуса из загона.

Воздух нагрелся чуть выше десяти градусов и побелел от мельчайших капелек тумана. И все же на улице Джуду было гораздо комфортнее, чем в сыром холоде дома. Ангус лизнул

его руку шершавым и горячим языком, таким реальным, что Джуд ощутил прилив благодарности. Он с удовольствием гулял с собаками, вдыхая запах мокрой шерсти и наблюдая за их неумными играми. Овчарки унеслись прочь от хозяина, гоняясь друг за другом, потом вернулись. Впереди бежала Бон, а сзади Ангус ловил зубами ее хвост.

Отец Джуда относился к своим собакам гораздо лучше, чем к сыну и к жене. Нечто подобное передалось и Джуду: он обращался с собаками лучше, чем с самим собой. Большую часть детства он делил с ними постель: по сторонам от него всегда спали два пса, а порой в ногах пристраивался третий, он был неразлучен со сворой грязных, блохастых отцовских собак. Резкий запах псины быстро напоминал Джуду, кто он такой и откуда родом. Поэтому прогулка придавала ему уверенности – он снова почувствовал себя самым собой.

В офис он вошел как раз вовремя, когда Дэнни говорил по телефону.

– Большое спасибо. Подождете минутку, пока я позову мистера Койна? – Он нажал какую-то кнопку на аппарате и протянул трубку Джуду. – Ее зовут Джессика Прайс. Живет во Флориде.

Поднимая трубку, Джуд понял, что впервые слышит имя женщины. Когда он делал первую ставку на аукционе, это его не интересовало. Теперь он подумал, что такого рода информацию все-таки надо узнавать заранее.

Джуд нахмурился: имя и фамилия были самыми обычными, но чем-то привлекли его внимание. Он не припоминал ни одного знакомого, кого бы так звали, но наверняка утверждать не мог – слишком легко забыть столь непримечательное имя.

Джуд приложил трубку к уху и кивнул Дэнни. Вторым нажатием кнопки тот снял звонок с режима ожидания.

– Джессика? Здравствуйте, – говорит Джудас Койн.

– Я так понимаю, что костюм вы получили. Он понравился вам, мистер Койн? – спросила она. В голосе ее слышалась южная напевность, интонации были легкими и приятными... но звучало и что-то еще. Какой-то намек, дразнящий, неуловимый намек... Что это? Насмешка?

– Как он выглядел? – Джуд сразу взял быка за рога. Он не любил тратить время на пустые разговоры. – Ваш отчим.

– Риз, милая, – произнесла женщина, обращаясь к кому-то рядом с ней. – Риз, выключи, пожалуйста, телевизор. Пойди лучше погуляй. – Откуда-то издали откликнулся недовольный детский голос. – Потому что я говорю по телефону. – Девочка сказала еще что-то. – Потому что это личная беседа. Иди же, иди. – Раздался звук хлопнувшей двери. Женщина вздохнула, словно говоря: «Ох уж эти дети», а потом спросила у Джуда: – Вы видели его? Может, вы расскажете мне, как он выглядел, и тогда я смогу подтвердить, он это или нет.

Да она издевается над ним.

– Я возвращаю его вам, – ответил Джуд.

– Костюм? Да, пожалуйста. Можете прислать обратно. Это не означает, что он переедет с костюмом. Товар возврату не подлежит, мистер Койн. И обмену тоже.

Дэнни смотрел на Джуда с озадаченной улыбкой, задумчиво наморщив лоб. Джуд вдруг услышал собственное дыхание, хриплое и глубокое. Он искал слова, но не знал, что хочет сказать.

Она заговорила первой:

– У вас дома холодно? Уверена, что именно так. И будет еще холоднее, пока он не закончит свои дела.

– Чего вы хотите? Еще денег? Вы их не получите.

– Она вернулась домой, чтобы убить себя, сукин ты сын, – произнесла Джессика Прайс из Флориды, чье имя показалось ему незнакомым, но, кажется, было не таким незнакомым, как хотелось бы. Ее голос вдруг, без всякого предупреждения, потерял налет юмора. – Когда она тебе надоела, она вскрыла вены в ванне. Ее нашел наш отчим. Она готова была сделать для тебя все, что угодно, а ты выбросил ее как мусор.

Флорида

Флорида. В желудке разлилась боль – холодная тошнотворная тяжесть. В тот же миг голова будто прояснилась, слетела паутина усталости и суеверного страха. Для него она всегда была Флоридой, хотя в действительности ее звали Анна Мэй Макдермотт. Она гадала, предсказывала судьбу по картам таро и читала по ладони. Она и ее старшая сестра научились этому у своего отчима. Он был гипнотизером – последняя надежда курильщиков и проклинающих себя толстых дам, мечтавших покончить с сигаретами и шоколадками. А по выходным отчим Анны занимался лозоходством и использовал свой гипнотический маятник – серебряную бритву на золотой цепочке – для того, чтобы искать потерянные предметы и определять, где копать колодцы. Он вешал этот маятник на тела больных, чтобы исправить ауру и замедлить пожирающий их рак, он говорил с мертвыми, раскачивая цепочку над спиритической доской «Ойя». Но гипнотические сеансы были главным доходом: «Теперь вы можете расслабиться. Закройте глаза. Слушайте мой голос». Джессика Прайс снова заговорила: – Перед смертью отчим объяснил мне, что делать, как связаться с тобой, как послать тебе костюм и что будет дальше. Он сказал, что сам займется тобой, уродливый бездарный ублюдок.

Она звалась Джессикой Прайс, а не Макдермотт, потому что вышла замуж, а теперь овдовела. Джуд припоминал, что муж ее был резервистом и попал в Тикрит, где и погиб. Кажется, Флорида говорила что-то в этом духе. Она, правда, не называла фамилию сестры, или Джуд не запомнил, однако точно рассказывала, что старшая сестра пошла по стопам отчима и занялась гипнозом. И зарабатывала этим чуть ли не семьдесят тысяч в год. Джуд спросил:

– Зачем ты хотела, чтобы я купил этот костюм? Могла бы просто прислать его мне.

Невозмутимость собственного голоса доставляла ему удовольствие. Он говорил спокойнее, чем она.

– Если не заплатить, привидение не принадлежит тебе. Ты должен был заплатить. И ты заплатишь, за все заплатишь.

– Почему ты была уверена, что я куплю его?

– Я же послала тебе письмо по электронной почте. Анна рассказывала мне о твоей безумной коллекции... Ты грязный извращенец-окультист. Я знала, ты не устоишь перед таким соблазном.

– Но костюм мог купить кто-нибудь другой. Там были другие предложения...

– Да не было никаких других предложений, я сама их писала. И никому, кроме тебя, костюм не продала бы. Как тебе понравилась твоя покупка? Ты доволен призраком? О, ты еще не знаешь, на что он способен. А тысячу баксов, что ты заплатил за привидение отчима, я потрачу на цветы для твоей могилы. Отличный будет венок.

«Можно уехать, – думал Джуд. – Можно просто уехать из дома. Оставить здесь и костюм, и мертвого старика. Да, свожу-ка я Джорджию в Лос-Анджелес. Брошу в чемодан немного одежды, а потом продам дом, и все. Дэнни все организует. Да, Дэнни может...»

Он, видимо, произнес это вслух, потому что Джессика Прайс незамедлительно выпалила:

– Давай, поезжай в ближайший мотель. Увидишь, что будет. Куда бы ты ни поехал, он последует за тобой. Где бы ты ни проснулся, он будет сидеть у твоей кровати.

– Значит, Анна жила у тебя, когда решила покончить с собой? – спросил Джуд. Все еще абсолютно спокойно. Все еще сохраняя полное самообладание.

Пауза. Разгневанная сестра переводила дыхание, сразу ответить она не могла. Где-то возле ее дома шумела поливальная установка, на улице кричали дети.

Другого дома у нее не было, – выговорила Джессика. – Она впала в депрессию. У нее всегда имелись проблемы с психикой, но ты усугубил их. Она была слишком несчастна, чтобы выходить из дома, искать помощи, встречаться с людьми. Она возненавидела себя. Это

из-за тебя она захотела умереть.

– А почему ты считаешь, что она умерла из-за меня? Тебе никогда не приходило в голову, что это ты довела ее до ручки? Если бы мне пришлось слушать тебя днями напролет, я бы тоже перерезал себе вены.

– Ты умрешь... – прошипела Джессика. Он перебил ее:

– Придумай что-нибудь новое. А пока ты соображаешь, подскажу тебе, над чем еще стоит поразмыслить. У меня тоже есть знакомые злые духи. Они ездят на «харлеях», живут в трейлерах, питаются метамфетамином, насилуют своих детей и стреляют в жен. Ты называешь их подонками. Я называю их фанами. Что скажешь, если я найду таких парней в твоём районе и попрошу их навестить тебя, а?

– Тебе никто не поможет, – проговорила Джессика сдавленным, дрожащим от ярости голосом. – Черная метка, что стоит на тебе, перейдет на каждого, кто займет твою сторону. Тебе не жить, как не жить тем, кто рядом с тобой. – Казалось, эту речь она выучила заранее. Может, так оно и было. – Люди покинут тебя, а иначе им придет конец вместе с тобой. Ты умрешь в одиночестве, слышишь меня? Ты умрешь один.

– Откуда такая уверенность? Если уж мне суждено умереть, я предпочел бы сделать это в компании, – сказал Джуд. – А если помочь мне никто не сумеет, я наведаюсь к тебе.

И он резко закончил разговор.

Джуд смотрел на черный телефон, зажатый в его руке так, что побелели костяшки, и слушал воинственный стук своего сердца.

– Босс, – выдохнул Дэнни. – Черт. Босс. – Он засмеялся жидким, хриплым, невеселым смехом.

– Что это было?

Джуд мысленно приказал руке отпустить телефон. Она не слушалась. Суставы заклинило намертво. Он слышал вопрос Дэнни, но слова прозвучали, как чужой голос за дверью, как часть разговора в другой комнате, не имеющего к нему, Джуду, никакого отношения.

Он постепенно осознавал, что Флорида мертва. Когда он услышал, что она покончила жизнь самоубийством, когда Джессика Прайс бросила это ему в лицо, он не воспринял ее слова всерьез, потому что не позволил себе поверить. Но долго закрывать глаза на такое было невозможно. Джуд чувствовал, как знание о смерти Анны проникает в него, отчего кровь тяжелеет, густеет и делается как будто чужой.

Джуд и представить себе не мог, что она может умереть, что кто-то, с кем он делил постель, сейчас лежит в земле. Ей было двадцать шесть, нет, должно быть, двадцать семь – в двадцать шесть она ушла от него. Когда он прогнал ее. Двадцать шесть лет, а вопросы задавала как четырехлетний ребенок. «Ты часто едешь рыбачить на озеро Понтчартрейн? А какая собака лучше всех, что у тебя были? Как ты думаешь, что с нами случается после того, как мы умираем?» От таких вопросов любой способен сойти с ума.

Она боялась, что сходит с ума. У нее была депрессия. Не та модная депрессия, какую воображают у себя некоторые «готические» цыпочки, а настоящая, клиническая. Два последних месяца, что они провели вместе, она была совсем подавлена: не могла спать, плакала без причины, забывала одеться, часами сидела перед неработающим телевизором, снимала трубку, когда звонил телефон, но ничего не говорила – просто стояла с трубкой в руках, словно отключенная.

Но до того были летние дни в гараже, когда он переделывал свой «мустанг». По радио пел Джон Прайн¹, на солнце сладко благоухало сено, а дни заполнялись ленивыми бессмысленными вопросами Флориды – бесконечный допрос, то утомительный, то забавный, то эротичный. Было ее снежно-белое тело в татуировках, с костлявыми коленями и худыми бедрами бегуна на длинные дистанции. Ее дыхание щекотало его шею.

– Эй, – сказал Дэнни. Он потянулся и пальцами провел по запястью Джуда. От этого прикосновения его рука раскрылась, освобождая телефон. – Все в порядке?

– Не знаю.

– Расскажите, что происходит?

Джуд медленно поднял на него глаза. Дэнни приподнялся с кресла и перегнулся через стол. Он немного побледнел, и его оранжевые веснушки резко контрастировали с бледностью щек.

Дэнни дружил с Флоридой. Это была та же ничем не обремененная, легкая, несколько обезличенная дружба, какая завязывалась у него со всеми девушками Джуда. Дэнни играл роль любезного и понимающего приятеля-гея, которому они могли доверить свои секреты, излить душу, с кем приятно посплетничать – то есть того, с кем возможна близость без обязательств. А еще он мог рассказать про Джуда то, чего сам Джуд девушкам не рассказывал.

Сестра Дэнни умерла от передозировки героина, когда он только поступил в колледж. Шесть месяцев спустя его мать повесилась, и нашел ее тело Дэнни. Вытянув ноги книзу, она висела на балке в кладовой и слегка покачивалась над перевернутой табуреткой. Не нужно быть психологом, чтобы догадаться: этот двойной удар, почти одновременная потеря сестры и матери, уничтожил какую-то часть Дэнни и словно заморозил его в возрасте девятнадцати лет. Он не красил ногти черным лаком и не делал пирсинг, но его влечение к Джуду не сильно отличалось от влечения Джорджии, Флориды или любой другой поклонницы «готической» музыки. Джуд собирал их, как крысолов с дудочкой собирал крыс и детей. Он создавал мелодии из ненависти, извращений и боли, и они приходили к нему, подпрыгивая в такт песне, надеясь, что он позволит им подпевать.

Джуд не хотел говорить Дэнни о том, что сделала с собой Флорида, он предпочел бы избавить парня от такой новости. Лучше скрыть это от него, кто знает, как Дэнни воспримет известие.

И все-таки Джуд сказал:

– Анна. Анна Макдермотт. Она вскрыла себе вены. А женщина, с которой я говорил, – ее сестра.

– Флорида? – переспросил Дэнни. Он снова сел в скрипнувшее кресло и с видом человека, которому плохо, прижал руки к животу и наклонился вперед. – О, черт. Гадское проклятие.

Никогда еще ругань не звучала столь трогательно. Во время последовавшей паузы Джуд впервые заметил, что радио включено и тихо мурлычет что-то на заднем плане. Трент Резнор¹ пел о том, что он готов отказаться от своей империи грязи. Забавно было, что «Наин инч нейлз» прозвучали именно сейчас, ведь с Флоридой Джуд познакомился именно на их концерте, за сценой. Факт ее смерти вновь обрушился на него, как в первый раз, будто только сейчас до него дошло, что она умерла. «Ты часто ездишь рыбачить на озеро Понтчартрейн?» А затем шок стал перерастать в тошнотворное неприятие. Смерть Флориды казалась такой бессмысленной, глупой и эгоистичной, что нельзя было на нее не разозлиться. Хотелось позвонить ей и отругать как следует, только вот позвониться теперь невозможно – она мертва.

– Она оставила записку? – спросил Дэнни.

– Не знаю. От ее сестры я узнал совсем немного. Наш разговор был не самым информативным. Может, ты обратил внимание.

Но Дэнни не слушал. Он перебил Джуда:

– Иногда мы ходили выпить по «Маргарите». Она была чертовски славной девчонкой. А ее вопросы! Однажды она спросила, какое у меня в детстве было любимое место, чтобы смотреть на дождь. Что это, черт возьми, за вопрос? Она попросила меня закрыть глаза и рассказать, что я видел в окно своей спальни в дождливый день. Целых десять минут. Никогда нельзя было угадать, о чем она спросит в следующий раз. Мы отлично с ней ладили. Не понимаю. То есть, конечно, я знаю, у нее была депрессия. Она мне говорила. Но ей это не нравилось. Думаю, она обязательно позвонила бы кому-то из нас, если бы решилась на такое... Ведь она дала бы нам шанс отговорить ее, да?

– Сомневаюсь.

За последние несколько минут Дэнни словно уменьшился в размерах, усох. Он пробормотал:

– И ее сестра... ее сестра считает, что виноваты вы? Но это же... это просто ерунда.

Однако голос его звучал слабо, и Джуду показалось, что Дэнни не очень верит в то, что говорит.

– Может быть.

– Она страдала эмоциональной нестабильностью еще до того, как встретила вас, – продолжал Дэнни чуть более уверенно.

– Похоже, это у них семейное, – заметил Джуд. Дэнни вновь наклонился вперед:

– Да. Да. Погодите-ка... Какого черта? Сестра Анны и есть та женщина, что продала вам призрак? В смысле, костюм покойника? Да что, черт побери, здесь происходит? И почему вам вдруг захотелось позвонить ей?

Джуд не стал рассказывать Дэнни о событиях прошедшей ночи. В этот миг, придавленный известием о смерти Флориды, он уже не был уверен в том, что он видел ночью. Старый мужчина, в три часа ночи сидевший под дверью его спальни, уже не казался таким реальным, как несколько часов назад.

– Этот костюм – что-то вроде символической угрозы. Она обманом заставила нас купить его. По какой-то причине послать мне костюм просто так она не могла – нужно, чтобы я заплатил за него. По-моему, здравомыслие – не самая сильная ее черта. Короче, когда костюм привезли, я сразу понял: с ним что-то не так. Во-первых, его прислали в дурацкой черной коробке в форме сердца, и – только не сочти меня параноиком – в нем где-то запрятана иголка в расчете на то, чтобы об нее укололись.

– В нем спрятана иголка? И вы укололись?

– Я – нет. А вот Джорджия довольно сильно оцарапалась.

– И как она, нормально? На острие ничего не было?

– Вроде мышьяка? Нет. Не думаю, что эта Джессика Прайс из Психбурга, штат Флорида, настолько тупа. Сумасшедшая – да, но не тупая. Она хочет напугать меня, а загромоздить в тюрьму в ее планы не входит. Она говорит, что привидение ее отчима прибыло к нам вместе с костюмом и оно отомстит мне за то, что случилось с Анной. А эта игла, вероятно, часть заговора вуду, или что там еще бывает. Я вырос рядом с районом беззубых нищих, которые питались крысами, жили в трейлерах и придерживались разных зловещих колдовских идей. В наших местах можно было запросто прийти на работу или в местную забегаловку в венце из терний, и никто бы даже глазом не моргнул.

– Хотите, я позвоню в полицию? – спросил Дэнни. Он понемногу приходил в себя. Ушло напряжение, и обычная самоуверенность вновь стала проглядывать на его лице.

– Не надо.

– Она угрожала вам.

– С чего ты взял?

– Я сам слышал. Я сидел рядом и все слышал.

– Что ты слышал?

Дэнни помолчал немного, глядя на Джуда, а потом опустил глаза и медленно улыбнулся.

– Что вы мне скажете, то я и слышал.

Джуд не выдержал и ухмыльнулся в ответ. Дэнни был абсолютно бесстыжим. Сейчас Джуд, как ни старался, не мог припомнить, за что он иногда злился на Дэнни.

– Не-а, – протянул Джуд. – С этим я разберусь по-другому. Но кое-что ты все же можешь для меня сделать. Анна прислала мне пару писем после того, как уехала домой. Не помню, что я сделал с ними. Ты не поищешь?

– Конечно поищу. – Дэнни снова нахмурился. Его обычные непринужденные манеры вернулись к нему, но щеки все еще покрывала бледность. – Джуд... когда вы говорите, что разберетесь с этим по-другому... как вы с этим хотите разобраться? – Он прикусил нижнюю

губу, изогнул в задумчивости брови. – Вы сказали, прежде чем повесить трубку... Насчет того, чтобы подослать к ней фанатов. Или самому приехать. Все это так не похоже на вас. Я никогда не слышал, чтобы вы так говорили. Я даже немного беспокоюсь.

– Тебе не о чем беспокоиться, – успокоил его Джуд. – А вот на ее месте я бы заволновался.

Мысли неслись одна за другой по головокружительной сужающейся спирали – как черный пес, что бежит за своим хвостом. В мозгу одна за другой возникали ужасные картины. Вот Анна, голая, с пустыми глазами, лежит в ванне красной воды. Вот Джессика Прайс шипит в телефон: «Ты умрешь, тебя убьет холодная рука, она зажмет тебе рот». Вот старик-покойник сидит в холле в черном костюме, как у Джонни Кэша, и медленно поднимает голову, чтобы посмотреть на проходящего мимо Джуда.

Нужно было заглушить этот шум в голове. Как известно, лучше всего в таком случае помогает, если собственноручно произвести другой шум. Джуд отнес гитару в студию, взял несколько пробных аккордов, но остался недоволен тональностью. В поисках гитарного капо он заглянул в стенной шкаф и обнаружил там патроны.

Они лежали в коробке в форме сердца... в одной из желтых коробок в форме сердца, что отец дарил матери на каждый Валентинов день и День матери, на Рождество и на ее день рождения. Мартин больше ничего ей не дарил – ни роз, ни колец, ни шампанского, только вот такую большую коробку шоколадных конфет из одного и того же супермаркета.

Ее реакция всегда была неизменна, как и подарок. Коробку она принимала, неловко улыбаясь, не разжимая губ.

Она стеснялась своих зубов. Вся верхняя челюсть была вставной, настоящие зубы выбиты. Конфетами из подаренной коробки она всегда сначала угощала мужа, а тот, горделиво улыбаясь, как будто преподнес ей бриллиантовое ожерелье, а не трехдолларовые сладости, качал головой и отказывался. Потом она подносила коробку Джуду.

И Джуд всегда выбирал конфету, что лежала в центре, – вишню в шоколаде. Ему нравился хлюпающий звук, когда конфета ломалась у него на зубах, чуть кисловатая липкая сладость сиропа, сморщенная мякоть вишни. Он воображал при этом, что жует покрытое шоколадом глазное яблоко. Уже в те далекие годы Джуд получал удовольствие, измышляя самые отвратительные вещи, придумывая самые гадкие мерзости.

Коробка обнаружилась под гнездом из проводов, педалей и адаптеров, в гитарном чехле, лежащем у задней стенки студийного шкафа. И это был не просто гитарный чехол, а тот, с которым он покинул Луизиану тридцать лет назад. Правда, подержанная «Ямаха» за сорок долларов, изначально лежавшая там, давно ушла из жизни Джуда. Ее он оставил на сцене в Сан-Франциско, где открывал концерт «Лед зеппелин» в 1975 году. В те дни он много чего оставил: семью, Луизиану, свиней, бедность, прежнее имя. Он не тратил время на то, чтобы оглядываться.

Только он вынул находку из гитарного чехла, как его руки онемели и коробка полетела на пол. Джуд знал, что там лежит, еще не открывая крышку, – ему хватило одного взгляда. А если у него и оставались сомнения о ее содержимом, то они исчезли, когда коробка приземлилась на пол с металлическим лязгом. Джуда сковал почти атавистический ужас, какой охватывает человека, внезапно увидевшего, что по его руке ползет жирный мохноногий паук. Эту коробку он не видел уже более трех десятков лет. Он отлично помнил, что засунул ее между матрасом и пружинами своей кровати в отцовском доме в Мурс-Корнере. Она не покидала Луизианы и ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в этом гитарном чехле. Но вот – она здесь.

Он с минуту смотрел на желтую коробку, прежде чем сумел заставить себя поднять ее с пола. Снял крышку и вывалил содержимое на пол. Патроны раскатились во все стороны.

Юный Джуд собирал их с тем же безоглядным увлечением, с каким другие дети коллекционировали бейсбольные карточки. То была его первая коллекция. Джастин Ковзински начал ее в восемь лет, за долгие годы до того, как ему в голову пришла мысль, что

он может быть кем-то другим. Однажды он шел по полю и услышал, как что-то щелкнуло у него под ногой. Он нагнулся и увидел ружейную гильзу, валявшуюся в грязи. Должно быть, это была гильза от патрона его отца. Стояла осень, и старик стрелял диких индеек. Джастин понюхал потрескавшийся сплюснутый цилиндр. Слабый запах пороха зашекотал его ноздри, а ощущение должно бы быть неприятным, но, как ни странно, оно пленило Джастина. Гильза отправилась вместе с ним домой в кармане комбинезона, а затем оказалась в одной из пустых конфетных коробок.

Вскоре к ней присоединились два патрона тридцать восьмого калибра, украденные из гаража приятеля, необычные серебристые гильзы, найденные на стрельбище, и патрон от британской винтовки – длиной с его средний палец. Это последнее пополнение коллекции обошлось Джуду весьма недешево – он выменял его на журнал комиксов «Крипи» с обложкой самого Фразетты¹, но считал обмен равноценным. Ночами он лежал в постели и рассматривал свою коллекцию, изучая отражения звезд на полированных поверхностях и приносясь к запаху свинца (так мужчина вдыхает аромат духов своей возлюбленной, оставшийся на ее ленте, и погружается в мир сладких фантазий).

В старших классах он подвесил британский патрон на кожаный шнурок и носил его на шее, пока директор не конфисковал это украшение. Джуд удивлялся, как не убил никого в те годы. Он обладал всеми основными элементами «школьного стрелка»: гормонами, страданием, амуницией. Многие не понимают, как могла произойти трагедия в школе Коламбин². Джуд не понимал, почему такое не случается сплошь и рядом.

Они все были тут: и сплюснутая гильза от винтовки отца, и серебряные гильзы, и двухдюймовый патрон от штурмовой винтовки AR-5. Хотя последнего просто не могло быть – директор так и не вернул его Джастину. Это было предупреждение. Ночью Джуд видел привидение покойного отчима Анны, а теперь старик дал ему понять, что их дело еще не окончено.

Джуд понимал, что это совершенно безумная мысль. Наверняка есть не меньше дюжины объяснений, как сюда попала коробка с патронами и гильзами. Но Джуда не интересовали разумные доводы, он никогда не был рассудочным человеком. Его интересовала только правда. Ночью он видел старика. Да, на несколько минут, в залитом солнцем офисе Дэнни он сумел притвориться, уговорить себя, что этого не было, но это случилось.

Справившись с первым шоком, он более внимательно осмотрел рассыпавшиеся патроны. Он предположил, что они не просто предупреждение, а послание. Покойник – вернее, его призрак – предлагал противнику вооружиться.

Джуд подумал о своем револьвере «суперблэкхок», спрятанном в сейфе под столом, но потом отбросил эту мысль. В кого он собирается стрелять? Он понимал, что привидение существует прежде всего в его голове. Скорее всего, привидения всегда жили не в замках и заколдованных комнатах, а в умах людей. И если он хочет подстрелить призрак, то ему придется направить дуло себе в висок.

Он высыпал патроны обратно в конфетную коробку и накрыл ее крышкой. Они ему не пригодятся. Но существуют и другие виды оружия.

В шкафу у дальней стены студии Джуд держал другую свою коллекцию – собрание книг об оккультизме и сверхъестественных явлениях. Когда его группа только набирала обороты, на пик популярности взлетела «Блэк саббат»³, и менеджер присоветовал Джуду сделать вид – хотя бы сделать вид, – что он, Джуд, в приятельских отношениях с Люцифером. Джуд к тому времени уже изучил несколько работ по групповой психологии и массовому гипнозу и решил: фаны – это хорошо, а культовое поклонение – еще лучше. К списку того, что нужно изучить, он прибавил труды Алистера Кроули и «Случай Чарльза Декстера

1

2

3

Уорда»¹ и добросовестно прочитал их, аккуратно подчеркивая основные понятия и факты.

Уже став знаменитостью, он получал подобные книги в подарок от всевозможных сатанистов, чернокнижников и спиритуалистов. Те слушали его музыку и приходили к выводу, что Джуд разделяет их воззрения (хотя на самом деле он оставался крайне далек от оккультизма, для него это было как черные кожаные штаны – деталь образа, не более). В частности, так он стал обладателем невразумительного пособия, изданного католической церковью в тридцатых годах, с описанием ритуала по изгнанию дьявола, а также сборника извращенных и кощунственных псалмов, написанных сумасшедшим тамплиером пятьсот лет назад, и кулинарной книги для каннибалов.

Джуд поставил коробку с патронами и гильзами на полку среди книг. Все мысли о поисках капо и игре на гитаре испарились. Он провел пальцем по корешкам фолиантов. В студии было холодно – настолько, что он с трудом переворачивал страницы. Он сам не знал, что ищет.

Сначала он попытался разобраться в заумном трактате о животных-фамилиарах – существах, любовью и кровью привязанных к своим хозяевам и умеющих напрямую общаться с духами мертвых. Написанный на непролазном староанглийском, без пунктуации, трактат оказался Джуду не по зубам. Промучившись с одним абзацем десять минут, он так и не понял, о чем там говорилось. Пришлось отложить томик в сторону.

В другой книге он остановился на главе об одержимости демонами и злыми духами. Одна гротескная иллюстрация изображала мужчину, распростертого на постели посреди смятых простыней, с выпученными от ужаса глазами и разинутым в немом крике ртом. Между его губ виднелся злобный ухмыляющийся гомункулус, вылезающий наружу. Или же, что еще страшнее, он лез внутрь человека.

Джуд прочитал о том, что любой, кто приоткрывает золотую дверь смертности и хочет взглянуть, что за ней, рискует впустить в этот мир кого-нибудь с той стороны. Особую осторожность здесь следует проявлять больным, старым и тем, кто любит смерть. Тон высказывания был убедительным и напористым, и Джуд с надеждой стал читать дальше, пока не дошел до описания наилучшего метода защиты, а именно – умывания мочой. Он мог многое принять, если речь шла о пороках, но такие водные процедуры даже для него были чересчур. Вскоре книга выскользнула из его замерзших рук, но он не стал поднимать ее. Более того – отпихнул в сторону, чтоб не мешалась под ногами.

Дальше шло издание о привидении в доме священника в Борли, следующее – о беседах с духами при помощи спиритической доски, потом – о применении алхимиками первой менструальной крови. Вконец разозлившись, Джуд стал швырять книги направо и налево. Что ни слово, то дерьмо! Демоны, фамилиары, магические круги, волшебные свойства мочи. Один том задел лампу, и она звонко разбилась. Другой угодил в рамку с платиновым диском. По стеклу во все стороны брызнула паутина трещин. Рамка упала со стены, ударилась об пол, с треском перевернулась диском вниз. Под руку Джуду опять попала желтая коробка из-под конфет. Она врезалась в стену, патроны и гильзы с веселым стуком раскатились по полу.

Тяжело дыша и озираясь в поисках того, что еще можно разбить, сломать, убрать с глаз долой, он схватил с полки очередную книгу. И вдруг остановился. То, что показалось ему книгой, по весу и на ощупь было чем-то другим. Он взглянул на прямоугольный предмет в своей руке – черная видеокассета, не подписанная. Сначала Джуд не мог вспомнить, что это за кассета, и стоял, недоумевая. Только через несколько мгновений он сообразил: это та самая порнуха с убийством. Она простояла здесь, на полке с книгами, а не в стойке для видеокассет, уже четыре года и так примелькалась, что он перестал замечать ее среди книг. Она слилась с грудой вещей, заполнявших полки.

Однажды утром Джуд заглянул в студию и увидел, что его жена, Шеннон, смотрит эту кассету. Он собирался в Нью-Йорк и зашел за гитарой, которую хотел взять с собой. При виде жены он остановился в дверях. Шеннон замерла перед телевизором, глядя, как на экране один мужчина в окружении нескольких других душит голую девочку-подростка

целлофановым пакетом.

Шеннон хмурилась, сосредоточенно наморщив лоб. Девушка умерла. Джуд не боялся сцены со стороны жены – гнев не производил на него впечатления, но он знал, что надо опасаться ее, когда она становилась вот такой – спокойной, молчаливой, ушедшей в себя.

Наконец она спросила:

– Это не инсценировка?

– Нет.

– Она действительно умерла?

Он посмотрел на экран. Девушка обмякла и неподвижно лежала на полу.

– Да, она действительно умерла. Кажется, они и дружка ее прикончили.

– Он умолял их не делать этого.

– Кассету мне дал один коп. Он даже рассказал, кто были эти двое: наркоманы из Техаса, обворовали винный магазин и пристрелили кого-то, а потом пытались бежать в Тихуану. У копов валяется много всякого больного дерьма.

– Он умолял, чтобы ее не убивали.

Джуд мотнул головой:

– Чудовищная штука. Не знаю, почему я до сих пор не выкинул ее.

– Мне тоже непонятно, – сказала она.

Шеннон поднялась, вынула из магнитофона кассету и уставилась на нее, держа в руке, будто раньше никогда не видела кассет, и пыталась сообразить, для чего нужна эта вещь.

– Ты в порядке? – спросил ее Джуд.

– Не знаю, – ответила Шеннон, взглянув на него растерянно. – А ты?

Джуд промолчал, и она прошла через комнату, проскользнула мимо него к выходу, но в дверях спохватилась: кассета все еще оставалась у нее в руке. Тогда она аккуратно положила ее на полку и ушла. Через некоторое время домработница поставила ее среди книг, и Джуд так и не удосужился исправить ее ошибку. А потом вообще забыл об этом.

У него возникли более серьезные проблемы. Вернувшись из Нью-Йорка, он обнаружил, что в доме пусто, вещей Шеннон нет. Она даже не оставила ему записки. Ни «Дорогой Джуд, прости», ни слов о том, что их любовь была ошибкой, или что она любила некую его версию, в реальности не существовавшую, или что они изменились и стали чужими. Ей было в то время сорок шесть лет, раньше она уже была замужем и развелась. Она не закатывала театральных представлений. Когда она хотела поговорить с Джудом, она звонила сама, когда ей было что-то нужно, звонил ее адвокат.

Глядя теперь на видеокассету, он по-прежнему не мог объяснить себе, почему до сих пор держал ее в доме... или почему она держалась в его доме. Было бы логично, если бы он отыскал кассету и выбросил, когда обнаружил, что жена ушла. Более того: Джуд не понимал, зачем он вообще взял это видео. Да, ему предложили. И тут в голову Джуду пришла не очень приятная мысль: в последние годы он с готовностью принимал все, что ему предлагали, не особо задумываясь над последствиями. А последствия, оказывается, могли быть самыми серьезными. Анна предложила ему себя – он взял ее, и теперь она мертва. Джессика Макдермотт предложила ему костюм покойника – и теперь это его костюм. Его костюм.

Джуд ведь палец о палец не ударил ради того, чтобы заполучить этот костюм, или кассету с мексиканским снафф-порно, или другие предметы его коллекции. Наоборот, все они будто сами притянулись к нему, как притягиваются к магниту железные опилки. Он, как и магнит, ничего не мог поделать с тем, что они притягиваются и прилипают. Однако это выглядит как беспомощность, а беспомощным он никогда не был. И если он желает бросить что-нибудь в стену, лучше взять злосчастную кассету.

Но он слишком долго стоял неподвижно, погрузившись в раздумья. Холод, царивший в студии, ослабил его, и Джуд почувствовал усталость. Он почувствовал свой возраст. Было так холодно, что он удивился, не увидев пара от своего дыхания. Он подумал, что нет ничего глупее – и слабее – пятидесятичетырехлетнего мужчины, разбрасывающего книги в приступе ярости, а слабость он презирал больше всего. Он хотел бросить кассету на пол и растоптать

ее, но вместо этого положил обратно на полку, смутно понимая: нужно действовать хладнокровно и хотя бы сейчас вести себя так, как подобает взрослому человеку.

– Выброси его! – раздался от дверей голос Джорджии.

От неожиданности Джуд вздрогнул. Овернулся, взглянул на нее. Джорджия была бледной от природы, однако сейчас, ее лицо казалось обескровленным и белым, как полированная кость. Она напоминала вампира еще сильнее, чем обычно. Сначала Джуд отнес это на счет косметики, но потом заметил, что лицо Джорджии влажно от пота, а тонкие черные волосы прилипли к вискам и лбу. Она стояла в одной пижаме, обхватив себя руками, и дрожала от холода.

– Ты что, заболела? – спросил Джуд.

– Да нет, – отмахнулась она. – Я ходячая реклама здоровья. Выброси его. Он аккуратно положил видеокассету на полку.

– О чем ты?

– О костюме покойника. От него воняет. Ты же вынимал его из шкафа, разве не заметил, как он пахнет?

– А он не в шкафу?

– Нет, не в шкафу! Когда я проснулась, он лежал на кровати. Лежал, раскинув рукава, прямо рядом со мной. Ты забыл его убрать? Или ты даже забыл, что вытащил его? Богом клянусь – удивляюсь, как это в туалете ты не забываешь засунуть обратно в штаны свой хрен! Надеюсь, что вся дрянь, которую ты выкурил в семидесятые, стоила твоих нынешних проблем с головой. Зачем ты вообще доставал этот чертов костюм?

Если костюм действительно находится не в шкафу, значит, выбрался он оттуда самостоятельно. Но говорить это Джорджии не имело ни малейшего смысла, поэтому Джуд промолчал, притворившись, будто занят наведением порядка в студии.

Он деловито обошел стол, нагнулся и развернул лицевой стороной вверх рамку с платиновым диском, что упала со стены. Сам диск пострадал не меньше, чем стекло рамки. Джуд собрал осколки. Битое стекло с мелодичным перезвоном посыпалось в урну у письменного стола. Потом он вынул куски разбитого платинового альбома – «Веселые линчеватели» – и тоже бросил их в мусор: шесть блестящих кинжалов из прорезанной бороздками стали. Что теперь? Джуд предположил, что нормальный трезвомыслящий человек пошел бы взглянуть на костюм. Он обернулся к Джорджии.

– Пойдем, тебе лучше прилечь, ты ужасно выглядишь. А я уберу костюм на место и укурую тебя одеялом.

Он взял ее за руку, но девушка высвободилась.

– Нет. Провоняла вся постель. От простыней разит какой-то мерзостью.

– Ну, постелим свежее белье, – сказал он, снова беря ее за руку выше локтя.

Джуд развернул ее и вывел в холл. Слева, ближе к спальне, в кресле-качалке сидел старик. Голова опущена, будто в задумчивости. Там, где должны были быть его ноги, висела завеса из лучей утреннего солнца. Призрачное тело словно растаяло там, где на него падал свет. Этот эффект придавал старику вид инвалида войны, у которого брючины заканчивались где-то посередине бедра. Ниже солнечного разлива виднелись черные кожаные ботинки, надетые на черные носки. А между бедрами и ботинками были только одни ноги – ножки стула, ослепительно желтые в лучах солнца.

Джуд заметил старика и мгновенно отвернулся. Он не хотел смотреть на него, не хотел думать о том, что призрак снова здесь. Он глянул на Джорджию – увидела ли она привидение? Но девушка, ведомая рукой Джуда, уставилась себе под ноги и опустила челку на глаза. Он хотел, чтобы она взглянула на старика. Хотел узнать, может ли Джорджия видеть его, но слишком боялся заговорить в присутствии покойника. Он боялся, что привидение услышит его и поднимет голову.

Разумом Джуд понимал, что надеяться проскользнуть мимо старика незамеченными – безумная мысль. Тем не менее он верил, что если оба они будут вести себя очень тихо, то сумеют пройти через холл, не побеспокоив призрак. Глаза покойника оставались закрытыми,

подбородок упирался в грудь. Трудно было отделаться от впечатления, что это обычный старичок, прикорнувший на утреннем солнышке. В эти секунды Джуд хотел одного: чтобы призрак не двигался с места. Не шевелился. Не просыпался. Не открывал глаз. Пожалуйста, пусть он не открывает глаз.

Они приближались к креслу-качалке, но Джорджия так и не взглянула в ту сторону. Сонная, она положила голову Джуду на плечо и прикрыла веки.

– Так ты расскажешь мне, зачем разгромил всю студию? Это ты кричал? Мне показалось, я слышала какие-то крики.

Он не хотел смотреть туда, но не мог не смотреть. Привидение сидело на месте: голова чуть склонилась набок, на губах играет легкая улыбка, будто старик размышляет о чем-то приятном или видит хороший сон. Кажется, он не слышит ее. У Джуда появилась какая-то мысль, еще неоформленная, еще невыразимая словами. С закрытыми глазами, с едва заметным наклоном головы привидение как будто бы... прислушивалось к чему-то.

«Прислушивается ко мне», – подумал Джуд. Вероятно, ждет, когда его присутствие будет признано, и тогда в свою очередь признает (сможет признать) присутствие Джуда. Они были уже совсем рядом с призраком, должны были вот сейчас пройти мимо, и Джуд вжался в Джорджию, чтобы избежать прикосновения к покойнику.

– Эти крики и разбудили меня и еще ужасная вонь... – Джорджия негромко кашлянула и подняла голову, прищурившись на дверь спальни. Она так и не замечала привидения, хотя они шли прямо на него. Вдруг она встала на месте как вкопанная: – Я не войду туда, пока ты не сделаешь что-нибудь с костюмом.

Он передвинул ладонь с ее предплечья на запястье и сжал его, подталкивая Джорджию вперед. Она тоненько вскрикнула, обозначая протест и боль, и попыталась вырваться из его хватки.

– Какого хрена?

– Иди, не останавливайся, – рявкнул он и понял мгновением позже, что все-таки заговорил. Сердце ухнуло в пропасть.

Он обернулся, чтобы взглянуть на привидение, и в тот миг покойник вскинул голову и поднял веки. Вместо глаз у него были черные каракули. Как будто ребенок взял фломастер – волшебный фломастер, рисующий по воздуху, – и старательно закрасил глаза старика. Черные линии вились и закручивались, как черви, спутавшиеся в клубок.

Старик улыбнулся ему – короткой злоеющей улыбкой, не раздвинув сомкнутых губ. И Джуд миновал его, толкая перед собой Джорджию, не обращая внимание на ее сопротивление и жалобы. Уже открывая дверь спальни, он снова не выдержал и оглянулся.

Призрак поднялся на ноги, и, пока он совершал это движение, его ноги вышли из освещенного лучами участка и нарисовались между ботинками и серединой бедер – длинные ноги в черных брюках с острыми складками. Покойник протянул руку в сторону и развернул ладонь к полу. Что-то выпало из его руки и повисло – плоский серебряный кулон, отполированный до зеркального блеска, на тонкой золотой пеночке. Нет, не кулон, а изогнутое лезвие. Что-то вроде игрушечной версии маятника из рассказа Эдгара Аллана По¹. Золотая цепочка присоединялась к обручальному кольцу на одном из его пальцев, словно он был женат на этой бритве. Старик позволил Джуду рассмотреть свой маятник, а потом дернул рукой, как ребенок, играющий с йо-йо, и маленькая изогнутая бритва скрылась в его ладони.

Джуд чуть не закричал, он чувствовал, как стон рвется из его груди. Он затолкал Джорджию в спальню и с силой захлопнул дверь.

– Что ты делаешь, Джуд? – чуть не плакала Джорджия, наконец-то освободившись из его рук и пятясь от него прочь.

– Заткнись.

Левой рукой она ударила его в плечо, потом стукнула по спине перевязанной правой, но причинила боль не ему, а себе. Джорджия ойкнула обиженно и слабо, понурила голову и отошла.

Джуд, не обращая на нее внимания, держался за дверную ручку. Он хотел слышать, что происходит в коридоре. Там было тихо.

Приоткрыв дверь на три дюйма, готовый в любой миг снова захлопнуть ее, он решился посмотреть, там ли еще призрак со своей бритвой. В холле никого не было.

Он зажмурился. Закрыл дверь. Прислонился к дереву лбом, сделал глубокий вдох, наполнив легкие и задержав дыхание, потом медленно выдохнул. Лицо холодила липкий пот, и он поднял руку, чтобы стереть его. Что-то ледяное, острое и твердое царапнуло его щеку, и он открыл глаза. В ладони Джуда лежала изогнутая бритва призрака. Синеватая сталь лезвия отражала его собственный широко раскрытый глаз.

С диким воплем Джуд отбросил от себя лезвие. Но когда он посмотрел на пол, там уже ничего не было.

Он попятился от двери. Все пространство комнаты заполнил шум затрудненного дыхания – его собственного и Мэрибет. В этот момент она была для него Мэрибет. Он не мог вспомнить, как обычно называл ее.

– Что за дерьмо ты пьешь? – спросила она, почти незаметно (но только не для уха Джуда) растягивая слова, как и положено уроженке Юга.

– Джорджия, – вспомнил он тогда. – Ничего. Я абсолютно трезв.

– Проклятье. Тогда чем ты долбишься?

Едва заметный южный говорок пропал, исчезнув так же внезапно, как и появился. Джорджия пару лет прожила в Нью-Йорке, где целенаправленно работала над своим произношением. Ей не нравилось, когда ее принимали за южную деревенщину.

– Я перестал принимать наркотики много лет назад. Я же говорил тебе.

– Тогда что было в холле? Ты что-то заметил. Что? – Он бросил на нее предупреждающий взгляд, который Джорджия проигнорировала. Она стояла перед ним в пижаме, обхватив себя руками, слегка расставив ноги, как будто хотела преградить ему дорогу в спальню. Абсурдное намерение для девушки, весившей на добрую сотню фунтов меньше Джуда.

– В холле сидел старик. В кресле, – произнес он наконец. Он вынужден был что-то объяснить Джорджии и не видел причины лгать. Сочтет ли она его безумным, Джуда ни капли не беспокоило. – Мы прошли прямо мимо него, но ты его не увидела. Не знаю, можешь ли ты вообще его видеть.

– Какой-то бред сумасшедшего. – Особой уверенности в ее голосе не прозвучало.

Джуд направился к кровати, и она уступила ему дорогу, прижавшись к стене.

Костюм покойника был аккуратно разложен на той стороне, где обычно спал Джуд. Коробка в форме сердца лежала на полу, рядом – небрежно откиннутая крышка. Из коробки торчала белая упаковочная бумага. Уже за несколько шагов от костюма Джуд почувствовал неприятный запах. Его передернуло. Запаха не было, когда он в первый раз вынимал костюм из коробки, иначе Джуд бы запомнил. Не запомнить такую вонь невозможно. Это был запах разложения, смрад чего-то мертвого и гниющего.

– Господи, – только и сказал Джуд. Джорджия стояла поодаль, прикрыв ладонью рот и нос.

– Знаю. Я еще подумала: может быть, в карманах что осталось. Еда какая-нибудь.

Дыша через рот, Джуд похлопал по карманам. Он ожидал, что найдет в них нечто вроде полуразложившейся крысы. Он не удивится, если Джессика Прайс приложила к костюму в качестве подарка небольшой довесок – без дополнительной оплаты. Но в карманах он нащупал лишь плоский жесткий квадратик – вероятно, из пластика. Джуд вытащил находку.

Это оказалась хорошо знакомая фотография, где он был снят вместе с Анной. Анна очень любила ее. Их снял Дэнни в один из августовских дней. Рыжеватый теплый солнечный свет падает на переднее крыльцо, в воздухе кишат стрекозы, поблескивают пылинки. Джуд сидит на крыльце с гитарой «Добро» на колене. Анна пристроилась рядом и смотрит, как он играет, зажав ладони между бедер. У их ног расprostерлись в пыли собаки, вопросительно глядя на камеру.

То был чудесный день. Может быть, один из последних хороших дней перед тем, как их отношения стали портиться. Однако вид фотографии не доставил Джуду удовольствия: кто-то отредактировал ее, размашисто закрасив глаза Джуда черными чернилами.

От созерцания испорченной карточки его отвлек голос Джорджии: она что-то спрашивала у него неуверенным негромким голосом:

– Какой он? Тот призрак в холле?

Джуд стоял так, что корпусом загораживал фотографию, так что девушка, к счастью, не видела, что у него в руках. Он не хотел показывать ей снимок. Ответить сразу он не смог, все еще потрясенный видом черных зигзагов, скрывающих его глаза на фотографии. Собравшись, он проговорил:

– Обычный старик. Одет в этот костюм.

«А вместо глаз у него проклятые черные каракули – как здесь», – мог бы сказать Джуд и протянуть снимок Джорджии. Но он этого не сделал.

– Он просто сидел там? – спросила Джорджия. – Больше ничего не случилось?

– Потом он поднялся и показал мне бритву на цепочке. Забавная такая бритва.

В тот день, когда Дэнни сфотографировал их, Анна еще была самой собой. Пожалуй, думал Джуд, она была тогда счастлива. Джуд тогда проводил целые дни под днищем своего «мустанга», и Анна находилась поблизости, иногда даже залезала к нему под машину, чтобы подать деталь или инструмент. На фото было видно, что подбородок у нее испачкан моторным маслом, на коленях и на руках тоже грязь – почетная трудовая грязь, какой можно гордиться. Она подняла брови домиком, отчего между ними образовалась славная ямочка, и приоткрыла рот, будто смеялась... или, скорее всего, собиралась спросить у него что-нибудь. «Ты часто ездишь рыбачить на озеро Понтчартрейн? А какая собака была лучшей из всех, что у тебя были?» Ох уж эти ее вопросы.

Тем не менее Анна не спрашивала, почему он прогоняет ее, когда между ними все закончилось. Ни о чем не спрашивала – после той ночи, когда он нашел ее на обочине трассы, бредущую куда-то в одной футболке под гудки проезжающих автомобилей. Он втянул ее в машину и уже замахнулся кулаком, чтобы ударить, но вместо этого стукнул по рулю – раз, другой, третий, пока на костяшках не выступила кровь. Хватит, сказал он тогда, он сейчас сам соберет ее дерьмовые пожитки и отправит домой. Анна прошептала, что умрет без него. Он ответил, что пришлет на похороны цветы.

Что ж, по крайней мере, она сдержала свое слово. А Джуду выполнять свое обещание уже поздно.

– Ты случайно не выдумал все это? – спросила Джорджия. Ее голос раздался неожиданно близко. Она постепенно приближалась к нему, несмотря на отвратительную вонь. Он тайком сунул фотографию обратно в карман костюма, чтобы не увидела Джорджия. – Если это шутка, мне совсем не смешно.

– Это не шутка. Существует вероятность, что я схожу с ума, но мне кажется, дело не в этом. Женщина, что продала мне... костюм, отлично знала, что делает. Ее младшая сестра была моей поклонницей, а потом совершила самоубийство. Теперь ее родственники – старшая сестра, в частности, – винят в ее смерти меня. Я говорил с ней по телефону всего час назад, и она сама мне все рассказала. Так что в этой части можно быть уверенным — это не плод моего воображения. Дэнни был рядом, он слышал, что я говорил. Она хочет отомстить мне. Поэтому-то и послала привидение. Кстати, вчера ночью я его тоже видел.

Джуд стал складывать костюм, намереваясь убрать его в коробку.

– Сожги его, – выпалила Джорджия с такой горячностью в голосе, что Джуд удивился. – Сожги этот мерзкий костюм к черту.

На миг его охватило почти неудержимое желание именно так и поступить: найти какую-нибудь горючую жидкость, облить ею костюм и сжечь на подъездной дорожке. Но почти сразу Джуда охватили сомнения. Его останавливала бесповоротность такого действия. Кто знает, какие мосты он сожжет вместе с этим куском ткани? Где-то на краю сознания промелькнула мысль о вонючем костюме и о том, как его можно использовать, но она

ускользнула прежде, чем Джуд успел поймать ее. Он устал. Сейчас он не в состоянии ни о чем думать.

Причины, побудившие его отказаться от идеи сожжения, были нелогичны, основаны на предрассудках и неясны даже ему самому. Однако когда он заговорил, оказалось, что у него есть вполне разумное объяснение:

– Мы не можем сжечь его. Костюм – улика. Если я подам на эту женщину в суд, мой адвокат обязательно захочет его увидеть.

Джорджия рассмеялась – слабо и невесело.

– За что? За нападение с помощью злого духа?

– Нет. Может быть, за хулиганство. Или преследование. Она угрожала мне, а это серьезно, даже если она сумасшедшая.

Он закончил складывать костюм и уложил его обратно в коробку, в гнездо из вороха упаковочной бумаги. Дышал он все это время через рот, отвернувшись в сторону от источника смрада.

– Вся комната провоняла. Меня сейчас вырвет, кажется, – выдавила Джорджия.

Джуд искоса глянул на нее. Она рассеянно прижала правую руку к груди, уставившись на черную гляцевую коробку. До сих пор она прятала руку у себя за спиной или под мышкой. Большой палец распух, и место, куда пришелся укол, воспалилось и загноилось. Джорджия увидела, что Джуд смотрит на палец, сама взглянула на руку, потом улыбнулась печально.

– Да у тебя там инфекция.

– Я знаю. Я мазала ранку противовоспалительной мазью.

– Может, стоит сходить к врачу? От столбняка никакая мазь не поможет. – Она потрогала ранку пальцами, осторожно сдвигала края.

– Я укололась об иголку, спрятанную в костюме. А вдруг она отравлена?

– Вряд ли. Если бы там был цианид, мы бы уже догадались.

– А если сибирская язва?

– Я говорил с той женщиной. Она, конечно, полная идиотка, и ей давно пора отправиться к психиатру, но не думаю, что она послала бы мне что-либо отравленное. Она же понимает, что можно загреметь за решетку. – Он взял Джорджию за запястье, притянул к себе и изучил раненый палец внимательнее, чем в первый раз. Кожа вокруг зараженной области стала мягкой и сморщилась, как от долгого нахождения в воде. – Знаешь что, посиди пока перед телевизором, а я попрошу Дэнни записать тебя к врачу.

Он отпустил ее руку и кивнул на дверь, но Джорджия не двинулась с места.

– А ты не посмотришь, сидит ли он там? – попросила она Джуда.

Помолчав, Джуд кивнул и пошел к двери. Через приоткрытую на пол фута щель он выглянул за порог. Солнце за это время передвинулось или скрылось за облаком, оставив холл в прохладной тени. Кресло-качалка у стены была пуста. Никто не стоял в углу с бритвой на цепочке.

– Чисто.

Джорджия тронула его за плечо здоровой рукой.

– Однажды я тоже видела привидение. В детстве. – Джуд не удивился. Он не встречал ни одной поклонницы «готики», которая бы не сталкивалась со сверхъестественными явлениями или не верила с безоглядной детской искренностью, неуместной во взрослом человеке, в астральные тела, ангелов либо колдовство.

– Я тогда жила с Бэмми, своей бабушкой. Это было после того, как отец впервые выгнал меня из дома. Однажды я зашла на кухню, чтобы налить себе стакан бабушкиного лимонада – она делает очень вкусный лимонад, – и случайно посмотрела в окно. Я увидела в нашем дворе девочку. Она рвала большие одуванчики и дула на них – ну, знаешь, как делают все дети, – и напевала что-то. На вид она была немного младше меня, в каком-то очень бедном платье. Я распахнула окно, чтобы спросить у нее, что она делает в нашем дворе. Она услышала скрип рамы, подняла голову, и я сразу поняла: она мертвая. У нее были

неправильные глаза.

– Что значит «неправильные»? – спросил Джуд, чувствуя, как кожа по всему его телу стягивается и покрывается колючими мурашками.

– Такие... черные. То есть это были даже не глаза, а что-то поверх них. Как будто их закрыли чем-то.

– Закрыли, – повторил Джуд.

– Да. Закрасили. Черным. Затем она отвернулась и посмотрела куда-то через забор. Потом вдруг выпрямилась и пошла через двор. Она двигала губами, как будто говорила с кем-то, но никого не было видно, и я не слышала ни слова. Когда она собирала одуванчики и пела, я ее слышала, а когда она встала и с кем-то заговорила, я уже не различала ни звука. Мне это всегда казалось странным, что я слышала ее, только когда она пела... В общем, потом она потянулась кверху, словно перед ней, по ту сторону забора Бэмми, стоял кто-то высокий, и она взяла этого человека за руку. И вот тогда я вдруг страшно испугалась, даже задрожала вся. Я почувствовала, что с ней случится что-то очень плохое. Я хотела сказать ей, чтобы она не брала человека за руку. Кем бы он ни был, тот невидимый человек, нужно отойти от него немедленно. Только я так испугалась, что почти не могла дышать. А маленькая девочка еще раз оглянулась на меня, посмотрела печально своими закрашенными глазами, оторвалась от земли, Богом клянусь! – и перелетела через забор. Перелетела, конечно, не как птицы, а будто перенесенная невидимыми руками. И все, больше я ее не видела. Меня прошиб холодный пот, и от слабости пришлось сесть на пол. – Джорджия бросила короткий взгляд на Джуда: может быть, хотела проверить, не смеется ли он над ней. Но он кивнул, прося продолжать. – Бэмми нашла меня на полу кухни. Она захлопотала, стала спрашивать, что случилось. А когда я все объяснила, она ужасно расстроилась и даже заплакала. Она села на пол рядом со мной и сказала, что верит мне. Сказала, что я видела ее сестру-двойняшку – Рут. Я и раньше знала, что у Бэмми была сестра, и она умерла совсем маленькой. Но только в тот день бабушка поведала мне, что случилось с Рут на самом деле. Я-то думала, что ее сбила машина или что-то в таком роде, но все оказалось не так. Однажды, когда им было лет по семь или восемь – в середине пятидесятых, – их позвали домой обедать. Бэмми послушалась, а Рут осталась на улице, потому что есть она не хотела и вообще всегда была непослушной. Пока Бэмми и взрослые члены семьи обедали, кто-то похитил Рут со двора. Больше ее никогда не видели. И с тех пор живущие в этом доме люди время от времени видят ее привидение: она рвет одуванчики, дует на них и поет, пока кто-то не забирает ее через забор. Моя мать видела призрак Рут, и муж Бэмми видел ее однажды, и кое-кто из друзей Бэмми, и она сама: тоже видела. И те, кто видел ее, чувствовали то же самое, что и я: хотели сказать девочке, чтобы она не шла к человеку за забором, чтобы держалась от него подальше. Но, как и я, они были слишком испуганы, чтобы сказать хоть слово. Бэмми считает, что так будет продолжаться до тех пор, пока кто-то не решится предостеречь Рут. Что призрак Рут словно заснул и видит сон о последних минутах ее жизни. Нужно, чтобы кто-нибудь разбудил его.

Джорджия сглотнула слюну, закончив свой рассказ, и опустила голову. Черные волосы упали ей на лицо.

– Я не верю, что мертвые хотят причинить нам вред, – заговорила она снова. – Скорее им нужна наша помощь. Да, думаю, они просят помощи. Если ты увидишь того старика еще раз, попытайся заговорить с ним. Надо понять, чего он хочет.

У Джуда не было сомнений, увидит ли он привидение еще раз – конечно, увидит. И он уже знал, чего хочет от него отчим Анны.

– Он приходит не за тем, чтобы разговаривать со мной, – ответил он.

Джуд не совсем представлял себе, что делать дальше, поэтому заварил чаю. Простые, доведенные до автоматизма движения – наполнить чайник водой, отмерить заварку, найти кружку – обладали способностью прояснять мозг, замедлять время... придавать смысл молчанию. Он стоял у кухонного стола и ждал, когда закипит вода.

Паники не было. Осознав это, Джуд испытал некоторое удовлетворение. Он не был готов уехать отсюда и сомневался, что бегство ему поможет. Куда он отправится? Где будет лучше, чем дома? Джессика Прайс сказала, что покойник принадлежит ему и последует за ним повсюду. Джуд вообразил, как он садится в кресло в салоне первого класса рейса на Калифорнию и обнаруживает рядом мертвеца с черными каракулями вместо глаз. Он вздрогнул, стряхивая наваждение. Обороняться от призраков с тем же успехом можно дома. Во всяком случае, сначала нужно придумать, где спрятаться. К тому же Джуд не любил оставлять собак на чужом попечении. Раньше, когда он ездил в туры, собаки всегда путешествовали в автобусе вместе с ним.

И вопреки тому, что он сказал Джорджии, Джуд не имел ни малейшего желания вмешивать в дело это полицию или адвокатов.

Обратившись к представителям закона, он только ухудшит ситуацию. Да, шансы выиграть дело против Джессики Макдермотт Прайс у него были, и это принесло бы ему известное удовлетворение. Но даже если он сведет с ней счеты, покойник все равно останется при нем. Джуд знал это – он посмотрел немало фильмов ужасов.

Кроме того, душа Джуда восставала при мысли о визите в полицию. Поступать же наперекор себе он нежелал. Его личность – самое первое и самое мощное его творение, она стала механизмом, обеспечившим успех, наполнившим его жизнь всем, что было для него важно или приятно. И он намерен защищать ее до последнего.

Джуд задумался о привидениях и понял, что готов поверить в существование духов мертвых, но только не потусторонних страшилищ, занятых исключительно запугиванием людей. Так что призрак старика вряд ли ограничится закрашенными глазами и изогнутой бритвой на цепочке. Внезапно Джуд задался вопросом: чем Анна вскрыла себе вены? Одновременно он осознал, что в кухне стоял промозглый холод. Джуда как магнитом тянуло к закипающему чайнику, чтобы впитать часть исходящего от него тепла. Ответ пришел сам собой: Анна резала вены бритвой, и именно эту бритву ее приемный отец использовал как маятник для введения в транс отчаявшихся неудачников и для поисков подземных источников. Джуд хотел бы как можно больше узнать об обстоятельствах смерти Анны и о человеке, который был ее отчимом и который нашел мертвое тело девушки в холодной ванне, в потемневшей от крови воде.

Возможно, Дэнни уже нашел письма Анны. Джуда страшила необходимость перечитывать их еще раз, и в то же время он сознавал, что должен пройти через это. Он хорошо помнил их и теперь с опозданием понимал: она хотела сообщить ему о своем намерении умереть, а он не услышал этого. Нет, хуже – не захотел услышать. Он сознательно проигнорировал очевидное.

Ее первые письма из дома были полны беззаботного оптимизма. Они говорили о том, что Анна понемногу приходит в себя и принимает разумные взрослые решения относительно своего будущего. Она писала убористым почерком на дорогой плотной белой бумаге. Как и ее речь, послания пестрели вопросами, хотя, похоже, ответов она не ожидала. Она рассказывала, например, о том, как целый месяц рассылала работодателям свое резюме, а потом риторически интересовалась, не ошибка ли с ее стороны – приходить на собеседование в приют для престарелых в тяжелых сапогах и с черной помадой на губах. Она описывала два колледжа и пространно рассуждала, какой из них подойдет ей больше. Однако все рассуждения были притворством, и Джуд знал это. Она не получила работы в приюте и больше ни разу не упоминала о нем. А когда подошло время поступать в колледж, она позабыла о своих планах и подала заявление на курсы визажистов.

Последние несколько писем более точно отражали картину ее умственного и душевного состояния. Они написаны на листках линованной бумаги, вырванных из блокнота. Буквы прыгали, теснились и читались с трудом. Анна сообщала, что очень устала и не может отдохнуть. Ее сестра живет в районе новостроек, рядом с ее домом возводят новое здание. Анна писала, что днями напролет слышит стук молотков, и от этого ей кажется, будто она поселилась рядом с гробовщиком, у которого много работы после эпидемии чумы. По ночам,

стоило ей закрыть глаза и погрузиться в сон, молотки вновь принимались за свое, хотя на стройке никого не было. Она уже отчаялась когда-нибудь заснуть. Старшая сестра пыталась вылечить ее бессонницу лекарствами или гипнозом. У Анны назрело несколько важных вопросов, но поговорить ей не с кем, беседовать с самой собой ужасно надоело. Она писала, что больше не в силах выносить эту усталость.

Анна умоляла Джуда позвонить ей, но он не звонил. Ее вечные несчастья утомляли его. Чтобы помочь ей преодолеть депрессию, требовалось слишком много усилий. Он пытался сделать это, когда они были вместе, но у него не получилось. Он старался как мог, у него ничего не вышло, а она все никак не оставит его в покое. Он не знал, зачем вообще читал ее письма, а самое странное – иногда он даже отвечал Анне. Больше всего он хотел, чтобы письма от нее перестали приходить. И они прекратились.

Дэнни, наверное, уже отыскал их. Надо попросить его позвонить в больницу и записать на прием Джорджию. Планов у Джуда пока немного, но это все же лучше, чем полное их отсутствие десять минут назад. Джуд налил себе чаю, и время снова пошло.

С кружкой в руках он прошагал в офис. За столом Дэнни не было. Джуд постоял в дверях, оглядывая пустую комнату. Он напряженно вслушивался в тишину: не раздастся ли какой-нибудь звук, указывающий на местоположение Дэнни. Ничего. Джуд подумал, что его помощник в туалете, но Дэнни там не оказалось. Дверь была слегка приоткрыта, как и вчера, но за ней виднелась лишь темнота. Может, он вышел перекусить?

Джуд направился к окну, чтобы посмотреть, во дворе ли машина Дэнни, но по пути решил сделать небольшой крюк и остановился у письменного стола. Среди бумаг, загромождавших лакированную поверхность, писем Джорджии не было. Значит, если Дэнни и нашел их, то убрал подальше. Внимание Джуда привлек монитор компьютера. Он уселся в кресло и открыл поисковую программу, решив поискать в сети информацию об отчине Анны. Всемирная паутина, подумал Джуд, содержит информацию, почти о каждом человеке на земле. Кто знает, вдруг и у этого покойника была своя страничка. Из горла Джуда вырвался резкий, короткий смех.

Имени старика он не помнил, поэтому набрал в поисковой строке только фамилию и пару ключевых слов: «Макдермотт, гипноз, скончался». Первым результатом оказалась ссылка на некролог, напечатанный прошлым летом в журнале «Пенсакола ньюс джорнал», по случаю кончины некоего Крэддока Джеймса Макдермотта. Точно: его звали Крэддок.

Джуд нажал на ссылку... и увидел его.

Мужчина на черно-белой фотографии был молодой версией человека, который уже дважды явился Джуду в холле второго этажа. На снимке Макдермотт выглядел крепким шестидесятилетним мужчиной с такими же короткими, как у привидения, волосами – типичный военный «ежик». Вытянутое книзу, почти лошадиное лицо, длинные тонкие губы, скопления веснушек – Макдермотт весьма напоминал актера Чарлтона Хестона. Самым неожиданным впечатлением от фотографии для Джуда стало то, что при жизни у Крэддока Макдермотта были нормальные человеческие глаза. Ясный и прямой взгляд смотрел в вечность с вызывающей самоуверенностью проповедников и агитаторов.

Джуд прочитал некролог. В нем говорилось, что Крэддок Джеймс Макдермотт, посвятивший жизнь учебе и работе, исследованиям и приключениям, умер от церебральной эмболии в доме своей дочери в Тестаменте, штат Флорида, во вторник десятого августа. Истинный сын Юга, он был единственным ребенком священника-пятидесятника, жил в Саванне, штат Атланта, и затем в Гальвестоне, штат Техас.

В 1965 году он играл за техасскую футбольную команду «Лонгхорнс», а после окончания университета был призван в армию, где служил в подразделении психологических операций. Именно там, после обучения методикам гипноза, он обнаружил свое призвание. За действия во Вьетнаме был награжден «Пурпурным сердцем» и «Бронзовой звездой». С почестями закончив службу, он поселился во Флориде. В 1980 году женился на Поле Джой Уильямс, библиотечарше, и стал отчимом двум ее дочерям, Джессике и Анне, которых позднее удочерил. Полу и Крэддока объединяла любовь, основанная на глубоком доверии и

взаимном увлечении неисследованными возможностями человеческого духа.

Последние слова заставили Джуда озадаченно нахмуриться. Какая заковыристая фраза – «на взаимном увлечении неисследованными возможностями человеческого духа». Трудно понять, что она значит.

Их отношения продолжались до 1986 года, когда Пола скончалась. За свою жизнь Крэдок облегчил страдания около десяти тысячам «пациентов» (Джуд фыркнул, читая это слово), его техника глубокого гипноза помогала и больным людям, и тем, кто хотел преодолеть свои слабости. Эту работу в качестве частного консультанта продолжает и поныне старшая дочь Макдермотта – Джессика Прайс. Джуд снова фыркнул. Скорей всего, она сама и писала некролог. Странно, что не вставила сюда свой номер телефона. «Всем, кто узнал о наших услугах из данного некролога, предоставляется скидка 10% на первый сеанс!»

Увлечение Крэдока спиритуализмом и неизведанным потенциалом человеческого мозга привело его к экспериментам с лозоходством – старинным способом искать подземные источники с помощью прута или маятника. Точно так же он помогает множеству людей обнаружить в себе скрытые резервы силы и достоинства, и это останется лучшей памятью о нем для его дочери и всех, кто знал и любил его.

«Голос Крэдока умолк, но он никогда не будет забыт».

Ни слова о самоубийстве Анны.

Джуд еще раз пробежал взглядом некролог, останавливаясь на выражениях, которые не совсем понимал: «неисследованные возможности», «неизведанный потенциал», «психологические операции». Снова всмотрелся в лицо Крэдока на черно-белой фотографии: холодная самоуверенность бледных глаз и недобрая улыбка тонких бесцветных губ. Он казался жестоким сукиным сыном.

Компьютер пискнул, давая знать, что получено электронное сообщение. Да куда же запропастился Дэнни, черт возьми? Джуд глянул на часы и увидел, что просидел здесь двадцать минут. Он открыл почтовую программу, принимавшую сообщения и для Дэнни, и для Джуда. Новое письмо было адресовано Джуду.

Одного взгляда на адрес отправителя хватило, чтобы Джуд отпрянул от монитора. Мышцы груди и живота сжались, будто его тело готовилось принять удар. В каком-то смысле так оно и было. Письмо пришло с адреса: craddockm@box.closet.net¹

Джуд открыл сообщение и стал читать.

дорогой джуд

мы помчимся в ночи мы помчимся к яме я мертв ты умрешь любой кто приблизится к тебе заразится смертью от тебя от нас мы заражены вместе мы будем в могильной яме вместе и сырая земля будет падать на нас лалала мертвые тянут живых вниз если кто-то попытается помочь тебе нам я мы стащим их вниз и наступим на них и никто не может выбраться потому что яма слишком глубока и земля падает сверху слишком быстро и все кто услышит твой голос поймут что это правда джуд мертв и я мертв и ты умрешь ты услышишь мой голос и мы помчимся вместе по ночной дороге к тому месту последнему месту где ветер плачет по тебе по нам мы пойдем к краю ямы мы упадем держась друг за друга мы упадем пой для нас пой у нашей у твоей могилы пой лалала

Из груди Джуда словно выкачали воздух и набили ее обжигающе холодными булавами и иглами. «Психологические операции» – всплыло у него в сознании, и его охватил гнев. Худшая разновидность гнева – ярость, не находящая выхода, потому что вылить ее не на кого. Позволить себе разгромить офис он не мог. Часть утра он провел, швыряя книги о стенку, но лучше от этого не стало... только самую малость. В любом случае, следует держать эмоции под контролем.

Джуд снова вывел на экран окно поисковой программы в надежде, что среди найденных страниц отыщется еще что-нибудь полезное. Закрывая страницу с некрологом в «Пенсакола

ньюс», он мимоходом глянул на фотографию, и его взгляд застыл. Снимок изменился: теперь Крэдок откровенно ухмылялся. Он выглядел гораздо старше, истощенное лицо пересекли морщины, щеки впали, а глаза были яростно замалеваны черным. Первые строки некролога говорили, что жизнь, посвященная учебе и работе, исследованиям и приключениям, закончилась, когда Крэдок Джеймс Макдермотт умер от церебральной эмболии в доме своей дочери, и теперь он возвращается лалала и стоит ужасный холод холодно ему холодно Джуду тоже станет холодно, когда он зарежет себя он собирается зарезать себя и зарезать девицу и они окажутся в могильной яме и Джуд будет петь для них петь для всех них... Джуд встал так резко и с такой неожиданной силой, что стул Дэнни отлетел назад и опрокинулся. Его руки подхватили процессор вместе с монитором, оторвали от стола и бросили на пол. Тоненько и коротко треснул пластик, захрустело битое стекло, раздался хлопок электрического разряда. Потом тишина. Вентилятор, охлаждавший материнскую плату, медленно затих. Джуд действовал инстинктивно, слишком быстро для того, чтобы успеть подумать. Проклятье. Свой самоконтроль он явно переоценил.

Пульс бешено скакал. Джуда трясло, колени подгибались. Спина и грудь взмокли от пота, дыхание никак не восстанавливалось. Да где же чертов Дэнни? Часы на стене показывали два часа – довольно поздно для ланча. Может быть, он уехал по делам? Однако он обычно сообщал об отъезде по интеркому, чтобы Джуд был в курсе.

Он обогнул стол и, наконец, подошел к окну, откуда был виден подъезд к дому. Маленькая зеленая «хонда» Дэнни стояла на площадке для разворота. Дэнни сидел внутри, положив руку на руль, его лицо было пепельно-бледным.

Вид Дэнни, сидящего в машине без движения и глядящего в никуда, подействовал на Джуда как холодный душ. Он смотрел сквозь стекло на своего помощника, но тот оставался неподвижен. Дэнни не выводил машину на дорогу. Он ни разу не повернул голову. Дэнни выглядел так – у Джуда от этой мысли застучало в висках, – словно был в трансе. Прошла целая минута, потом еще одна, и чем дольше Джуд смотрел, тем хуже ему становилось. Он чувствовал, как тошнотворная тревога пропитывает его тело до мозга костей. Он сорвался с места и выскочил из офиса, чтобы узнать, что происходит с Дэнни.

От ледяного воздуха на глазах у него выступили слезы. Он прошел всего сотню шагов до машины Дэнни, а щеки уже щипало, кончик носа онемел. Уже давно перевалило за полдень, а Джуд все еще не оделся – так и ходил в старом халате поверх майки и полосатых трусов. Когда подул ветер, голую кожу обожгло сырым пронизывающим холодом.

Дэнни не обернулся при его приближении, а продолжал неподвижно смотреть куда-то через лобовое стекло. Вблизи он выглядел еще более жутко. Его сотрясала мелкая ровная дрожь. По скуле стекала капля пота.

Джуд побарабанил пальцами по стеклу. Дэнни вздрогнул, словно очнулся от забытья, заморгал, стал искать кнопку, чтобы опустить стекло. Смотреть в глаза Джуду он явно избегал.

– Что ты тут делаешь, Дэнни? – спросил Джуд.

– Мне нужно домой.

– Ты видел его? – Дэнни повторил:

– Мне нужно домой.

– Ты видел покойника? Что он делал?

Джуд был терпелив. При необходимости он становился самым терпеливым человеком на свете.

– Кажется, у меня расстройство желудка. Вот и все.

Дэнни поднял с колен правую руку, чтобы стереть с лица пот, и Джуд увидел: в его пальцах зажат нож для бумаг.

– Не ври мне, Дэнни, – сказал он. – Я просто хочу знать, что ты видел.

– У него были черные штрихи вместо глаз. Он смотрел прямо на меня. Я не хочу, чтобы он смотрел на меня.

– Он ничего тебе не сделает, Дэнни.

– Откуда вы знаете? Вы этого не знаете.

Джуд сунул руку внутрь машины через открытое окно, собираясь похлопать Дэнни по плечу. Дэнни сжался, чтобы избежать прикосновения, и махнул в сторону Джуда ножом. Этот смешной ножик даже не коснулся руки Джуда, но тот все же ее убрал.

– Дэнни.

– У вас такие же глаза, – сказал Дэнни и включил заднюю передачу.

Джуд отпрыгнул от машины, чтобы его нога не попала под колесо, но Дэнни пока не трогал машину с места.

– Я не вернусь, – пробормотал он, уставившись на руль.

– Ладно.

– Я бы помог вам, если бы мог, но я не могу. Просто не могу.

– Я понимаю.

Дэнни отъехал назад, развернул машину на девяносто градусов, хрустя шинами по гравию, и покатил с холма вниз, по направлению к дороге. Джуд следил за «хондой» до тех пор, пока она не выехала в ворота и не исчезла из вида. Больше он никогда не видел Дэнни.

Он пошел к собачьему загону.

Джуд с благодарностью ощущал, как воздух щиплет его лицо, как каждый вдох посылает в легкие сухое покалывание. Все это было настоящим. С того самого момента, как он увидел ночью призрак старика, его окружили неестественные кошмарные явления. Они будто просачивались в его жизнь из дурного сна через отверстие, которое все расширялось. Он нуждался сейчас в суровой реальности, в ее конкретных проявлениях, ему требовалось что-то, способное заткнуть то отверстие.

Собаки печально смотрели, как он открывает задвижку на воротах в их загон. Джуд скользнул внутрь прежде, чем они успели выбежать наружу, и опустился на корточки, позволив им запрыгивать на него и нюхать его лицо. Собаки: они тоже настоящие. Он всматривался в их шоколадные глаза и длинные обеспокоенные морды.

– Если бы со мной что-то было не так, вы бы заметили, правда? – спрашивал он у них. Вы бы увидели, если бы вместо глаз у меня появились черные каракули?

Ангус лизнул его в лицо один раз, второй, и Джуд поцеловал его влажный нос. Бон он погладил по спине, пока она настороженно принюхивалась к его промежности.

Он вышел из загона. Идти домой пока не хотелось, и поэтому он прогулялся до гаража. Подойдя к машине, он взглянул на себя в боковое зеркало водителя: никаких черных каракулей. Глаза такие же, как всегда, бледно-серые под кустистыми черными бровями. Смотрят напряженно, словно он замыслил убийство.

Эту машину, «мустанг» шестьдесят пятого года, он купил у организатора своих туров. Она была в плачевном состоянии. Тогда он провел в поездках десять месяцев, практически без отдыха. Из дому он выехал почти сразу после того, как ушла жена, а когда вернулся, то его встретил пустой дом и полное отсутствие дел. Июль и большую часть августа он провел в гараже, ремонтируя «мустанг»: вынимал старые, ржавые, пробитые, погнутые, гнилые, запекшиеся в маслах и кислотах запчасти и ставил на их место новые. Блок цилиндров, коленвал, трансмиссия, сцепление, пружины, сиденья из кожи белого пони – все оригинальное, кроме динамиков и стерео. В багажнике он установил мощный сабвуфер, прикрутил на крышу радиоантенну и построил уникальную цифровую аудиосистему. Он весь пропитался маслом, расцарапал руки и запачкал кровью трансмиссию. Роман с автомобилем дался ему нелегко, но ему нравились такие отношения.

Примерно в это время и появилась в его доме Анна. Конечно, он никогда не звал ее по имени – она была Флоридой. Почему-то он стал называть ее про себя Анной с того самого момента, как узнал о ее самоубийстве. Наверное, потому что у мертвых прозвищ не бывает.

Когда он работал, она сидела на заднем сиденье, вместе с собаками, высунув ноги в тяжелых ботинках в окно без стекла. Она слушала радио, подпевала всем песням, какие знала, сюсюкалась с Бон и донимала Джуда своими вопросами. Она спрашивала, собирается ли он лысеть («Не знаю»), потому что в таком случае она немедленно уйдет от него («Я бы и

сам ушел»); станет ли она сексуальнее, если обреет голову («Нет»); позволит ли он ей водить «мустанг», когда закончит ремонтировать его («Да»); не участвовал ли он когда-нибудь в драке («Обычно стараюсь их избегать – трудно играть на гитаре, если руки разбиты»); почему он никогда не рассказывает о родителях (он ничего не ответил); и верит ли он в судьбу («Нет», – сказал он тогда, но говорил неправду).

До Анны и «мустанга» он записал новый сольный альбом и объездил две дюжины стран, отыграл более ста концертов. Но только во время ремонта машины он, впервые после ухода Шеннон, почувствовал, что занимается полезным делом, делает настоящую работу, в истинном смысле этого слова. Почему восстановление старой машины кажется Джуду честным трудом, а не дорогостоящим хобби богача, ему и самому было не очень понятно.

Вдруг его пронзило желание уехать. Сесть в машину и нажать на газ. Главное – увидеть ферму в зеркало заднего вида, а что впереди – неважно.

Эта потребность была столь сильной, столь острой – уехать, уехать немедленно! – что у него заломило зубы. Ему не нравилось бежать. Броситься в машину и сбежать – не выход, а паника. Затем в голову пришла другая мысль, неприятная, но весьма убедительная: им управляют. Это покойный старик хочет, чтобы он бежал. Это он пытается заставить его уехать – зачем? Джуд не представлял. На дворе послышался лай – собаки дружно провожали проезжающий по трассе автомобиль.

В любом случае он никуда не поедет, не поговорив сначала с Джорджией. И если уж он действительно решит уносить ноги, надо хотя бы одеться. И все же мгновение спустя он оказался за рулем «мустанга». Джуд любил думать, сидя за рулем. Лучше всего голова у него работала именно здесь, причем радио желательно включить.

Он сидел в темном гараже с земляным полом, приоткрыв окно, и ему казалось, что если рядом с ним призрак, то это Анна, а не сердитая душа ее отчима. Она была рядом, на заднем сиденье. Разумеется, они занимались здесь любовью.

Он пошел домой за пивом, а когда вернулся, она ждала его в «мустанге» в одних сапогах. Открытые банки пива упали на землю и остались валяться в пенистой луже. В тот момент для него не было ничего важнее, чем ее крепкая двадцатишестилетняя плоть, ее молодой пот, ее смех и ее зубы у него на шее.

Джуд сидел в холодном сумраке, откинувшись на сиденье из белой кожи. Впервые за день он почувствовал усталость. Руки налились тяжестью, а голые ноги онемели от холода. Ключ висел в замке зажигания, и он повернул его, чтобы включить печку.

Джуд уже не помнил, что он делает в машине, но теперь ему трудно было даже пошевелиться, а выйти из машины и вовсе не представлялось возможным. Снова расшумелись собаки. Их тревожный пронзительный лай доносился откуда-то издалека, он едва его различал. Джуд включил радио и с облегчением ощутил, что теперь собак не слышно. Джон Леннон пел «I Am the Walrus». Из печки с шумом вырвался теплый воздух, обдувая голые ноги Джуда, и он сначала зябко поежился, а потом расслабился и откинулся на подголовник. Бас-гитара Пола Маккартни уплывала, заглушаемая рокотом двигателя, что было странно – ведь он не заводил машину, только подключил аккумулятор. За «битлами» пустили длинный рекламный блок. Некто Лью из салона «Империял авто» бубнил: «Больше никто вам не предложит того, что предлагаем мы. Наши цены такие низкие, что конкуренты и рядом не стояли. Живые стоят на краю. Мертвые тянут живых вниз. Садись за руль и прокатись по ночной дороге. Мы поедем вместе. Мы споем вместе. Ты не захочешь, чтобы наша поездка кончалась. Она не закончится».

Реклама наскучила Джуду. Он нашел в себе силы переключиться на другой канал и услышал одну из своих песен с первого сингла – громовая имитация «Эй-Си Ди-Си» под названием «Души на продажу». Казалось, будто вокруг машины в темном гараже собираются призрачные силуэты и извиваются языки ядовитого тумана. Джуд зажмурился и стал слушать далекий звук собственного голоса.

Дороже серебра, дороже злата, Дорога тебе моя душа. Я хотел бы жить, как Бог велит нам, Но как бутылка пива хороша!

Джуд хмыкнул. Продавать души – это еще полбеды, настоящие проблемы у тех, кто их покупает. В следующий раз надо будет оговорить условия возврата товара. Он засмеялся и приоткрыл глаза. Покойник Крэдок сидел рядом, в пассажирском кресле. Он улыбнулся Джуду – очевидно, чтобы показать кривые гнилые зубы и черный язык. От него несло смертью, а еще – выхлопными газами. Глаза его скрывала все та же странная подвижная пелена черных штрихов.

– Товар возврату и обмену не подлежит, – сказал ему Джуд.

Старик кивнул сочувственно, и Джуд снова опустил веки. Где-то далеко, в миле от гаража, кто-то надрывно звал его по имени.

— Джуд! Ответь мне, Дж...

Но он не желал, чтобы его беспокоили. Он хотел спать и чтобы его оставили в покое. Он откинул спинку сиденья. Он сложил руки на груди. Он сделал глубокий вдох.

Он только заснул, когда Джорджия схватила его за руку, выволокла из машины и стащила на землю. Ее голос доносился до него обрывками:

— ...поднимайся, уходи отсюда, Джуд, черт, ну же...

— ... не умирай, не умирай, не...

— ...аааалўйста, пожалўйста...

— ...открывай же глаза, ты...

Джуд открыл глаза, резко подскочил и тут же сильно закашлялся. Дверь гаража была поднята, и внутрь лилось солнце искристые хрустальные лучи, которые казались твердыми и острыми. Свет ударил его по глазам, он заморгал, не переставая кашлять. Потом наконец сумел вдохнуть холодного воздуха, открыл рот, чтобы сказать что-нибудь и дать понять Джорджии, что с ним все в порядке, но горло наполнилось желчью. Он перевернулся на четвереньки, и его вырвало на землю. Джорджия держала его за плечи, согнувшись над ним, пока его выворачивало.

Джуда мутило. Почва уходила из-под ног. Стоило глянуть из ворот гаража наружу, как мир начинал вращаться, будто рисунок на боку вазы, что стоит на токарном станке. Дом, двор, дорога, небо раз за разом проносились мимо, и снова поднималась мутная волна морской болезни, и Джуда снова рвало.

Он цеплялся за землю и ждал, когда мир перестанет вращаться. Хотя, конечно, вращаться он никогда не перестанет. Это первое, что понимаешь, когда ты обкурился, пьян или нездоров: мир никогда не останавливается, и только здоровый мозг в состоянии заблокировать его невыносимое кружение. Джуд сплюнул, утер губы. Мышцы живота болели и горели, будто он только что сделал полсотни упражнений для пресса, впрочем, если подумать, примерно так оно и было. Он развернулся и сел на землю. Рядом гудел «мустанг». Мотор по-прежнему работал. Внутри машины не было никого.

Вокруг Джуда вертелись собаки. Ангус бросился к нему и ткнулся холодным мокрым носом в лицо, облизал кислые от рвоты губы хозяина. Джуд слишком ослабел, чтобы оттолкнуть пса. Бон, всегда более робкая, искоса бросала на Джуда тревожные взгляды. Потом опустила голову к жидкой каше блевотины и, принявшись, стала украдкой слизывать ее.

Он попытался встать, схватившись за руку Джорджии, но ноги его не держали. Ничего не получилось, он лишь своим весом заставил Джорджию опуститься рядом на колени. Тут же из ниоткуда возникла головокружительная фраза: «Мертвые тянут живых вниз», – повертелась в мозгу и исчезла. Джорджию трясло. Мокрым лицом она прижалась к плечу Джуда.

– Джуд, – всхлипывала она. – Джуд, я не понимаю, что с тобой происходит.

Он не сразу смог ответить, ему все еще не хватало воздуха. Он смотрел на черный «мустанг», чей кузов вздрагивал от мощи стреноженного холостым ходом двигателя. Джорджия продолжала:

– Я думала, ты умер. Когда я взяла тебя за руку, мне показалось, что ты неживой. Зачем ты сидел тут, в закрытом гараже, в заведенной машине?

– Ни за чем.

– Это из-за меня? Я что-то не так сделала?

– О чем ты?

– Не знаю, – призналась она, опять заплакала и беспомощно всплеснула руками. – Но должна же быть причина, почему ты решил отравиться.

Он встал на колени. Оказалось, он все еще держится за ее тонкое запястье, и он взял вторую руку девушки. Грива черных волос развевалась вокруг ее головы, челка падала на глаза.

– Со мной что-то не так, но я вовсе не собирался убивать себя. Я сел в машину, чтобы согреться, но не заводил ее. Она сама завелась.

Она вырвала свои руки из его ладоней.

– Не надо.

– Это сделал покойник.

– Нет. Не надо.

– Призрак из холла. Я снова его видел. Он сидел в машине рядом со мной. Либо это он завел «мустанг», либо я сам, но не отдавая себе отчета. Он мог заставить меня.

– Ты понимаешь, что говоришь полный бред? Это сумасшедший дом какой-то.

– Если я сошел с ума, то вместе с Дэнни. Он тоже видел его. И поэтому уехал. Не смог с таким справиться. Ему пришлось уйти.

Джорджия уставилась на него из-под завитков челки влажными и яркими глазами, полными страха. Она качала головой, не желая верить.

– Пойдем отсюда, – сказал Джуд. – Помоги мне встать.

Она обхватила его под мышки и потянула вверх. Его колени напоминали сейчас слабые пружины, они свободно ходили вверх и вниз, не образуя опоры. Только он поднялся, как тут же начал падать вперед. Выставив руки, чтобы не разбиться при падении, он сумел ухватиться за теплый капот.

– Заглуши ее, – сказал Джуд.

Джорджия, кашляя, размахивая перед собой руками, чтобы отогнать клубы выхлопа, залезла в салон и повернула ключ зажигания. Настала внезапная пугающая тишина.

Бон, обеспокоенная происходящим, прижалась к ноге хозяина. Колени Джуда дрожали и подгибались. Он отпихнул собаку коленом и поддал ей под зад. Та взвизгнула и отпрыгнула в сторону.

– Брысь, – буркнул Джуд.

– Зачем ты так с ней? – спросила Джорджия. – Они спасли тебе жизнь.

– С чего ты взяла?

– Ты не слышал их лая? Я вышла из дома, чтобы успокоить их. Они были просто в истерике.

Джуд тут же пожалел, что пнул Бон, и оглянулся в поисках собаки, намереваясь приласкать ее. Однако Бон удалилась в глубину гаража и бродила там в темноте, наблюдая за ним с выражением укора и обиды на морде. Тогда Джуд вспомнил об Ангусе и нашел его взглядом: пес стоял в воротах гаража, спиной к ним, с поднятым хвостом. Он не отрываясь смотрел на подъездную дорожку.

– Что он там видит? – задала довольно бессмысленный вопрос Джорджия.

Джуд понятия не имел. Он еле держался на ногах, привалившись к машине, и с его места двор был не виден.

Джорджия сунула ключи от машины в карман черных джинсов. Пока Джуд отсутствовал, она успела одеться и забинтовать большой палец правой руки. Она встала рядом с Ангусом, провела рукой по собачьему хребту, посмотрела на дорогу, потом обернулась к Джуду.

– Что там? – спросил он.

– Ничего, – пожала она плечами. Правую руку она прижала к груди и слегка сморщилась: очевидно, палец болел. – Тебе помочь?

– Справлюсь. – Джуд отверг помощь и оттолкнулся от «мустанга». Где-то за глазами яблоками нарастало черное давление – глубокая, медленная, усиливающаяся боль, грозившая перерасти в мощный приступ мигрени.

Он остановился у больших раздвижных дверей гаража, чуть в стороне от Ангуса и Джорджии. Перед ним открылся замерзший подъезд к ферме и распахнутые ворота. Небо прояснилось. Слоистый облачный покров растаскивало ветром, и в образовавшиеся разрывы то здесь, то там проглядывало солнце.

Покойник в своей черной шляпе смотрел на него со стороны шоссе и ухмылялся, показывая темные зубы. Он показался всего на мгновение, пока солнце скрылось за облаком, оставляя дорогу в тени. Как только из-за туч вырвался луч света, Крэдок растаял. Первыми исчезли его голова и руки, и оставался лишь черный костюм, на вид пустой. Потом исчез и костюм. Минутой позже старик возник опять, когда солнце еще раз спряталось за тучи.

Он приподнял шляпу и издевательски кивнул Джуду. Солнце то уходило, то появлялось, и старик мигал, будто отбивая азбуку Морзе.

– Джуд? – позвала Джорджия. Он осознал, что устался на дорогу точно так же, как Ангус. – Там ведь ничего нет, а, Джуд?

Она не видела Крэдока. Нет, – соврал он. – Там ничего нет.

Покойник показался на достаточно долгое время, чтобы успеть подмигнуть. Затем ветер усилился, стал устойчивым, и солнце выкатилось на чистое небо. Вокруг него осталось лишь несколько обрывков облаков – пряди грязной шерсти. Яркий свет залил дорогу, и старик больше не появлялся.

Джорджия повела его в музыкальную библиотеку на первом этаже. Он не замечал ее руки у себя на поясе до тех пор, пока она не убрала ее. Он тяжело осел на диван цвета мха и почти немедленно заснул, даже не успев улечься поудобнее.

На краткий миг его разбудило прикосновение Джорджии – она накрывала его одеялом. В глазах все плыло и сливалось, ее лицо показалось Джуду бледным кругом, на котором он различил лишь темную линию рта и провалы на месте глаз.

Затем его веки сомкнулись. Таким усталым он никогда себя не чувствовал. Сон завладевал им, тянул его вниз, усыплял разум, отключал чувства, но едва Джуд задремал, как перед ним снова всплыло лицо Джорджии, и он испугался: у нее тоже не было глаз, их скрывала черная штриховка. Она мертва, она вместе с призраками.

Джуд сопротивлялся сну, и ему это почти удавалось. Он сумел чуть-чуть приподнять ресницы. Джорджия стояла в дверях библиотеки и смотрела на него, сжав маленькие руки в кулачки, глаза у нее были обычные. При виде девушки Джуд испытал облегчение.

А потом за спиной у Джорджии замаячил Крэдок. Кожа на его скулах туго натянулась – он по своему обыкновению ухмылялся, показывая зубы в никотиновых пятнах.

Крэдок Макдермотт двигался стоп-кадрами, серией фотографий в полный рост. Вот он стоит с опущенными по бокам руками. В следующую секунду одна из его костлявых рук легла на плечо Джорджии. Длинные желтоватые ногти загибались на концах. Черные каракули плясали там, где должны быть глаза.

Снова смена кадра. Правая рука Крэдока взмыла вверх, замерла над головой Джорджии. Из пальцев выпала золотая цепочка. Маятник на ее конце, изогнутое лезвие длиной три дюйма – вспышка серебристого света, – повис на уровне глаз Джорджии. Лезвие легонько покачивалось перед ней, и она зачарованно смотрела прямо на него, широко раскрыв глаза.

Следующий кадр: Крэдок замер, согнувшись, склонив голову к уху Джорджии. Его губы не двигались, но Джуд слышал шепот – такой звук, будто кто-то точит бритву о кожаный ремень.

Джуд хотел окликнуть Джорджию. Он хотел предупредить, что покойник рядом с ней, что нужно бежать, скорее бежать, а главное – не слушать шепот мертвеца. Но рот Джуда словно запечатали, он не мог издать ни звука, только простонал в злом бессилии. Ему уже не хватало сил держать глаза открытыми, и веки его снова опустились. Джуд барахтался,

пытаясь выбраться из вязкого сна, но он ослабел – незнакомое ощущение. Он снова погрузился в сон, на этот раз окончательно.

Во сне Крэдок со своей бритвой уже ждал его. Серебряное лезвие болталось на конце золотой цепочки перед широким лицом вьетнамца – практически голого, за исключением белой тряпки, обмотанной вокруг пояса. Вьетнамец сидел на стуле с жесткой спинкой в темном бетонном помещении. Голова его была наголо обрита. На черепе виднелись розовые кружки – следы от ожогов электродами.

Единственное окно выходило во двор Джуда. На улице шел дождь. В окно тыкались мордами обе его собаки, своим дыханием оставляя на стекле белые пятна конденсата. Они неистово лаяли, но Джуд не слышал ни звука: собак словно показывали по телевизору с выключенным звуком.

Сам Джуд тихо стоял в углу комнаты и надеялся, что его никто не замечает. Лезвие раскачивалось перед удивленным лицом вьетнамца, покрытым каплями пота.

– Суп был отравлен, – сказал Крэдок. Он говорил по-вьетнамски, но, как бывает во сне, Джуд все понимал. – Вот антидот. – Крэдок указал свободной рукой на массивный шприц, что лежал в черной коробке в форме сердца. Рядом со шприцем находился широкий охотничий нож с тефлоновой рукояткой. – Спаси себя.

Вьетконговец взял шприц и без колебаний воткнул себе в шею. Игла была дюймов пять длиной. Джуд сморщился, отвернулся.

Его взгляд обратился к окну. Собаки по-прежнему прыгали перед стеклом, все так же неслышно. За ними на одном конце качелей сидела Джорджия. На другом конце Джуд увидел светловолосую босую девочку в красивом платье в цветочек. Глаза Джорджии и девочки скрывали черные повязки из тонкой полупрозрачной ткани. Светло-желтые волосы девочки были собраны в хвост. Выражение ее лица совершенно не различалось. Джуду она показалась смутно знакомой. Только потом он вдруг понял: это же Анна. Анна, какой она была в девять-десять лет. Анна и Джорджия поочередно поднимались и опускались.

– Я хочу помочь тебе, – говорил Крэдок пленнику уже на английском языке. – Ты в беде, понимаешь? Но я могу помочь, для этого тебе надо только слушать. Не думай. Просто слушай звук моего голоса. Уже почти стемнело. Скоро ночь. Ночью мы включаем радио и слушаем радиоголос. Мы делаем то, что говорит нам радио. Твоя голова – это радио, а мой голос – единственная передача.

Джуд оглянулся и увидел: Крэдока больше нет. На том месте, где он сидел, теперь стояло старое радио, передняя панель горела зеленым светом. Голос Крэдока исходил изнутри.

– Твой единственный шанс выжить – делать все, что я скажу. Мой голос – единственный голос, который ты слышишь.

У Джуда в груди разлился холод. Ему не нравилось происходящее здесь. Он вдруг обрел способность двигаться и тремя шагами добрался до стола. Он хотел избавиться от голоса Крэдока. Схватив шнур, что шел от радиоприемника в розетку на стене, он изо всех сил дернул. Вспыхнули синие искры электричества, руку его ударило током. Он отпрянул, бросил провод на пол. А радио продолжало говорить как ни в чем не бывало.

– Стемнело. Наконец-то стемнело. Время пришло. Видишь нож в коробке? Можешь взять его. Он твой. Возьми его. Поздравляю с днем рождения.

Вьетконговец с любопытством потянулся к черной коробке, взял нож. Он поворачивал его то одной стороной, то другой, и лезвие вспыхивало отраженным светом.

Джуд придвинулся к радиоприемнику, чтобы разглядеть, как он выключается. Правая рука все еще болела после удара током и плохо слушалась. Кнопки включения Джуд не нашел, поэтому стал прибавлять громкость, пытаясь заглушить голос Крэдока. Внезапно из радио вырвался звук, который Джуд сначала принял за помехи в эфире, но быстро признал в нем атональный гул большой толпы, тысячеголосый неслаженный хор.

Мужской голос с уверенной и рассудительной интонацией диктора пятидесятых годов

произнес:

– Стоттлмайер гипнотизирует их сегодня своим удивительным броском, и вот уже пал Тони Кониглиаро¹. Вероятно, вы слышали, что невозможно заставить человека под гипнозом делать то, чего он не хочет. Но как видите, это не соответствует истине. Конечно же. Тони вовсе не хотел так замахиваться на последней подаче. Любого можно заставить сделать все, что угодно. Надо только размягчить его как следует. – Сухой короткий смешок. – Позвольте мне продемонстрировать сказанное на сидящем перед нами желтозадом Джонни. Джонни, пальцы твоей правой руки превратились в ядовитых змей! Осторожней, они могут укусить тебя!

Вьетконговец дернулся в кресле, в ужасе отставив от себя руку. Его ноздри затрепетали, глаза сузились, на лице появилось выражение яростной решимости. Джуд резко повернулся к вьетнамцу, хотел крикнуть, чтобы тот не слушал, но голос не повиновался ему. Пленный резко выдохнул и с размаху опустил нож.

Пальцы его правой руки упали на пол. Только это были не пальцы, а змеиные головы – черные, блестящие. Вьетконговец не закричал. Его влажное, миндального цвета лицо триумфально просияло. Он поднял правую руку, почти гордо демонстрируя обрубки пальцев. Из ран, пузырясь, текла кровь.

– Этот гротескный акт отсечения собственных членов был представлен вам при содействии апельсинового «Мокси»². Если вы еще не пробовали «Мокси», то пора уже сделать этот шаг и узнать, почему сам Микки Мантл³ считает этот напиток уникальным.

Джуд отвернулся и заковылял к двери, чувствуя тошноту в глубине горла, ощущая привкус рвоты. Боковым зрением он видел в окне качели. Они все еще поднимались и опускались. Но на них никто не сидел. Собаки спали в траве.

Он почти вывалился в дверь, пошатываясь, преодолел две ветхие ступеньки вниз и оказался в пыльном заднем дворике на родительской ферме. На камне, спиной к нему, сидел отец и точил о черный кожаный ремень опасную бритву. Раздававшийся звук удивительно походил на голос мертвого старика – или, наоборот, голос старика походил на этот звук? Джуд не знал, что думать. На траве перед Мартином Ковзински стояла стальная ванна с водой, в ней плавала черная мужская шляпа. Шляпа в воде была так ужасна, что при виде нее Джуд едва не закричал.

Резкий солнечный свет падал ему прямо в лицо, лился непрерывным потоком тепла. Он шатался от жары, покачивался на пятках, прикрывая глаза рукой. Мартин проводил лезвием по ремню, и на черной коже выступали крупные капли крови и падали на землю. Когда Мартин вел бритву от себя, ремень шептал слово «смерть». Когда бритва возвращалась, слышалось слово «любовь». Джуд не стал задерживаться, чтобы заговорить с отцом, он пошел дальше за дом.

– Джуд, – позвал его Мартин. Джуд не удержался и оглянулся. Отец был в темных очках, какие носят слепые: круглые черные линзы в серебристой оправе. Когда в них отражалось солнце, они вспыхивали нестерпимо ярким светом. – Ты бы лучше вернулся в кровать, сын. Ты весь горишь. А куда ты собрался в таком наряде?

Джуд оглядел себя и увидел, что одет в костюм покойника. На ходу, не замедляя шага, он принялся расстегивать пуговицы пиджака. Но его правая рука все еще плохо двигалась, была вялой и неуклюжей (словно это он, а не вьетнамец оттяпал себе пальцы), и пуговицы не поддавались. Через несколько шагов он перестал стараться. Ему было плохо, он парился в черном костюме под немилосердным солнцем Луизианы.

– Уж не на похороны ли идешь? – спросил отец. – Поосторожнее там. А то, глядишь, тебя самого похоронят.

Из ванны, где раньше плавала шляпа, взлетела ворона, хлопая крыльями и вздымая искрящиеся фонтаны брызг, – как раз в тот миг, когда мимо проходил Джуд запинаящейся

походкой пьяного. Следующий шаг неожиданно подвел его к «мустангу», он упал на водительское сиденье и захлопнул за собой дверцу.

Через лобовое стекло он видел иссохшую, твердую землю. От жары казалось, что она дрожит, будто отражается в воде. Джуд взмок от пота. Ему не хватало воздуха в костюме покойника: слишком он тесный, слишком жаркий, слишком черный. Откуда-то донесся слабый запах гари. Жар сильнее всего ощущался правой рукой. Джуд уже не мог сказать, что рука болела. Теперь в ней чувствовалась ядовитая тяжесть, набухающая не кровью, а расплавленным металлом.

Его цифровая стереосистема исчезла, вместо нее появилась оригинальная «мустанговская» магнитола. Он повернул рукоятку, чтобы включить радио. Его правая рука была такой горячей, что оставила след на пластике – нечеткий оттиск большого пальца.

– Если и есть в мире слово, которое может изменить вашу жизнь, дети мои, – заговорило радио энергичным, мелодичным, однозначно южным голосом, – если и есть такое слово, то я скажу вам его. Это «святойпредвечныйиисус»!

Джуд сложил руки на руле. Черная отделка немедленно начала плавиться и потекла у него из-под пальцев. Он наблюдал, ошеломленный, удивленный. Руль быстро терял форму.

– Да, если вы будете хранить это слово в сердцах, будете беречь его, будете прижимать его к себе, как ребенка, то оно спасет вам жизнь, правда. Я верю в это. Слушаете ли вы мой голос? Слушаете ли вы только мой голос? Вот еще одно слово, что может перевернуть мир с ног на голову и открыть вашему взору бесконечные возможности живого духа. Это слово «тьма». Позвольте мне повторить его, дети мои. Тьма. Наконец наступает темнота. Мертвые тянут живых вниз. Мы помчимся по дороге вместе, аллилуйя.

Джуд снял ладонь с руля и положил ее на пассажирское сиденье. Обивка тут же задымилась. Он поднял руку, потряс ею, но теперь дым шел прямо из рукава, из костюма мертвого старика. Машина вдруг оказалась на шоссе, оно тянулось длинной черной полосой, разрезающей южные джунгли пополам. Деревья задыхались в объятиях лиан, все свободное пространство захватил густой кустарник. Под накатывающими дрожащими волнами жара был виден покоровившийся асфальт.

Радио теряло сигнал, звук то появлялся, то исчезал, а иногда Джуд слышал обрывки других передач. Речь радиопроповедника – а на самом деле никакого не проповедника, а самого Крэддока, присвоившего чужой голос, – иногда перебивалась музыкой. Мелодия показалась Джуду жалобной и древней. Такую ожидаешь услышать на пластинках студии «Фолкуэйс»¹: печальные и в то же время сладостные переборы одинокой гитары в минорном ключе. Джуд подумал совершенно равнодушно: «Он может говорить, но не умеет петь».

Вонь в машине усиливалась, будто где-то рядом горела старая шерсть. Джуд тоже горел. Дым шел уже из обоих рукавов и из-под воротника. Он стиснул зубы, но крик все равно вырывался наружу. Он всегда знал, что погибнет именно так: в огне. Он всегда знал, что гнев способен воспламениться и его опасно держать под давлением, а Джуд всю жизнь только и делал, что сдерживал свой гнев.

Черный «мустанг» несся по бесконечным черным дорогам, черный дым валил из-под капота, обволакивал окна, так что Джуд почти ничего не видел. Глаза жгло, текли слезы, окончательно лишая его зрения. Но это не важно. Ему не нужно знать, куда он едет. Он вдавил педаль газа в пол.

Джуд дернулся и проснулся с ощущением, будто его лицо пылает. Он лежал на боку, поджав под себя правую руку. Когда он сел на постели, то понял, что рука онемела. Сон закончился, однако запах гари остался. Или это запах паленых волос? Он осмотрел себя, наполовину уверенный, что одет в черный костюм, как во сне. Но нет, он все еще был в своем старом банном халате.

Костюм. Вот ключ ко всему. Нужно просто перепродать его кому-нибудь – костюм, а вместе с ним и призрак. Это было так очевидно, что Джуд не мог понять, почему эта мысль

так долго не приходила ему в голову. Кто-нибудь обязательно пожелает купить костюм. Может быть, многие пожелают. Он сам видел, как из-за барабанных палочек, брошенных в зрительный зал, фанаты пинали друг друга, кусали и царапали. Неужели им не захочется приобрести призрак из дома самого Джуда Койна? Он сбудет этот костюм какому-нибудь злополучному придурку, и призраку придется убраться отсюда. Что случится с покупателем потом, Джуда не волновало. Сейчас его главная забота – спасение жизни, своей и Джорджии.

Он медленно поднялся, размял правую руку. Кровообращение восстанавливалось, о чем свидетельствовало неприятное покалывание под кожей. Скоро оно перерастет в нешуточную боль.

Свет изменился, передвинулся на другую сторону комнаты; бледный и слабый, он с трудом проникал сквозь тюлевые занавески. Сколько он проспал? Трудно сказать.

Мерзкий запах, смрад горелой ткани или шерсти, выманил его из спальни, через темную переднюю и кухню привел в кладовку. Дверь на задний двор была распахнута. Во дворе стояла Джорджия. Она выглядела совершенно окоченевшей в своей тонкой джинсовой куртке и футболке, которые оставляли открытым ее гладкий белый живот. В левой руке Джорджия держала щипцы. Ее дыхание висело в холодном воздухе облачками пара.

– Не знаю, что ты готовишь, но у тебя явно ни фи́га не получается, – сказал Джуд, разгоняя рукой дым.

– Я не готовлю, – ответила Джорджия и улыбнулась ему гордой, вызывающей улыбкой. Она вдруг показалась Джуду такой красивой, что у него защемило сердце. Он смотрел на ее белую шею, ямку между ключицами, на изящную линию самих ключиц. – Я поняла, что нужно сделать. Я поняла, как прогнать призрак.

– Ну и что нужно сделать? – поинтересовался Джуд. Она поворошила щипцами в костре и подняла их, демонстрируя горящую черную тряпку.

– Надо сжечь костюм, – сказала она. – И я его сожгла.

Через час спустились сумерки. Джуд сидел в студии и смотрел, как с неба стекают последние лоскуты света. У него на коленях лежала гитара. Ему нужно было подумать, а гитара и мыслительный процесс отлично сочетались.

Он сидел в кресле лицом к окну, выходившему на сарай с гаражом, собачий загон и голые деревья за ними. Окно оставалось чуть приоткрытым, струя воздуха холодила кожу. Джуд не возражал. В доме было не многим теплее, чем на улице, а он нуждался в свежем воздухе. Джуд с благодарностью вдыхал октябрьский аромат яблок-падалиц и прелой листвы, ласкавший его ноздри после отравления выхлопными газами. Даже душ и смена одежды не избавили его от ощущения, что он весь провонял угаром.

Дверь находилась у него за спиной, он не мог ее видеть, но отражение в зеркале сказало ему, что в студию входит Джорджия. В каждой руке она держала по бокалу красного вина. Забинтованный палец мешал ей; когда она опускалась на колени рядом с креслом Джуда, немного вина расплескалось. Она слизнула капли с руки и поставила один бокал перед Джудом, на колонку у его ног.

– Все, больше он не вернется, – произнесла она. – Этот покойник. Могу поспорить. Нет костюма, нет и привидения. Я просто гений. И вообще, от этой мерзкой тряпки в любом случае нужно было избавиться. Пришлось завернуть ее в два мусорных мешка, и все равно меня чуть не вырвало, пока я несла ее во двор.

У Джуда в голове вертелись слова: «Старик хотел, чтобы ты сделала это». Но он промолчал. Она расстроится, а дело сделано и ничего уже не изменить.

Джорджия прищурилась, глядя на него. Должно быть, его мысли слишком явно отразились на лице, потому что она спросила: Он вернется?

Когда Джуд не ответил, она придвинулась к нему и заговорила снова, тихо и напряженно:

– Тогда давай уедем, а? Снимем номер где-нибудь в городе и уберемся отсюда к черту.

Он обдумывал ее предложение, с трудом подбирая слова для ответа. Наконец он

произнес:

– Не думаю, что побег поможет. Старику не нужен дом. Ему нужен я.

Он сказал правду. Но не полную. Остальное было слишком сложно выразить словами. Джуд не мог избавиться от мысли, что все случившееся имело некую цель. Цель, известную лишь покойному Крэддоку. В уме всплыли слова «психологические операции», и Джуда пробрала дрожь. Он снова задумался: не старается ли призрак выгнать его из дома, а если так, то зачем? Может быть, дом или что-то, находящееся в доме, давало Джуду преимущество? Что бы это могло быть, гадал он.

– А ты не считаешь, что тебе нужно уехать? – спросил он у Джорджии.

– Ты сегодня чуть не погиб, – просто ответила она. – Не знаю, что с тобой происходит, но я одна никуда не поеду. И я с тебя больше глаз не спущу. К тому же твой призрак мне пока еще ничего не сделал. Наверное, ему до меня не добраться.

Но Джуд видел, как Крэдок нашептывал ей на ухо свои внушения. Он видел зачарованный взгляд Джорджии, когда мертвец раскачивал у нее перед глазами бритву на цепочке. И он не забыл голос Джессики Прайс в телефонной трубке, ее ленивые ядовитые фразы с провинциальным акцентом: «Тебе не жить, как не жить тем, кто рядом с тобой».

Крэдок может добраться до Джорджии. Она должна уехать. Теперь Джуд понимал это со всей отчетливостью – и все же мысль о том, что ее не будет рядом, что придется в одиночестве просыпаться по ночам и видеть во тьме склонившегося над ним покойника, ужаснула его. Ему показалось, что, если Джорджия уйдет от него, с ней исчезнет и то небольшое, что осталось от его самообладания. Джуд не знал, вынесет ли он без нее мрак и безмолвие ночи... Он понял, как ему необходима помощь, и это осознание пришло столь внезапно, что у него на миг сильно закружилась голова. Такое головокружение должен испытывать боящийся высоты человек, глядя на уносящуюся из-под ног землю, пока его, беспомощного, швыряет в небо «чертово колесо».

– Как же Дэнни? – напомнил Джуд. Собственный голос казался сиплым и чужим. Джуд откашлялся, прочищая горло. – Дэнни считал его опасным.

– И что призрак сделал с Дэнни? Дэнни увидел что-то, испугался и убежал. Но с ним ничего не случилось.

– Призрак ничего ему не сделал, но из этого не следует, что он не может ничего сделать. Вспомни, что произошло сегодня.

С этим Джорджия согласилась. Она допила вино одним глотком и подняла на Джуда блестящие вопрошающие глаза.

– Ты поклянешься, что не сам пошел в гараж и не хотел отравиться газом? Поклянись, Джуд. Не сердись, что я спрашиваю. Мне нужно знать.

– Я похож на человека, склонного к самоубийству?

– Порой каждый человек испытывает склонность к самоубийству.

– Только не я.

– Каждый. Я тоже однажды пыталась. Таблетками. Бэмми нашла меня без сознания на полу ванной. У меня губы уже посинели. Я еле дышала. На третий день после окончания школы. А потом родители приехали ко мне в больницу, и отец сказал, что даже этого я не сумела сделать нормально.

– Ублюдок.

– Точно.

– Почему ты хотела умереть? Надеюсь, у тебя были серьезные причины.

– Потому что я занималась сексом с лучшим папиным другом. С тринадцати лет. Ему было за сорок, у него росла собственная дочь. О нас узнали. И его дочь узнала. Мы с ней дружили. Она сказала, что я сломала ей жизнь. Назвала меня шлюхой. – Джорджия держала бокал в левой руке и поворачивала его то одним боком, то другим, следя за игрой света на стекле. – Возражать ей было довольно трудно. Он дарил мне вещи, и я всегда брала их. Например, однажды он купил мне новый свитер и вложил в кармашек пятьдесят баксов. Сказал, чтобы я купила себе подходящие туфли. За это я позволяла ему трахать меня.

– Черт. Но это не повод умирать, – заметил Джуд. – Это повод убить того типа. Она засмеялась.

– Как его звали?

– Джордж Рюгер. Сейчас он продает подержанные автомобили в том самом городе. Глава местного комитета республиканцев.

– Когда снова буду в Джорджии, найду сукина сына и убью.

Она засмеялась снова.

– По крайней мере, как следует втопчу его задницу в землю, – заявил Джуд и сыграл первые такты из музыки к фильму «Грязные делишки».

Джорджия сняла с усилителя бокал, подняла его, чествуя Джуда, и отпила вина.

– Ты знаешь, что в тебе самое лучшее? – спросила она.

– Понятия не имею.

– Тебя ничто не смущает. То есть... я только что рассказала тебе все это, и ты не думаешь, что я... ну, не знаю. Испорченная. Безнадежно загубившая свою жизнь.

– Может, я так думаю, но мне наплевать.

– Тебе не наплевать, – возразила она и положила ладонь на его лодыжку. – И тебя ничто не шокирует.

Джуд промолчал. Он не сказал, что с самого первого взгляда, едва он увидел ее – в собачьем ошейнике, с губами, выкрашенными в белый цвет, как глазурь на торте, и всклокоченными волосами, – он почти догадался и о попытке самоубийства, и об отце, не обращавшем внимания на дочь, и о друге семьи, совратившем ее.

Джорджия спросила:

– А что случилось с тобой? Теперь твоя очередь. – Он высвободил ногу из ее пальцев.

– Что-то я не в настроении откровенничать. – Джуд бросил взгляд в окно. Ничто не напоминало о свете дня, кроме слабого, красновато-бронзового пятна за безлистными деревьями. Из стекла смотрело его полупрозрачное отражение – длинное лицо с впалыми щеками и косматой черной бородой, доходившей почти до груди. Призрак из пугающего видения.

После краткого молчания Джорджия снова заговорила:

– Расскажи мне о той женщине, что продала тебе привидение.

– Ее зовут Джессика Прайс. Она не просто продала мне привидение. Она хитростью заставила меня купить его.

– Понятно. А как она продала его? Через eBay?¹

– Нет, через другой сайт, какой-то третьесортный клон. Выглядело все очень обыкновенно. Она подстроила все так, чтобы этот лот – костюм – выиграл именно я. – Джуд увидел по глазам Джорджии, что у нее созрел новый вопрос, и ответил прежде, чем она его задала: – Почему она это затеяла, я не знаю. Но мне кажется, что она не могла просто прислать костюм по почте. Я должен был согласиться вступить во владение им. В этом наверняка есть какой-то глубокий моральный смысл.

– Ага, – кивнула Джорджия. – Рекомендую тебе в дальнейшем пользоваться услугами только eBay. Там не обманут. – Она глотнула еще вина, облизнула губы, потом продолжала: – И все потому, что ее сестра покончила с собой? Почему она думает, что это из-за тебя? Может, ты написал что-то такое в одной из своих песен? Помнишь тот случай, когда один парень послушал Оззи Осборна и совершил самоубийство? Ты случайно никогда не пел, что самоубийство – это клево или что-то в этом роде?

– Нет. Как, впрочем, и Оззи.

– Тогда я не понимаю, почему она так зла на тебя. Вы были знакомы? С той умершей девушкой? Она писала тебе письма, была твоей фанаткой?

Он ответил:

– Она жила со мной некоторое время. Как ты.

– Как я? Ох.

– У меня для тебя большая новость, Джорджия. Я не был девственником, когда встретил тебя. – Его голос звучал сухо и отчужденно.

– И сколько она прожила с тобой?

– Не помню. Восемь или девять месяцев. В любом случае слишком долго.

Она обдумала его слова.

– Я живу с тобой как раз около девяти месяцев.

– Ну и что?

– Может, я тоже чересчур задержалась? Девять месяцев – это максимум? А потом пора искать свежую киску? Она была натуральной блондинкой, и ты решил, что неплохо бы завести брюнетку?

Он снял руки с гитары.

– Она была натуральной психопаткой, потому-то я и вышвырнул ее на улицу. И судя по всему, ей это не очень понравилось.

– Что значит «была психопаткой»?

– Это значит, что она была маниакально-депрессивна. В маниакальный период с ней было классно трахаться. А во время депрессии требовалось слишком много возни.

– То есть у нее были проблемы с психикой, а ты взял и выгнал ее?

– Я не подписывался держать ее за ручку до конца дней. И тебя нянчить я тоже не подписывался. Позволь мне сказать тебе кое-что, Джорджия. Если ты думаешь, что наша с тобой история закончится словами: «И жили они долго и счастливо», боюсь, ты перепутала сказки. – Еще не закончив, Джуд понял, что сумел обидеть ее и заставить уйти. Он неосознанно спровоцировал такой поворот разговора, теперь он понял это. В мозгу снова возникла мысль: если он ужалил ее достаточно сильно для того, чтобы побудить уйти – пусть ненадолго, всего лишь на ночь, на несколько часов, – это самое лучшее, что он сделал для нее.

– Как ее звали? Ту девушку, что убила себя?

Он чуть было не сказал «Анна», но вместо этого произнес:

– Флорида.

Джорджия быстро поднялась – так быстро, что покачнулась. Ему показалось даже, что она вот-вот упадет, и он мог бы протянуть руку и поддержать ее. Но он не сделал этого. Пусть ей будет больнее. Джорджия побледнела и неловко шагнула назад. Недоуменно и обиженно она смотрела на Джуда... и вдруг глаза ее блеснули, словно она наконец разглядела выражение его лица.

– Нет, – тихо выдохнула она. – Так легко ты от меня не избавишься. Можешь говорить все, что угодно. Я остаюсь, Джуд.

Она аккуратно поставила бокал, который до сих пор держала в руке, на край стола. Выходя из комнаты, она приостановилась в дверях, обернулась в сторону Джуда, но не смогла взглянуть ему в глаза.

– Я иду спать. Ты тоже приходи, – не попросила, а велела она.

Джуд открыл рот, но не нашел слов. Когда она вышла, он осторожно прислонил гитару к стене и встал. Пульс пустился вскачь, ноги ослабели; так проявлялось охватившее его чувство. Какое, он сразу не понял – настолько непривычным было для него чувство облегчения.

Джорджии не было. Это первое, что он осознал. Ее не было рядом с ним, а ночь еще не закончилась. Джуд выдохнул, и его дыхание повисло в спальне облаком белого пара. Он откинул простыню и встал с кровати, обхватив себя руками, чтобы справиться с ознобом.

То, что она бродит сейчас по дому, встревожило его. Спросонок голова была как ватная. В комнате стоял жуткий холод. Разумно предположить, что Джорджия отправилась проверить отопление, но Джуд знал, что это не так. Как и он, девушка спала плохо, ворочалась, бормотала во сне. Она могла проснуться и пойти посмотреть телевизор, но и такое предположение Джуд быстро отгнул.

Он чуть не выкрикнул ее имя, но потом передумал. А если она не ответит? Тогда его голос утонет в звенящей тишине. Нет. Никаких криков. Никакой спешки. Он чувствовал, что если бросится сейчас из спальни и начнет метаться по неосвещенному дому, зовя Джорджию, то непременно сорвется в панику. А еще его пугали темнота и тишина в спальне. Пугали настолько, что он боялся идти на поиски Джорджии. Боялся того, что ждет за дверью.

Эти смятенные размышления прервало какое-то урчание... звук мотора на холостом ходу. Джуд поднял глаза: потолок залила ледяная белизна – свет фар, идущий от подъездной дорожки. Вдалеке лаяли собаки.

Джуд подошел к окну и отдернул занавеску.

Пикап, припаркованный возле дома, когда-то был синим, но, похоже, за двадцать с лишним лет его существования грузовичок ни разу не красили, и он выцвел до цвета дыма. Это был «шевроле», пикап для сельских жителей. Джуд два года своей жизни орудовал ключом в автомастерской за доллар и семьдесят пять центов в час, и по глубокому грозному рыку двигателя он догадался, что под капотом прятался мощный дизель. Спереди пикап выглядел очень агрессивно благодаря широкому серебристому бамперу, напоминавшему капюшон у боксера, и металлической обвеске, скрывшей решетку радиатора. То, что Джуд поначалу принял за фары, оказалось двумя мощными прожекторами, установленными на обвеске: два круглых пятна, изливающие сияние в ночь. Кузов на колесах тридцать пятого размера возвышался над землей почти на фут. Это был крепкий рабочий грузовичок для езды по разбитым грунтовкам, весьма подходящий для преодоления зарослей и кустарников дальнего Юга. Двигатель работал, но в салоне никого не было.

Собаки бились о внешнюю стенку своего загона, непрерывно лая на пустой пикап. Джуд всмотрелся во тьму в направлении дороги. Ворота были закрыты. Чтобы их открыть, нужно знать шестизначный код.

У дома стоял пикап покойника. Джуд понял это с первого взгляда; понял с холодным, невозмутимым спокойствием. Следующей мыслью было: «Куда едем, приятель?»

У изголовья кровати чирикнул телефон, и от удивления Джуд подпрыгнул и отпустил занавеску. Он обернулся, чтобы посмотреть на часы. Двенадцать минут четвертого. Телефон зазвонил снова.

Джуд на цыпочках пересек холодный пол, приблизился к телефону и уставился на него. Телефон зазвонил в третий раз. Джуд не хотел отвечать. Ему казалось, что это звонит мертвый старик, а он не желал с ним говорить. Не желал слышать голос Крэддока.

– Проклятье, – пробормотал он, но все же снял трубку. – Кто это?

– Привет, босс. Это Дэн.

– Дэнни? Сейчас три часа ночи.

– Да? Я не знал, что уже так поздно. Вы спали? Нет. – Джуд замолчал, ожидая, что скажет Дэнни.

– Я прошу прощения за то, что вот так все бросил и уехал.

– Ты пьян? – спросил Джуд. Он вновь глянул в сторону окна. Из-за занавески пробивалось голубоватое сияние прожекторов. – Ты напился и звонишь, потому что хочешь получить свое место обратно? Если так, ты выбрал чертовски неудачное время...

– Нет. Я не могу... я не могу вернуться, Джуд. Я просто хотел извиниться за все. За то, что рассказал о продаже привидения. Лучше бы я промолчал.

– Иди спать.

– Не могу.

– Да что с тобой? Где ты?

– Не знаю. Я пошел пройтись. Вокруг так темно.

По коже Джуда побежали колющие мурашки. Дэнни бродит один, в темноте, по незнакомым улицам – Джуд встревожился от этой мысли гораздо сильнее, чем можно было ожидать.

– Как ты там очутился?

– Я просто шел. Даже не знаю, куда и зачем.

– Господи, какого черта ты так напился! Посмотри вокруг, где-нибудь должен быть указатель с названием улицы, а потом вызови такси! – буркнул Джуд и повесил трубку.

Закончив разговор, он испытал облегчение. Ему не понравился голос Дэнни: голос растерянного человека, выпавшего из реальности.

И дело было не в том, что Дэнни сказал что-то невероятное или невразумительное. Просто раньше они никогда так не разговаривали. Дэнни никогда не звонил посреди ночи и никогда не звонил, будучи нетрезвым. Трудно было представить – он отправился гулять в три часа ночи, причем зашел так далеко от дома, что заблудился. При всех своих недостатках Дэнни умел решать любые проблемы. Потому-то Джуд и платил ему зарплату вот уже восемь лет. Джуд был уверен; даже напившись до беспамятства, Дэнни не стал бы звонить и говорить, что заблудился. Он бы дошел до ближайшей заправки и узнал, где находится. Или остановил проезжающую полицейскую машину.

Нет. Здесь все неправильно. Телефонный звонок и пикап покойника перед домом – две части одного и того же, Джуд уверен. Его нервы говорят об этом. Об этом говорит пустая кровать.

Он снова посмотрел на занавеску, подсвеченную прожекторами. Собаки надрывались как сумасшедшие.

Джорджия. Сейчас самое главное – найти Джорджию. Вместе они разберутся, что это за пикап. Вместе они справятся.

Джуд повернулся к двери. Потер пальцы, онемевшие от холода. Он не хотел выходить из спальни и видеть за дверью Крэдока – в кресле, со шляпой на колене и с бритвой, раскачивающейся на цепочке.

Но боязнь снова встретить покойника и столкнуться с очередным смертельным фокусом задержала Джуда лишь на секунду. Он собрал волю в кулак, подошел к двери и распахнул ее.

– Ну, давай, – бросил он вызов холлу, еще не успев понять, есть ли там кто.

В холле никого не было.

Джуд стоял, прислушиваясь к тишине дома, к своему сбившемуся дыханию. Длинный холл окутывали тени, кресло-качалка у стены пустовала. Нет. Не совсем. На сиденье лежала черная шляпа.

Его внимание привлекли еле слышные звуки. Где-то был включен телевизор: переговаривались люди, шуршал прибор. Джуд оторвал взгляд от шляпы и взглянул в конец коридора. Из-под двери в кабинет выбивался неровный голубоватый свет. Значит, Джорджия все-таки смотрит телепрограмму.

Джуд не стал сразу входить в студию, немного постоял у двери. До него донесся мужской голос, говоривший на испанском языке. Звук прибора стал слышнее. Джуд хотел позвать ее по имени – Мэрибет, не Джорджия, а именно Мэрибет, – но что-то случилось с горлом, когда он попытался открыть рот: дыхание перехватило, и он смог издать лишь слабое сипение.

Он открыл дверь.

Джорджия сидела к нему спиной, в кресле перед панелью телевизора. Со своего места Джуд видел ее затылок, пушистый вихрь черных волос в нимбе неестественного голубого света. Ее голова почти целиком загораживала происходящее на экране. Джуд разглядел лишь пальмы и синее тропическое небо. В комнате было темно, свет не горел.

Она не ответила, когда Джуд произнес: «Джорджия». Он тут же подумал: она мертва. Он сейчас подойдет к ней и обнаружит, что ее глаза закатились и не двигаются.

Он направился к Джорджии, но успел сделать всего пару шагов, как снова зазвонил телефон.

Теперь его взору открылась большая часть экрана. Он увидел пухлого мексиканца в темных очках и бежевом спортивном костюме, стоящего у разбитой дороги где-то в джунглях. И тогда Джуд понял, что смотрит Джорджия, хотя не ставил эту кассету уже несколько лет. Это был тот самый порнофильм с убийством.

При звуке телефонного звонка Джорджия еле заметно качнула головой. Джуду показалось, что он расслышал ее выдох, прерывистый и затрудненный. Значит, она жива. Но больше она никак не отреагировала – не оглянулась, не поднялась к телефону.

Джуд шагнул к столу, схватил трубку.

– Это ты, Дэнни? Все еще не нашел дорогу? – спросил Джуд.

– Угу. – Дэнни вяло хмыкнул. – Все еще блуждаю. Стою в телефонной будке посреди темноты. Смешно, но я не помню, когда последний раз видел такие будки.

Джорджия не обернулась на звук голоса Джуда, не отвела взгляда от экрана.

– Я очень надеюсь, что ты позвонил не для того, чтобы попросить меня приехать за тобой, – предупредил Джуд. – У меня сейчас и без тебя забот выше крыши. Если мне все-таки придется искать тебя, в твоих интересах заблудиться навсегда.

– Я понял, босс. Я понял, как я попал сюда. На эту дорогу в темноте.

– Ну и как?

– Я убил себя. Повесился пару часов назад. Эта черная дорога... это смерть.

У Джуда зашевелились волосы на голове – ледяная болезненная щекотка. Дэнни продолжал:

– Моя мать повесилась точно так же. Хотя у нее это получилось лучше, чем у меня. Она сломала шею. Умерла моментально. А я в последнюю минуту струхнул. Недостаточно резко прыгнул вниз. И умер от удушья.

От телевизора в другом конце комнаты доносились булькающие звуки, словно там кого-то душили.

– Я долго умирал, Джуд, – говорил Дэнни. – Помню, как висел. Как смотрел на свои ноги. Теперь я много что помню.

– Зачем ты это сделал?

– Он заставил меня. Покойник. Он пришел ко мне. Я собирался вернуться в офис и поискать те письма, что вы просили. Я подумал, что должен сделать хотя бы это. Подумал, что нехорошо так бросать вас. Но когда я пошел в свою спальню за курткой, он уже ждал меня. Я даже не знал, как завязывать веревку, ему пришлось показать мне, – сообщил Дэнни. – И с вами он хочет так же поступить. Заставит совершить самоубийство.

– Не заставит.

– Очень трудно не слушать его голос. Я не мог сопротивляться ему. Он слишком много знает. Ведь это я дал сестре героин, от которого она умерла. И он знал это. Сказал, что умереть должен был я. И он прав. Я должен был умереть. С ним не поспоришь. Невозможно спорить с его голосом.

– Еще посмотрим, – сказал Джуд.

Дэнни ничего не ответил. На экране двое мужчин переругивались по-испански. Булькающие хрипы не прекращались. Джорджия так и не отвела глаз от зрелища. Она лишь время от времени едва заметно поводила плечами, словно вздрагивала.

– Мне надо идти, Дэнни.

И снова ответом Джуду была тишина. Он еще минуту прислушивался к потрескиванию помех на линии, догадываясь, что Дэнни чего-то ждет от него, какого-то заключительного слова. Наконец Джуд произнес:

– Что ж, иди дальше, парень. Дорога куда-нибудь да приведет тебя.

Дэнни рассмеялся.

– А вы знаете, вы не такой плохой человек, каким кажется, Джуд.

– Ага, только никому не рассказывай.

– Ваш секрет в надежных руках, – пообещал ему Дэнни. – Прощайте.

– Прощай, Дэнни.

Джуд аккуратно положил трубку на место. Пришлось наклониться к телефону, и в таком положении он заметил, что напольный сейф открыт. Первой его мыслью было: это сделал призрак. Но он тут же отверг свое предположение. Скорее Джорджия. Она знала код замка.

Он развернулся, посмотрел на ее затылок, на гало мерцающего голубого света, на экран перед ней.

– Джорджия? Что ты делаешь, милая?

Она не ответила.

Он направился к ней, неслышно обходя кресло по толстому ковру. Первыми в поле его зрения попали кадры из фильма. Убийцы приканчивали тощего белого паренька. Потом они отвезут его подругу в хижину из шлакобетона недалеко от берега. Сейчас они находились где-то в зарослях, в холмах над Калифорнийским заливом. Паренек лежал ничком, запястья стянуты за спиной белыми пластиковыми наручниками. Под экваториальным солнцем кожа его казалась бледной, будто рыбий живот. Пучеглазый низкорослый англосакс с клоунской шапкой курчавых рыжих волос поставил ногу в ковбойском сапоге на шею подростка. Возле обочины стоял черный микроавтобус с распахнутыми задними дверями. У бампера ждал пухлый мексиканец в спортивном костюме, с недовольной гримасой на лице.

– Nos estamos yendo¹, – сказал мужчина в темных очках. – Ahora².

Рыжий мужчина сморщился и покачал головой, не соглашаясь, но затем направил маленький револьвер на голову тощего паренька и нажал на курок. Дуло полыхнуло. Голова подростка дернулась вперед, стукнулась о землю, отскочила кверху. Воздух вокруг нее окрасился тонким кровавым туманом.

Рыжий убрал ногу с шеи мальчика и отодвинулся брезгливо, старательно следя за тем, чтобы не запачкать кровью свои ковбойские сапоги.

Лицо Джорджии было бледным и застывшим, как полотно, глаза широко раскрыты, немигающий взгляд прикован к экрану. На ней оставалась все та же футболка, что и днем, но без нижнего белья. Ноги она раздвинула. Одной рукой – с уколотым пальцем – она неловко держала пистолет Джуда, засунув дуло себе в горло. Другая рука лежала между ног, большой палец двигался вверх-вниз.

– Джорджия, – позвал он.

Всего лишь на миг она бросила на него взгляд – беспомощный, умоляющий, – но тут же снова уставилась в телевизор. Больной рукой она перевернула пистолет так, что дуло уткнулось ей в небо. Она давилась металлом.

Пульт дистанционного управления лежал на ручке кресла. Джуд ткнул кнопку выключения. Экран погас. Джорджия вскинула плечи инстинктивным нервным движением.левой рукой она продолжала гладить себя между ног.

– Прекрати, – сказал Джуд.

Большим пальцем она отвела курок. В тишине студии раздался громкий щелчок.

Джуд протянул руку и осторожно вытащил пистолет из ее пальцев. Все тело Джорджии внезапно окаменело. Короткое частое дыхание со свистом вырвалось из ее рта. Влажные губы поблескивали. Джуд неожиданно для себя осознал, что начал возбуждаться. От запаха Джорджии, от вида ее пальцев, играющих с клитором, его член стал твердеть и подниматься. Ее голова находилась как раз на нужной высоте. Если он придвинется, Джорджия сможет сосать его член, пока он держит пистолет у ее виска. Он даже засунет дуло ей в ухо, когда будет заталкивать член...

Краем глаза Джуд заметил какое-то движение на стекле приоткрытого окна, и это отвлекло его внимание. Он поднял голову: стекло отражало его самого и мертвого старика. Тот склонился к Джуду и что-то нашептывал ему. Джуд видел, как его отражение подняло руку с пистолетом к голове Джорджии.

Сердце подскочило под напором крови, нахлынувшей в адреналиновом шоке. Он посмотрел на себя и увидел, что это – правда: он действительно держит пистолет у виска Джорджии, а его палец взводит курок. Джуд пытался остановиться, но было слишком поздно – он уже нажал на спусковой крючок и в ужасе ждал выстрела.

Его не последовало. Крючок не выжал последнюю четверть дюйма. Пистолет стоял на

предохранителе.

– Проклятье, – прошипел Джуд и опустил пистолет.

Его сотрясала крупная дрожь. Большим пальцем он вернул курок на место, а потом отшвырнул оружие прочь.

Оно тяжело ударилось о стол, и Джорджия вздрогнула, тихо всхлипнув. Однако взгляд ее оставался неподвижным: она неотрывно смотрела на некую точку во мраке перед собой.

Джуд оглянулся в поисках призрака Крэдока и никого не увидел. Комната была пуста, только он и Джорджия. Он снова повернулся к ней, взял за тонкое белое запястье, потянул к себе.

– Вставай, – сказал он. – Вставай же. Нам надо ехать. Немедленно. Не знаю куда, но надо убираться отсюда. Поедем туда, где много людей, где яркий свет, и где мы с тобой сможем во всем разобраться. Ты слышишь меня?

Он уже забыл, почему не хотел покидать дом. Доводы рассудка и логика растаяли.

– Он еще не закончил с нами, – проговорила Джорджия срывающимся шепотом.

Он потянул настойчивее, но девушка не поднималась, неподвижно и неподатливо сидя в кресле. Она по-прежнему не смотрела на него. Она вообще никуда не смотрела, кроме той абстрактной точки в пространстве.

– Поднимайся, – настаивал Джуд. – Потом будет поздно.

– Уже поздно, – ответила она. Экран телевизора снова ожил.

Шли вечерние новости. Билл Бьютл¹, начинавший карьеру журналиста в те дни, когда главной сенсацией было убийство эрцгерцога Фердинанда, неподвижно сидел перед камерой. Его физиономия являла собой запутанную систему морщин, бегущих во все стороны от уголков его рта и глаз. Черты лица сложились в мрачную гримасу, говорившую без слов: на Ближнем Востоке снова проблемы; школьный автобус сошел с федеральной трассы и перевернулся, никто из пассажиров не выжил; на юге торнадо всосало в себя стоянку трейлеров, а потом выплюнуло мешанину из гладильных досок, сломанных жалюзи и человеческих тел.

– ...никто не выживет. Мы сообщим вам о том, как ситуация будет развиваться дальше, – произнес Бьютл. Он слегка повернул голову, и в бифокальных линзах его очков на краткий миг отразился синий экран телесуфлера. – Сегодня после полудня шериф округа Датчес подтвердил, что Джудас Койн, солист популярной рок-группы «Джудас Хаммер»², застрелил свою подругу Мэрибет Стейси Кимболл, после чего тем же оружием покончил с собой.

Интерьер студии сменился изображением фермы Джуда, четко выделявшейся на фоне мутного, голого белого неба. Полицейские джипы беспорядочно припаркованы на подъездном развороте, а к дверям офиса Дэнни задним ходом вплотную подобралась карета «скорой помощи».

За кадром Бьютл продолжал свой комментарий:

– Полиция приступила к восстановлению событий, произошедших в последние дни жизни Койна. Однако, по заявлениям близко знавших его людей, уже сейчас можно сказать, что он был подавлен и тревожился о своем психическом здоровье.

Камеру перевели на собак в загоне. Они неподвижно лежали на короткой жесткой траве, вытянув лапы. Ангус и Бон были мертвы. Джуд напрягся при виде их тел. Смотреть на них оказалось трудно. Он хотел отвернуться, но не мог: его взгляд будто приклеился к экрану.

– Следователи убеждены в том, что Койн сыграл определенную роль в смерти своего помощника Дэниела Вутена, которого сегодня утром нашли мертвым в собственной квартире. Есть основания полагать, что и это было самоубийство.

Затем камера показала двух санитаров, выносивших синий пластиковый пакет с телом внутри. Из груди Джорджии вырвался негромкий стон при виде того, как один из санитаров спиной взбирается в машину, таща за собой мешок.

Бьютл стал рассказывать о карьере Джуда, и фоном пустили кадры, изображающие

Джуда на сцене в Хьюстоне, – клип, снятый шесть лет назад. Джуд в черных джинсах и черных сапогах с металлическими носками, по пояс голый. Его торс блестит от пота, густые волосы на груди прилипли к коже, дыхание вздымает грудную клетку. Прямо под ним бушует море из сотни тысяч полуобнаженных людей – бурный поток воздетых рук. То тут, то там видны перебегающие по головам и плечам зрителей смельчаки.

В то время Диззи уже умирал, хотя знал об этом только Джуд. Диззи страдал героиновой зависимостью и СПИДом. На сцене в Хьюстоне они играют спина к спине. Светлая грива волос Диззи падает на лицо Джуда, длинные пряди попадают ему в рот. Это последний год существования группы. Сначала умер Диззи, потом Джером, и все было кончено.

На экране они поют заглавную песню с их последнего альбома «Поставь себя на свое место». Это последний хит, последняя по-настоящему хорошая песня, написанная Джудом. Когда вступили ударные – яростная канонада, – он освободился от странного воздействия, которое, похоже, оказывал на него телевизор. Тот концерт был реальностью – был Хьюстон, был тот день. Затягивающий, сумасшедший восторг толпы и такой затягивающий и сумасшедший драйв музыки. Это происходило на самом деле, а все остальное...

– Дерьмо собачье, – сказал Джуд и нажал на кнопку. Экран погас.

– Это неправда, – проговорила Джорджия еле слышно. – Это ведь неправда? Или мы... ты... или это все случится с нами?

– Нет, – отрезал Джуд.

И экран снова ожил. Опять за столом сидел Билл Бьютл. Он сжимал в руке несколько листов бумаги и, расправив плечи, смотрел в камеру.

– Да, – сказал Билл. – Вы оба умрете. Мертвые тянут живых вниз. Ты возьмешь пистолет, а она попытается убежать, но ты поймаешь ее и...

Джуд в третий раз выключил телевизор, бросил пульт прямо в экран, потом подскочил к ящику, уперся в него пяткой и выпрямил ногу. Телевизор пролетел два десятка сантиметров, ударился о стену, в нем что-то вспыхнуло белым и погасло, как гаснет свет в лампе накаливания, и ящик свалился на пол, за тумбу, на которой стоял. За хрустом пластика последовал короткий треск электрического разряда, потом все стихло. Еще один такой день, и от дома ничего не останется.

Когда Джуд обернулся, покойник уже стоял у Джорджии за спиной. Призрак Крэдока протянул руки над спинкой кресла и обнял ладонями голову девушки. В его глазницах плясали черные каракули.

Джорджия не пыталась вырваться или оглянуться, она сидела неподвижно, как человек замирает рядом с ядовитой змеей, от страха не способный ни шевельнуться, ни вздохнуть.

– Ты пришел не к ней, – сказал Джуд, одновременно продвигаясь влево, вдоль стены, к выходу в холл. – Она не нужна тебе.

Только что ладони Крэдока обнимали голову Джорджии, и вот уже его правая рука взметнулась вперед: «Зиг хайль!» Вокруг мертвеца время двигалось скачками, как запись на поцарапанном диске. Изображение задерживалось на одном кадре, а потом перепрыгивало сразу несколько других, без плавных переходов. Золотая цепочка выпала из поднятой правой руки. На конце цепочки поблескивала бритва, по форме напоминающая полумесяц. Край лезвия отсвечивал всеми цветами радуги, как пленка масла на воде.

– Пора в путь, Джуд.

– Уходи, – сказал Джуд.

– Если хочешь, чтобы я ушел, то слушай мой голос. Ты должен очень внимательно слушать. Ты должен быть радиоприемником, который принимает только одну станцию – мой голос. Хорошо послушать радио ночью. Хочешь, чтобы это закончилось? Тогда слушай внимательно. Ты должен желать всем сердцем, чтобы это закончилось. Ты хочешь, чтобы это закончилось? – Джуд напряг челюсть, сжал зубы. Он не собирался отвечать, понимая каким-то седьмым чувством, что любой ответ будет ошибкой, но, к своему ужасу, медленно кивнул.

– Ты хочешь слушать мой голос? Я знаю, что хочешь. Я знаю. Слушай. Ты можешь

отключиться от всего мира и не слышать ничего, кроме моего голоса. Потому что слушаешь очень внимательно.

И Джуд продолжал кивать, размеренно двигая головой вверх и вниз, а звуки внешнего мира гасли один за другим. Он не обращал внимания на эти звуки, пока они не исчезли: тихое рычание работающего двигателя пикапа под окнами, тонкий свист дыхания Джорджии, его собственные резкие вдохи. Уши звенели от внезапно наступившей абсолютной тишины – как будто мощный взрыв потряс его барабанные перепонки.

Обнаженное лезвие раскачивалось по короткой дуге, вперед-назад, вперед-назад. Джуда ужасал один вид этой бритвы. Он заставлял себя не смотреть на нее.

– Тебе не обязательно смотреть на нее, – сказал Крэдок. – Я умер. Мне не нужен маятник, чтобы войти внутрь твоего мозга. Я уже там.

И взгляд Джуда, помимо его воли, вновь вернулся к бритве. Он ничего не мог с этим поделать.

– Джорджия, – сказал он.

Вернее, попытался сказать. Он ощущал сказанное слово на губах, на языке, в выдохнутом воздухе, но не слышал собственного голоса; не слышал ни звука среди невыносимой, всепоглощающей тишины. Он никогда не слышал ничего оглушительнее этой тишины.

– Я не собираюсь убивать ее, – сказал мертвец. Интонация его не менялась, голос лился как терпеливый, понимающий, низкий, гулкий словесный поток, более всего походивший на жужжание пчел в улье. – Ты сам собираешься это сделать. И ты это сделаешь. Ты хочешь этого. – Джуд открыл рот, собираясь ответить, что Крэдок ошибается, но вместо этого сказал:

– Да.

Даже не сказал, а подумал вслух.

– Хороший мальчик, – похвалил его Крэдок.

Джорджия заплакала, хотя старалась сидеть тихо и не дрожать. Джуд не слышал ее. Лезвие Крэдока резало воздух: вперед-назад, вперед-назад.

«Я не хочу причинять ей боль, не заставляй меня убивать ее», – подумал Джуд.

– Все будет не так, как тебе хочется. Возьми пушку, слышишь? Возьми сейчас же.

Джуд сделал движение. Ему казалось, что он отделился от своего тела – будто он свидетель, а не участник сцены, которая перед ним разыгрывалась. В голове его стало пусто, и он уже не мог ужасаться тому, что собирался сделать. Он знал только одно: если он хочет проснуться, то должен совершить это.

Но прежде чем он дотянулся до пистолета, Джорджия выскочила из кресла и бросилась к двери. Джуд не ожидал, что она способна двигаться, – он думал, Крэдок и ее удерживает на месте. Но оказалось, что ее удерживал лишь страх. Когда она уже приблизилась к Джуду, снова раздался единственный голос на свете:

– Останови ее.

И Джуд увидел, как его собственная рука схватила волосы летящей мимо Джорджии и намотала их на кулак, резко запрокинув голову девушки. Джорджия завалилась назад, и Джуд с силой толкнул ее вниз. От удара ее тела об пол мебель в комнате подпрыгнула. Стопка компакт-дисков на краю стола беззвучно осыпалась на пол. Носок Джуда вонзился в живот Джорджии, получился отличный жесткий пинок, и она сложилась пополам, свернувшись в позу эмбриона. Через миг после удара Джуд не помнил, зачем он это сделал.

– Вот так, – произнес покойник.

Голос Крэдока возникал из ниоткуда, рождался из тишины, и это сбивало Джуда с толку. Слова мертвеца создавали эффект физического присутствия, они как пчелы роились и жужжали внутри головы. Голова стала ульем, пчелы-слова влетали в него и вылетали, оставляя после себя соты, ячейки восковой пустоты. С такой легкой поллой головой он сойдет с ума. Он сойдет с ума без собственных мыслей, без своего голоса. А мертвый голос не умолкал:

– Покажи этой суке. Надеюсь, ты не возражаешь, если я ее так называю. Давай, бери пистолет. Скорее.

Он повернулся за оружием и стал двигаться чуть быстрее. Через комнату, к столу, пистолет у его ног, опуститься на колено, взять.

Джуд не слышал собак, пока не потянулся за револьвером. Одно напряженное, срывающееся на визг «рр-гав», потом еще одно. Его внимание намертво зацепилось за этот звук, как широкий рукав цепляется за торчащий гвоздь. Его потрясло, что кроме голоса Крэдока в бездонной тишине он услышал что-то еще. Окно за столом по-прежнему было приоткрыто. Снова лай – залиvistый, яростный, хриплый. Ангус. А это Бон.

– Ну же, мой мальчик. Делай, что тебе говорят.

Взгляд Джуда упал на маленькую корзинку для бумаг, стоящую под столом. Из нее торчали осколки платинового альбома – гроздь острых ножей из хрома. Теперь оба пса лаяли в унисон, расширяя дыру в ткани безмолвия, и звук лая заставил Джуда вспомнить их запах – резкую вонь сырой собачьей шерсти, животный жар дыхания. В одном из серебристых осколков он увидел себя и отпрянул, наткнувшись на собственный взгляд – застывший, отчаявшийся, полный ужаса. И в следующий миг он услышал в мозгу свой голос, смешанный с безостановочным собачьим лаем: «Он имеет над тобой только ту власть, которую ты сам даешь ему».

Словно продолжая тянуться за пистолетом, Джуд придвинулся к корзине и приложил основание левой ладони к самому острому и длинному кинжалу из хрома. А потом нажал на него рукой, помогая всем своим весом. Осколок взрезал плоть, острейшая боль пронзила кисть и запястье. Джуд вскрикнул, в глазах помутнело. Он отдернул руку, сжал левую ладонь правой. Между ними сочилась кровь.

– Какого черта ты сделал, парень? – спросил его призрак Крэдока, но Джуд больше не слушал его. Он не мог воспринимать что-либо сквозь ревущую боль раненой плоти, пронзенной почти до самой кости.

– Я с тобой еще не закончил, – сказал Крэдок. Но он ошибался: его власть над Джудом закончилась.

Мозг Джуда тянулся к звуку собачьего лая, как утопающий тянется к спасательному кругу, а потом хватает его и тащит к себе. Джуд поднялся и начал действовать.

Добраться до собак. От этого зависела его жизнь – и жизнь Джорджии. Идея казалась совершенно иррациональной, но Джуд не искал рациональности. Он искал правильное решение.

Боль красной лентой, зажатой между ладонями, вела прочь от голоса мертвеца, обратно к собственным мыслям. У Джуда был высокий болевой порог, и он обычно легко переносил боль, порою даже искал ее. Вот и сейчас она гнездилась где-то в глубине запястья, в суставе, что говорило о глубине раны, и Джуд в какой-то степени наслаждался этим ощущением и удивлялся ему. Поднимаясь на ноги, он вновь увидел в окне свое отражение. В зарослях косматой бороды пряталась ухмылка – видение еще более жуткое, чем то искаженное ужасом лицо, что несколько секунд назад отразилось в осколке диска. – Вернись немедленно, – приказал Крэдок. На мгновение Джуд приостановился, но потом пошел дальше.

По дороге он бросил взгляд на Джорджию. Оборачиваться назад, на Крэдока, он боялся. Девушка все еще лежала на полу, свернувшись калачиком и зажав живот руками. Она посмотрела на него из-под упавших на лицо волос. Ее щеки увлажнил пот, веки подрагивали. Затуманенные болью глаза молили и вопрошали.

Он хотел сказать, что не собирался бить ее, но у него не было времени. Он хотел сказать, что не бежит, не бросает Джорджию, что он уводит от нее покойника, но ему мешала боль в руке. Из-за боли он не мог выстроить осмысленную фразу. Кроме того, он не знал, долго ли еще сможет думать самостоятельно, прежде чем Крэдок снова завладеет его сознанием. Необходимо сосредоточиться и действовать очень быстро. Да, это необходимо. Так даже лучше. Он всегда предпочитал размер пять четвертей.

Шатаясь, он вывалился в холл, добрался до лестницы и спустился вниз. Он быстро,

слишком быстро перешагивал через четыре ступеньки зараз, так что это было почти падение, а не спуск. С последних ступенек он обрушился на красную плитку прихожей, подвернув одну ногу, и чуть не уткнулся лбом в стол для рубки мяса. Изрезанную поверхность покрывали засохшие пятна крови. С одного края в мягкое дерево был всажен топор. Его широкое плоское лезвие поблескивало в темноте как жидкая ртуть, в которой отразилась лестница, а на ступенях – Крэдок. Смутный образ, но все же различимый. Можно было разобрать, что он воздел над собой руки – как проповедник, вещающий истину перед толпой страждущих. – Остановись, – говорил Крэдок. – Возьми топор.

Но Джуд сконцентрировался на пульсирующей боли в ладони. Боль сидела глубоко в поврежденной мышце, она каким-то образом просветляла сознание и укрепляла Джуда. Покойник не мог заставить его подчиняться себе, поскольку боль заглушала слова. Джуд оттолкнулся от мясного стола и по инерции проковылял через всю кухню.

Он припал к двери в офис Дэнни, распахнул ее и ввалился в темноту.

Сделав три шага, он приостановился, чтобы собраться с силами. Окна офиса закрывали плотные жалюзи. В помещение не пробивалось ни единого лучика света, и Джуд не видел, куда идет. Ему пришлось замедлить шаг и двигаться на ощупь, вытянув перед собой руки и ощупывая попадающиеся на пути предметы. Дверь на улицу где-то недалеко, скоро он выйдет из дома.

Однако его не оставляло неприятное ощущение в груди. Дышал он с трудом, готовый к тому, что в любую секунду его руки наткнутся в темноте на холодное мертвое лицо Крэдока. Он гнал от себя эту мысль, понимая, что она грозит настоящей паникой. Локтем он задел настольную лампу, и та с грохотом опрокинулась на пол. Сердце стучало как молот. Джуд продолжал передвигать ноги неуверенными младенческими шажками, но не мог избавиться от ощущения, что его цель не становится ближе.

Во мраке медленно открылся красный кошачий глаз. Колонки по бокам стереосистемы ожили, в них басовито загудел пустой эфир. Сердце Джуда сжалось как в тисках, до дурноты.

«Дыши, – говорил он себе. – Продолжай двигаться. Он попытается остановить тебя, чтобы ты не вышел из дома».

Безостановочный, надрывный собачий лай раздавался уже недалеко.

Стереосистема включилась, и должно было заработать радио. Но оно молчало. Пальцы Джуда скользнули по стене, нашли дверной косяк, и он уже схватился левой рукой за ручку двери. Воображаемая игла медленно повернулась в ране, разжигая холодное пламя боли.

Джуд дернул ручку, толкнул дверь от себя. Во тьме образовался вертикальный разрез: прожекторы на капоте пикапа мертвеца по-прежнему заливали двор белым сиянием.

– Думаешь, теперь ты лучше всех, раз научился играть на чертовой гитаре, да? – спросил отец Джуда из дальнего угла офиса.

Это заговорило стерео, громко и гулко.

Тут же на Джуда из колонок обрушились и другие звуки: учащенное дыхание, шарканье обуви, тяжелый удар об стол, – звуки, сопутствующие молчаливой отчаянной схватке, борьбе двух человек. По радио передавали пьесу. Эту пьесу Джуд знал наизусть. Он сам играл в ней.

Джуд остановился в полуоткрытой двери, не в силах выйти на улицу, приклеенный к месту звуками из стереосистемы.

– Думаешь, ты станешь лучше меня? – произнес Мартин Ковзински; в его голосе одновременно звучали удивление и ненависть. – А ну иди сюда.

Затем раздался голос Джуда. Нет, не Джуда... он тогда еще не был Джудом. Это был голос Джастина: более высокий, иногда срывающийся на басок, но пока не имевший той полноты звучания, которая придет с возрастом.

– Мама! Мама, помоги мне!

Мама ничего не ответила, но Джуд помнил, что она тогда сделала. Она встала из-за кухонного стола, ушла в комнату, где обычно занималась шитьем, и закрыла за собой дверь, не смея взглянуть ни на мужа, ни на сына. Джуд и его мать никогда не помогали друг другу. Даже в крайних ситуациях они не смели прийти друг другу на выручку.

– Я сказал, подойди сюда, – повторил Мартин. Звук удара о стол. Звук падающего стула. Потом снова вскрикнул Джастин – неровным от страха голосом:

– Только не руку! Папа, только не руку! – Я тебе покажу, – сказал его отец.

И затем – резкий плотный стук. Это с силой захлопнули дверь, и Джастин-мальчик по радио завопил безостановочно. Его вопль выбросил Джуда в ночной воздух.

Он промахнулся мимо ступени и повалился на колени в мерзлый грунт. Поднялся, пробежал два шага, снова споткнулся и упал на четвереньки перед пикапом. Его глаза оказались на уровне переднего бампера, увешанного отбойниками и прожекторами.

Иногда фасад дома или передняя часть машины бывают похожи на человеческое лицо. Так и было с «шевроле» Крэддока. Прожекторы – два ярких, слепых, немигающих глаза умалишенного. Хромированный бампер – серебристая гримаса. Джуд был почти готов к тому, что пикап бросится на него, проворачивая в щебенке колеса, но этого не произошло.

Бон и Ангус прыгали на переднюю стенку своего загона, ни на миг не прекращая лай – глубокий горловой рык страха и ярости, вечный, примитивный язык собак: «Видишь мои зубы? Не подходи, а то узнаешь их поближе. Не подходи, я сильнее тебя». Джуд сначала думал, что они лают на грузовик, но Ангус смотрел куда-то в сторону. Джуд проследил направление собачьего взгляда – назад, за спину хозяина: в дверях кабинета Дэнни стоял Крэддок. Призрак приподнял черную шляпу в знак приветствия и аккуратно надел ее снова.

– Сынок. Ну-ка вернись обратно, сынок, – сказал мертвец.

Но Джуд старался не слушать его, изо всех сил сосредоточившись на лае собак. Их лай вывел его из гипнотического состояния в студии, и с того момента для Джуда жизненно важно было добраться до собак. Хотя он не смог бы объяснить никому, в том числе и себе, почему это так важно. Но когда он слышал голоса Ангуса и Бон, он вспоминал свой собственный голос.

Джуд поднялся, побежал, упал, опять поднялся, споткнулся о бордюр, со всего маху грохнулся на колени. Дальше он пополз по траве: у него больше не осталось сил держаться на ногах. Колотую рану в левой руке обжигало холодным воздухом.

Он оглянулся: Крэддок шел следом. Из его правой руки выпала золотая цепочка, и на ее конце раскачивалось лезвие – капля серебристого блеска, разрывающего ночь. Ее сияние зачаровывало Джуда. Он чувствовал, что его взгляд будто магнитом притягивается к бритве, а мысли вытекают из него, и тут же пополз прямо к внешней стенке собачьего загона, сделанной из металлической сетки. Джуд ударился о нее головой и упал на бок. С трудом перекатился на спину.

Он был у двери в загон. Ангус бросался на нее с другой стороны, выпучив в бешенстве глаза. Бон застыла чуть дальше и, не замолкая ни на миг, пронзительно лаяла. Мертвец зашагал к Джуду.

– Давай покатаемся, Джуд, – сказал призрак. – Прокатимся по ночной дороге.

В душе Джуда вновь возникла пустота. Он чувствовал, что опять поддается этому голосу, поддается серебряному лезвию, размеренно вперед-назад – режущему ночную тьму.

Ангус прыгнул на дверь с такой силой, что она отбросила его назад, и пес опрокинулся на бок. Удар собачьего тела о дверь вывел Джуда из транса.

Ангус

Ангус хотел выйти из загона. Он уже подскочил на лапы и лаял на покойника, царапая когтями по сетке загона.

И тогда Джуду пришла мысль – дикая, до конца не оформленная в слова. Он вспомнил, что вчера утром читал что-то в одной из оккультных книг. Что-то о животных-фамилиарах. Там, кажется, говорилось, что они могут общаться с мертвыми напрямую.

Призрак Крэддока стоял уже у самых ног Джуда. Впалое белое лицо покойника застыло в маске презрения. Черные подвижные загогулины скрывали его глаза.

– Слушай меня. Слушай звук моего голоса.

– Я уже достаточно тебя наслушался, – ответил Джуд. Он потянулся к дверце загона, нащупал щеколду и повернул ее. Секундой позже Ангус прыгнул на дверь, она с треском распахнулась, и пес бросился на покойника с низким сдавленным рыком, исходящим из самой глубины его мощной грудной клетки. Джуд никогда раньше не слышал такого грозного рычания. Бон вылетела следом, оскалив зубы и высунув язык.

Мертвец качнулся и торопливо отпрянул назад, явно растерявшись. Что затем последовало, Джуд так до конца и не понял. Ангус прыгнул на старика – но Джуд показалось, что Ангус был не одной собакой, а двумя. Первая была гибкой, крепкого сложения немецкой пастушьей овчаркой, как и всегда. Однако с этой овчаркой соединялось непроницаемое черное пятно в форме собаки, плоское и однородное, при этом ощутимо плотное – некая живая тень.

Материальное тело Ангуса перекрывало черную тень, но не полностью. Пес-тень выглядывал по краям, особенно в области пасти Ангуса. Этот второй черный Ангус атаковал покойника на мгновение раньше настоящего Ангуса, набросившись на Крэддока с левого бока, подальше от руки с золотой цепью и от висящей на ней серебристой бритвы. Мертвец злобно вскрикнул и стряхнул с себя Ангуса, резко ударил его локтем в морду. Но нет, не Ангуса он ударил, а другую, черную собаку, которая вскидывалась и опадала – как тень от пламени свечи.

С другой стороны на покойника мчалась Бон. Она тоже состояла из двух собак – у нее появился свой черный двойник. Когда она подскочила к призраку, он швырнул в нее золотой цепью, и полумесяц бритвы со свистом прорезал воздух. Лезвие прошло через переднюю правую лапу Бон в районе плеча, но не оставило и следа. Потом оно достигло черной тени Бон, вонзилось ей в лапу, и черная Бон как будто зацепилась за лезвие, потянулась за ним, теряя форму и сходство с собакой. Но лезвие освободилось и вернулось в ладонь покойника. От боли Бон залилась диким, невыносимым визгом. Джуд не мог разобрать, какая из собак визжит, овчарка или ее тень.

Ангус бросился на покойника снова, раздвинув челюсти и целясь в горло, в лицо. Крэддок не успевал бросить в него свой серебристый нож. Ангус-тень подпрыгнул, уперся передними лапами в грудь призрака, и тот повалился на землю. Когда черная собака рвалась вперед, она вытягивалась почти на целый фут от немецкой овчарки, к которой была присоединена, удлинялась и в то же время истончалась, совсем как тени в конце дня. Ее черные клыки лязгнули в нескольких дюймах от лица мертвого старика. Шляпа Крэддока слетела с головы. Ангус – и овчарка, и собака цвета полуночи – вскочил на старика, стал рвать его одежду когтями. Время перескочило вперед.

Покойник снова был на ногах, спиной прижимался к грузовику. Ангус тоже перепрыгнул во времени вместе с Крэддоком и теперь вцепился зубами в его штанину. Он рвал и дергал черную ткань из стороны в стороны. Из царапин на лице мертвеца сочилась жидкая тень. Когда капли достигали земли, они шипели и дымились, словно жир, падающий на раскаленную сковородку. Крэддок пнул пса. Ангус перекатился через спину и вскочил на лапы. Все с тем же глубоким булькающим рыком, идущим откуда-то из глубины тела, Ангус прижался к земле, неотрывно глядя на Крэддока и его золотую цепочку с бритвой-полумесяцем на конце. Он ждал удобного момента. Под блестящим коротким мехом на спине пса бугрились мышцы, сворачивались перед прыжком. Черная тень оскалила пасть и прыгнула первой, опередив Ангуса на долю секунды. Собачьи зубы сомкнулись у промежности покойника, и теперь завизжал он. Скачок во времени.

Воздух звенел от звука захлопнутой двери. Старик сидел внутри своего «шевроле». Его шляпа валялась на дороге, смятая и грязная.

Ангус с разбега наскочил на борт пикапа, и от его ударов машина качнулась. С другого борта отчаянно скребла по металлу Бон. Ее дыхание туманом оседало на стекле, слюна стекала по окну – как будто это был настоящий автомобиль. Джуд не видел, как она оказалась там. Только что она жалась к нему, поскуливая от боли.

Бон соскользнула вниз, обернулась вокруг себя и снова набросилась на пикап. С другой

стороны в то же мгновение на машину прыгнул Ангус. Однако «шевроле» внезапно растаял в воздухе, и две собаки столкнулись друг с другом в прыжке. Они стукнулись головами (Джуд расслышал глухой звук) и обрушились на мерзлую землю, где только что стоял пикап.

Но пикап исчез не полностью. Остались прожекторы – два круга света, парящие над дорогой. Собаки подскочили на лапы и принялись яростно облаивать эти круги. Бон выгнула позвоночник, ее шерсть стояла дыбом, она с лаем пятилась от бестелесных источников света. Ангус лаять больше не мог, каждый его рык становился еще более сиплым, чем предыдущий. Джуд заметил, что черные двойники овчарок исчезли, растаяли вместе с пикапом или вернулись в свои материальные тела, где, вероятно, прятались до сего момента. Джуд предположил (и идея показалась ему весьма разумной), что две черные собаки – это души Ангуса и Бон.

Круги света от прожекторов тоже постепенно таяли, становились все бледнее и синее, уменьшались в размере. Наконец они исчезли, не оставив после себя ничего, кроме слабых отпечатков на сетчатке глаз Джуда. Два тусклых диска лунного цвета еще некоторое время плавали перед ним.

Джуд закончил подготовку машины к отъезду, когда небо на востоке уже серело, подсвеченное первыми знаками рассвета. Он оставил Бон в машине, а Ангуса взял с собой и вернулся в дом. Поднявшись по лестнице в студию, он нашел Джорджию спящей там, где оставил ее: на диване, под белой простыней, снятой с кровати в гостевой комнате.

– Вставай, милая, – произнес он, положив ладонь ей на плечо.

Джорджия тут же открыла глаза и развернулась к нему. Выглядела она совершенно больной: длинная прядь черных волос прилипла к потному лицу, щеки горят нездоровым румянцем, а сама девушка бледна как снег. Джуд приложил руку к ее лбу. Она вся горела, ее была лихорадка.

Джорджия облизнула губы и промямлила:

– Который час?

– Половина пятого.

Она огляделась, приподнявшись на локте. – Какого черта я здесь делаю?

– Ты что, не помнишь?

Она подняла на него бездонные глаза. Губы ее задрожали, и ей пришлось отвернуться, закрыв глаза рукой.

– О господи, – выдохнула Джорджия.

Ангус протиснулся мимо Джуда к дивану и уткнулся ей в шею, стал тыкаться мордой под подбородок, словно призывал держать нос кверху. Влажные собачьи глаза заботливо поблескивали.

Когда его холодный нос прикоснулся к ее коже, Джорджия подскочила и окончательно проснулась. Она испуганно и непонимающе посмотрела на Ангуса, потрепала его между ушей и спросила:

– А кто тебе разрешил гулять по дому?

Потом она перевела взгляд на Джуда и увидела, что он полностью одет, сверху накинут длинный плащ, на ногах черные ботинки «Доктор Мартене». Одновременно она, осознала, что с улицы доносится горловое урчание заведенного «мустанга», стоящего под окнами. Вещи уже уложены в машину.

– Куда ты едешь?

– Мы, – поправил ее Джуд. – Мы едем на юг.

Путь

К концу дня, уже на подъезде к Фредериксбургу, Джуд заметил, что за ними следует пикап старого Крэддока, держась на расстоянии примерно в четверть мили.

Вел машину сам Крэддок Макдермотт, хотя в слабом вечернем свете, под желтым сиянием неба, где тихо рдели облака, трудно было разглядеть детали. И все же Джуд видел,

что старик снова обзавелся черной шляпой и сгорбился за рулем, подняв плечи до самых ушей. А еще он нацепил на нос очки с круглыми линзами. В свете газовых фонарей, освещающих трассу И-95, эти линзы вспыхивали время от времени оранжевым тусклым огнем, будто дублируя два прожектора над бампером.

Джуд съехал с трассы при первой же возможности. Джорджия спросила почему, и он ответил, что устал. Мертвеца она не заметила.

– Давай я поведу, – предложила девушка.

Большую часть дня она проспала и теперь сидела в пассажирском кресле, поджав под себя ноги и склонив голову на плечо. Не дождавшись ответа, она всмотрелась в лицо Джуда.

– Все в порядке?

– Просто хочу найти место для ночевки, пока не стемнело.

Между спинками их кресел появилась голова Бон, овчарка хотела послушать, о чем говорят. Она любила участвовать в разговорах. Джорджия стала гладить собаку, а Бон с тревогой уставилась на Джуда шоколадными глазами.

Примерно через полмили на глаза им попался мотель «Дэйсинн». Джуд отправил Джорджию снять номер, а сам остался в «мустанге» вместе с собаками. Он не хотел рисковать: его могли узнать, а настроения общаться с поклонниками не было. Его не было вот уже пятнадцать лет.

Только Джорджия вышла из машины, как на ее место тут же перебралась Бон. Она улеглась в теплую ямку, вдавленную в кожаном кресле задом Джорджии. Устроившись, она положила морду на вытянутые передние лапы и виновато взглянула на Джуда. Она ожидала, что он прикрикнет на нее, велит убираться обратно к Ангусу на заднее сиденье. Но он не стал возражать. Собаки теперь могут делать все, что им будет угодно.

Еще в начале пути Джуд рассказал Джорджии, как собаки набросились на Крэдока.

– Мне кажется, призрак и сам не знал, что Ангус и Бонни представляют для него серьезную опасность. Но все же он видел в них некую угрозу. Он хотел напугать нас и вынудить поскорее уехать из дома и от собак, пока мы не догадались, что их можно использовать против него.

При этих словах Джорджия развернулась в кресле к овчаркам на заднем сиденье. Потрепала Ангуса за ушами, потерлась носом о морду Бон.

– И кто же тут мои героические собачки? Кто это, а? Да, это вы, мои смелые, мои храбрые, это вы! – И прочее, и прочее, так что вскоре у Джуда голова шла кругом от ее болтовни.

Джорджия вышла из офиса мотеля, поигрывая ключом. Махнув Джуду рукой, она повернулась и пошла за угол.

Он поехал за ней и припарковался перед бежевой дверью, одной из многих бежевых дверей в дальней части мотеля.

Джорджия вошла в номер вместе с Ангусом, а Джуд повел Бон на прогулку по зарослям колючего кустарника вдоль стоянки. Вернувшись, он оставил Бон с Джорджией и выгулял Ангуса. Он считал, что ни он, ни Джорджия не должны разлучаться с собаками надолго.

Лес, что рос позади мотеля «Дэйсинн», отличался от леса вокруг его загородного дома в Пайклифе, штат Нью-Йорк. Деревья были ярко выраженного южного типа, пахло сладковатой гнилью, сырым мхом и красной глиной, серой и сточными канавами, орхидеями и моторным маслом. Атмосфера была иной, воздух – плотнее, теплее, липкий от влажности. Как подмышка. Как Мурс-Корнер, где Джуд вырос. Ангус гонялся за светлячками, горевшими во мху то тут, то там бисеринками зеленого света.

Джуд вернулся в номер. Сегодня на переезд через штат Делавер у них ушло не больше десяти минут, причем он еще успел остановиться на заправке и даже вспомнил, что надо купить еды собакам. Он тогда схватил в магазинчике полдюжины банок с кормом. Пока Джорджия принимала душ, Джуд вытащил один из ящиков комода, открыл две банки с кормом, вывалил их содержимое в ящик и поставил его на пол перед овчарками. Собаки

припали к еде, и комната наполнилась громким чавканьем, сопением и шумными вдохами.

Из ванной вышла Джорджия. Она остановилась у двери в застиранных белых трусиках и майке на лямках, не доходившей до пупка. Все признаки принадлежности к готам, кроме черного лака на ногтях ног, были смыты и стерты. Правую ладонь скрывали свежие бинты. Джорджия посмотрела на псов, наморщила нос, одновременно забавляясь и испытывая отвращение.

– Фу, какие мы неряхи. Если хозяева узнают, что мы кормим собак из их мебели, нас сюда больше никогда не пустят.

Она сказала это с сильным акцентом, очевидно желая повеселить Джуда. Весь день она то глотала окончания и растягивала гласные, то говорила в обычной манере – иногда для смеха, а иногда, как думал Джуд, безотчетно. Как будто она оставила в Нью-Йорке свою «городскую» личность, а взамен к ней сами собой вернулись прежние голос и поведение. Она снова была голенастой девчонкой из Джорджии, больше всего на свете любившей купаться голышом вместе с мальчишками.

– Видывал я людей, и не такое вытворявших в гостиничных номерах, – сказал Джуд. Он вдруг тоже заговорил с акцентом, давно исчезнувшим из его речи. Если так пойдет и дальше, скоро его будут принимать за деревенского дурачка. Да, когда возвращаешься в родные места, в тебе невольно просыпаются черты того человека, каким ты был когда-то.

– Мой басист Диззи однажды наслал в такой же ящик. Ему было невтерпех, а я как раз занял туалет.

Джорджия рассмеялась, хотя Джуд заметил, что она посматривает на него с тревогой – наверное, гадает, о чем он думает. Ведь Диззи умер. СПИД. Джером, что играл на гитаре, на клавишных и на всем, что могло потребоваться, тоже умер: съехал с дороги на скорости девяносто миль в час. Его «порше» перевернулся шесть раз и только потом взорвался. О том, что это не несчастный случай по причине пьянства за рулем, а целенаправленное действие, знали лишь несколько человек.

Почти сразу после смерти Джерома Кении заявил, что пора завязывать, что он хочет наконец-то заняться семьей. Кенни устал от штанов из черной кожи, от проколотых сосков, от пиротехники и гостиниц. И тогда группе пришел конец. Джуд начал сольную карьеру.

А может, никакой сольной карьеры тоже не было. В его домашней студии лежат тридцать новых песен. Но это частная коллекция, не более того. Выступать на публике он не собирался. Ничего нового он уже не получит. Как говорил Курт Кобейн? Куплет – припев – куплет. Снова и снова. Джуд потерял всякий интерес. СПИД забрал Диззи, дорога забрала Джерома. Джуда больше не волновала музыка.

У него не укладывалось в голове, почему все так сложилось. Звездой был он. Группа называлась его именем. Это ему нужно было трагически погибнуть в расцвете лет, а Джером и Диззи продолжали бы жить дальше, чтобы годы спустя они – толстые, лысые, ухоженные, довольные своим богатством и своим грубым шумным прошлым – могли рассказывать о нем в телепередачах и мемуарах. Хотя надо заметить, что Джуд никогда не любил следовать сценариям.

Джуд и Джорджия перекусили бутербродами, купленными в том же магазине, что и собачий корм. По вкусу бутерброды сильно напоминали полиэтилен, в который были завернуты.

По телевизору показывали концерт группы «Май кемикал романс». Губы и брови у музыкантов были проколоты, на голове сооружены шипы из волос, но из-под маски белого грима и черной помады выглядывали пухлые дети, пару лет назад игравшие в школьном оркестре. Они прыгали по сцене и падали друг на друга, словно на раскаленной плите. Джуду они понравились. «Кто из них умрет первым?» – подумалось ему.

Потом, когда Джорджия погасила свет, они молча лежали в темноте. Собаки устроились рядом на полу.

– Вряд ли это помогло, – произнесла вдруг Джорджия. – Ну, то, что я сожгла костюм. – Акцент исчез из ее речи.

– Но мысль была правильная.

– Нет, неправильная. – Она помолчала и спросила: – Это он заставил меня?

Джуд промолчал.

– А если мы так и не придумаем, как избавиться от него? – тихо проговорила она.

– Привыкай к запаху собачьего корма. – Джорджия рассмеялась, щекоча дыханием его горло. Она поинтересовалась:

– А зачем мы едем туда, куда едем?

– Мы едем к женщине, которая прислала мне костюм. Надо заставить ее рассказать, как прогнать привидение.

На трассе гудели машины. Стрекотали цикады.

– Ты собираешься применить силу?

– Не знаю. Может быть. Как твоя рука?

– Лучше, – ответила она. – А твоя?

– Лучше.

Он лгал и был почти уверен, что девушка тоже говорит неправду. Она удалилась в ванную перебинтовывать руку почти сразу же, как вошла в номер.

После нее Джуд зашел туда, чтобы наложить новую повязку на свою рану, и увидел в мусорной корзине бинты Джорджии. Он склонился, разглядывая скомканные петли марли. От них пахло болезнью и антисептиком. Бурые пятна крови чередовались на них с какой-то желтой коркой, должно быть – засохшим гноем.

Сняв повязку с ладони, Джуд понял, что ему, скорее всего, придется зашивать рану. Утром, перед тем как покинуть ферму, он вытащил из домашней аптечки набор первой помощи и кое-как склеил порез стерильными салфетками, затем замотал сверху бинтами. Но в течение дня рана не затянулась, и к вечеру повязка насквозь пропиталась кровью. Под мокрыми салфетками красным влажным глазом зияла дыра взрезанной плоти.

– Та девушка... которая вскрыла себе вены... – неуверенно начала Джорджия. – Та девушка... из-за которой все...

– Анна Макдермотт. – Теперь он назвал настоящее имя Флориды.

– Анна, – повторила Джорджия. – Ты знаешь, почему она так поступила? Из-за того, что ты прогнал ее?

– Ее сестра думает именно так. И, насколько я могу судить, с ней согласен ее отчим. Вот отчего он преследует нас.

– Этот призрак... он способен заставить человека сделать то, что ему угодно, да? Например, сжечь костюм. Или повеситься, как Дэнни.

По дороге он рассказал ей про Дэнни. Джорджия выслушала и отвернулась лицом к стеклу. По тихим всхлипам и судорожным вздохам он догадался, что она плачет. Некоторое время спустя всхлипы сменились глубоким ровным дыханием – она заснула. Больше они не упоминали имени Дэнни.

Джуд продолжил:

– Покойный отчим Анны научился гипнозу в армии, когда они пытали пленных вьетнамцев. Вернувшись, он продолжал этим заниматься. Называл себя менталистом.

Он вводил людей в гипнотический транс с помощью маятника – серебряной бритвы, подвешенной на золотой цепочке. Теперь, когда он умер, маятник ему больше не нужен. Если он приказывает тебе сделать что-то, послушаться невозможно. Ты словно наблюдаешь со стороны, как твое тело движется по его команде. А ты и не чувствуешь ничего. Будто твое тело – это костюм, который носит он, а не ты. – «Костюм покойника», – подумал Джуд, похолодев от неожиданной точности своих слов. – О старике я знаю очень мало. Анна не любила про него рассказывать. Одно время она работала хиромантом и говорила, что читать по ладони ее научил отчим. Он интересовался малоизученными возможностями человеческого сознания. Например, по выходным он подрабатывал лозоходством.

– Это когда люди ищут воду с помощью веточек?! Однажды моя бабушка наняла какого-то деда с полным ртом золотых зубов, чтобы он нашел ей новый источник когда

старый колодец пересох. У того дядьки был ореховый прут.

– Старый Крэддок обходился без прутьев. Ему хватало этой бритвы на цепочке. Должно быть, маятники действуют как лоза. Короче, Джессика Макдермотт – та ненормальная сука, что послала мне костюм, – сказала по телефону, что ее отчим обещал отомстить мне после своей смерти. Значит, старик считал, что сможет вернуться мир живых. Другими словами, он – не обычное привидение, если можно так выразиться. У него есть цель.

Где-то далеко тявкнула собака. Бон подняла голову, задумчиво посмотрела на входную дверь, затем снова положила морду на передние лапы.

– Она была красивая? – спросила Джорджия.

– Анна? Ну да. Тебя волнует, какой она была в постели?

– Я просто спросила. И тебе абсолютно не нужно вдаваться в подробности.

– Ну, так не задавай вопросов, если ответы тебе могут не понравиться. И заметь, я никогда не спрашиваю про твоих бывших.

– Про моих бывших? Блин, Джуд, так вот как ты обо мне думаешь? Моя нынешняя, которая скоро станет бывшей?

– Господи. Опять началось.

– Я не из любопытства спрашивала. Я просто пытаюсь разобраться.

– Интересно, при чем тут ее красота? Разве это поможет нам выпутаться из этой истории с призраком?

Джорджия натянула простыню до подбородка и вызывающе уставилась на Джуда.

– Значит, она была Флоридой, а я – Джорджия. Какие еще штаты посетил твой член?

– Понятия не имею. Забыл отметить на карте флажками. А тебе приспичило узнать точную цифру? Кстати, раз уж мы заговорили об этом, почему ты ограничиваешься штатами? Я был в тринадцати мировых турне и пенис всегда брал с собой.

– Гребаная задница.

Он усмехнулся в бороду:

– Понимаю, для твоей невинной души это оказалось тяжелым шоком. Вот еще одна новость: у меня есть прошлое. Длинной в пятьдесят четыре года.

– Ты любил ее?

– Да оставь ты ее в покое, Джорджия!

– Это важно, как ты не понимаешь!

– Не понимаю!

Джорджия молча смотрела на него.

Он сел в подушках, прислонившись к спинке кровати:

– Любил. Недели три.

– А она тебя любила? – Он кивнул.

– Она писала тебе? После того, как ты отправил ее домой?

– Угу.

– Злые письма?

Он задумался и ответил не сразу.

– Да ты хотя бы читал их, дерьмо бесчувственное?

Она снова заговорила с сельским южным акцентом.

В пылу эмоций она забылась и перестала себя контролировать. А может, подумал Джуд, не забылась, а наоборот – вспомнила, кто она и откуда.

– Читал, – сказал он. – Я как раз хотел найти их и перечитать, когда началась вся эта чертовщина. Как жаль, что Дэнни не успел найти письма. Джуд любил Анну, жил с ней, каждый день разговаривал, но теперь ему стало ясно, что он почти ничего не знал о ней. Не знал о том, как она жила до встречи с ним – и после.

– Все, что случилось с тобой, ты заслужил, – заявила Джорджия и отвернулась от него, легла на другой бок. – Мы оба заслужили.

Он сказал:

– Ее письма не казались злыми. Иногда в них было слишком много эмоций. А иногда,

напротив, так мало, что становилось страшно. В последнем послании она написала, что ей хочется поговорить о чем-то, о каких-то секретах, которые она устала хранить в себе. Она писала, что больше не вынесет такой усталости. Я должен был понять, что это предупреждение. Она частенько говорил подобные вещи, но никогда... В общем, я уже рассказывал тебе, что у нее имелись проблемы. Она была несчастна.

– Но ты думаешь, она все еще любила тебя? Даже после того, как ты выкинул ее вон?

– Я не... – Он остановился, сделал глубокий вдох, шумом выдохнул. Не стоит ввязываться в перепалку. – Думаю, да. Любила.

Джорджия долго молчала, лежа к Джуду спиной. Он изучал изгиб ее плеча. Наконец она произнесла:

– Мне ее жаль. Это нелегко.

– Что?

– Любить тебя. Со многими парнями я чувствовала себя погано, но ты, Джуд, не такой, как все. Другим на меня было, в общем-то, наплевать, а тебе – нет, но при этом я все равно чувствую себя мелкой грязной шлюхой, которую ты снял на время.

Она говорила просто, спокойно, не глядя на него.

От ее слов у Джуда перехватило дыхание, ему захотелось извиниться, но он смутился. Он очень давно не извинялся и забыл, как это делается. Она ждала его ответа и, не дождавшись, укрылась плотнее одеялом. Джуд закинул руки за голову.

– Завтра поедем через Джорджию, – сказала Джорджия, по-прежнему не оборачиваясь. – Хочу заехать к бабушке.

– К бабушке, – повторил Джуд, как будто сомневаясь, что правильно расслышал.

– Бэмми – самый дорогой мне человек. Однажды она набрала триста очков в боулинге.

– Джорджия сказала это так, будто второе логически следовало из первого. Возможно, так оно и было.

– Ты не забыла, что у нас небольшая проблема?

– Да, что-то припоминаю.

– Так, может, сейчас не лучшее время навещать родственников?

– Мне надо поговорить с ней.

– Ну, давай заедем к ней на обратном пути. У вас будет время посидеть и вспомнить прошлое. И сыграть пару партий в боулинг.

Джорджия ответила не сразу:

– Нет, заехать надо завтра. Я давно хотела. Ведь не известно, поедем ли мы обратно.

Джуд теребил бороду в темноте, глядя на ее силуэт под одеялом. Очень жалко тратить драгоценное время, но он чувствовал, что должен уступить Джорджии – тогда она будет меньше сердиться на него. И если Джорджия хочет увидеться с человеком, которого любит, не надо это откладывать. Сейчас Джуду казалось неразумным оставлять важные вещи на потом.

– У нее в холодильнике есть лимонад?

– Обязательно. Всегда свежий.

– Ладно, – сдался Джуд. – Давай заедем к твоей бабушке. Но ненадолго, хорошо? Если не задержимся, завтра в это время уже будем во Флориде.

Одна из овчарок вздохнула во сне. Джорджия с вечера открыла окно, чтобы выветрился запах собачьего корма. Окно выходило в центральный двор мотеля. Легкий сквозняк приносил от забора из металлической сетки запах ржавчины, а от пустого в это время года бассейна – слабый запах хлорки.

– Кроме того, раньше у меня была доска для гаданий. Хочу поискать ее у бабушки, может, завалилась где-нибудь в моей комнате.

– Я тебе уже говорил: я не хочу разговаривать с Крэдкоком. Он и так мне все сказал.

– Да нет же, – нетерпеливо перебила Джорджия. – Никто не просит тебя разговаривать с Крэдкоком.

– Тогда зачем тебе доска?

– Надо попробовать найти Анну, – ответила Джорджия. – Ты сказал, что она любила тебя. Может быть она знает, как помочь нам. Вдруг она сумеет отозвать привидение.

– А-а, озеро Понтчартрэйн! Я выросла недалеко от него. Родители возили нас туда. Мой отчим удил на озере рыбу. Не помню, правда, много ли и какую. А ты часто рыбачил на озере Понтчартрэйн?

Она всегда доставала его своими вопросами. Он так и не понял, слушает ли она его ответы или просто придумывает следующий вопрос, пока он говорит.

– Ты любишь рыбачить? Тебе нравится сырая рыба? Суши, например? Я суши терпеть не могу, разве что когда выпью, а потом я бываю в настроении. Отвращение маскирует влечение. Сколько раз ты бывал в Токио? Говорят, еда там ужасная – сырые моллюски, сырые медузы. Все сырое. Эти японцы не знают, что такое огонь? У тебя когда-нибудь было серьезное пищевое отравление? Думаю, было. Ты же все время в поездках. А как тебя сильнее всего тошнило? Тебя когда-нибудь рвало через нос? Да? Это самое противное. Так ты часто рыбачил на озере Понтчартрэйн? Тебя отец брал на рыбалку? Понтчартрэйн. Озеро Понтчартрэйн. Красивое название, правда? Ты знаешь, какой самый романтичный звук в мире? Дождь на тихом озере. Прекрасный весенний дождь. Когда я была маленькой, я прямо в транс впадала, когда смотрела из окна на дождь. Отчим говорил, что не встречал никого, кто так легко впадает в транс. Каким ты был в детстве? Когда ты решил сменить имя? Может, мне тоже сменить имя? Придумай мне новое имя. Я хочу, чтобы ты звал меня так, как тебе хочется.

– Я именно так и делаю, – ответил тогда Джуд.

– Точно. Здорово. Значит, отныне мое имя – Флорида. Анна Макдермотт умерла. Это мертвая девушка, нет. Она мне все равно никогда не нравилась. Лучше буду Флоридой. Ты скучаешь по Луизиане? Забавно, мы жили всего в четырех часах лета друг от друга. Наши пути могли пересечься и раньше. По-твоему, возможно ли, чтобы мы с тобой уже были в одной и той же комнате, одно и то же время, только забыли об этом? Вряд ли, да ты ведь уехал из Луизианы еще до моего рождения.

Джуд не знал, нравилась ему привычка Анны сыпать вопросами или раздражала. Наверное, то и другое.

– Ты когда-нибудь заткнешься? – спросил он ее вновь, когда они впервые переспали. Пробило два, и она допрашивала его уже целый час. – Наверное, ты была таким ребенком, от каких мамы с ума сходят. «Почему небо голубое? Почему Земля не падает на Солнце? Что случается с людьми после смерти?»

– Как ты думаешь, что случается с людьми после смерти? – тут же спросила Анна. – Ты когда-нибудь видел призраков? Мой отчим видел, и не раз. Даже разговаривала с ними. Он был во Вьетнаме. Говорит, там везде кишат привидения.

Она уже рассказала, что ее отчим был гипнотизером и лозоходцем, что ее старшая сестра занималась гипнозом вместе с ним и что они жили в Тестаменте, штат Флорида. Вот и все, что Джуд узнал о ее семье. Он не стремился узнать больше – ни тогда, ни позднее. Ее устраивало то, что она поведала сама. Анну он встретил три дня назад в Нью-Йорке. Он приехал в столицу штата записывать вместе с Трентом Резнором саундтрек к фильму. Легкие деньги. Потом он задержался, чтоб посмотреть шоу Трента в «Роузленде». За кулисами на глаза ему попала Анна – миниатюрная, с фиолетовой помадой на губах, в кожаных штанах, поскрипывавших при ходьбе, с редкими среди готов светлыми волосами. Она поинтересовалась, не хочет ли Джуд перекусить, а когда он согласился, принесла бутерброд и спросила:

– А не трудно есть с такой бородой? Еда в волосах не путается? – Она засыпала его вопросами, еще не успев толком познакомиться. – Вот как ты думаешь, почему байкеры и многие другие парни носят бороды? Чтобы грозно выглядеть? А ведь в драке борода помешает, тебе не кажется?

– Ну, и как же она помешает? – спросил Джуд. Она схватила его за бороду и потянула.

Он дернулся вниз вслед за бородой. От рвущей боли во всей нижней половине лица он чуть не закричал и стиснул зубы, сдерживая гневный вопль. Девушка отпустила его и продолжила:

– Если мне придется драться с бородатым мужиком, то первым делом я схвачу его за бороду. А с ребятами из «Зи-Зи-топ» даже я, такая маленькая, справилась бы, разом с тремя. Конечно, они попались, им теперь бриться просто нельзя: без бороды их никто и не узнает. У тебя, наверное, та же проблема. Ты – это твоя борода. В детстве я смотрела твои концерты на видео, а потом из-за этой бороды мне снились кошмары. О, идея! Если сбрить бороду, ты станешь совершенно неузнаваем. Тебе это никогда не приходило в голову? Мгновенно избавишься от гнета популярности. Плюс преимущество в драке. Вот тебе причины побриться.

– Моя борода дает мне преимущество в отношении секса, – парировал Джуд. – Моя борода снилась тебе в страшных снах, но твое счастье, что ты не видела меня без нее. Ты вообще бы не смогла спать.

– Значит, это маскировка. Ты скрываешь свое лицо. Как и имя.

– При чем тут мое имя?

– Оно не настоящее. Джудас Койн. Это псевдоним. – Она наклонилась к нему. – Судя по этому имени, ты из семьи христианских фанатиков, не иначе. Мой отчим говорит, что Библия – это чушь. Он рос в среде пятидесятников, но сам стал спиритуалистом и нас воспитал так же. У него есть маятник: он раскачивает им перед тобой, задает вопросы. По тому, как маятник раскачивается, отчим может сказать, врешь ты или нет. А еще с помощью маятника он умеет определять ауру. Моя аура – черна как грех. А твоя? Хочешь, я погадаю тебе по руке? Хиромантия – это очень легко. Самый простой фокус.

Она смотрела на его руку трижды. В первый раз она села перед ним на колени, обнаженная, среди подушек и смятых простынь. В углублении между ее грудями поблескивали капельки пота. Она разругалась и еще не отдышалась после их игр в постели. Анна взяла его ладонь, провела по ней кончиками пальцев, внимательно рассмотрела.

– Только взгляни на эту линию жизни, – сказала она. – Все не кончается и не кончается. Наверное, ты будешь жить вечно. Лично я не хотела бы жить вечно. Интересно, во сколько лет человек становится слишком старым? А может быть, такая линия жизни предсказывает тебе бессмертие в метафорическом смысле. То есть музыка твоя будет жить в веках, как говорят в подобных случаях. Хиромантия – наука не точная.

А потом, когда он закончил ремонтировать «мустанг» они поехали кататься в холмы над Гудзоном. Они добрались до лодочной станции, поставили машину у самого берега и стали смотреть на воду, пестрящую алмазными блестками под высоким бледно-голубым небом. Вдоль горизонта, в тысячах футов над землей, громоздились пухлые белые облака. Вообще-то Джуд намеревался отвезти Анну на прием к психиатру (Дэнни договорился), но она уговорила его не делать этого. Сказала, что такой чудесный день жаль тратить на бесполезные разговоры с врачом.

Они сидели в машине, опутив окна и приглушив звук радио. Анна взяла его руку. Она была в хорошем настроении, что случилось все реже и реже.

– После меня ты полюбишь снова, – сказала она. – У тебя будет шанс найти счастье. Не знаю, воспользуешься ли ты им. Что-то мне подсказывает, что нет. Почему ты не хочешь быть счастливым?

– Что значит «после тебя»? – спросил он. Потом ответил на ее вопрос: – Я счастлив.

– Нет, не счастлив. Ты все еще злишься.

– На кого?

– На себя, – сказала она таким тоном, будто это было совершенно очевидно. – Ты злишься на себя за то, что умерли Диззи и Джером. Хотя никто не мог их спасти от них самих. И ты все еще злишься на своего отца. За то, что он сделал с твоей матерью. И с твоей рукой.

Последняя фраза прозвучала для Джуда как гром с ясного неба.

– О чем ты говоришь? Откуда ты знаешь, что он сделал с моей рукой?

Она подняла взгляд на его лицо: веселый, хитрый взгляд.

– Я же прямо сейчас смотрю на твою руку, – сказала она, водя пальцем по шрамам на тыльной стороне его ладони. – Здесь не нужно быть ясновидящим или гением. Достаточно иметь чувствительные пальцы. Места, где кости были повреждены, легко прощупываются. Чем он раздавил тебе руку? Молотком? Кстати, кости срослись неправильно.

– Дверью в подвал. Я однажды уехал на выходные в Новый Орлеан, там проходило нечто вроде соревнования между группами. Мне было пятнадцать лет. Деньги на автобус – сто баксов – я стащил из дома. Подумал, что это не воровство, потому что мы обязательно победим и получим приз в пятьсот долларов, и тогда я верну все, что взял, да еще и с процентами.

– Ну и как?

– Третье место. Мы получили по футболке, – ответил Джуд. – Когда я вернулся домой, он отволок меня к двери и придавил ею мою левую руку. Которой я брал аккорды.

Она нахмурилась, что-то вспоминая, потом озадаченно глянула на него.

– Мне казалось, ты берешь аккорды правой.

– Теперь да. Она смотрела на него во все глаза.

– Ну, я приспособился брать их правой рукой, пока левая заживала, а потом не стал переучиваться обратно.

– Было трудно?

– Как сказать. Я не знал наверняка, заживет ли левая рука настолько, чтобы я снова смог брать ею аккорды. Выбор был простой: либо учиться играть правой, ли забыть о гитаре. А забыть о гитаре гораздо труднее.

– А где была твоя мама, когда это случилось?

– Не помню.

Ложь. На самом деле он не мог забыть, где была его мать. Она сидела за столом, когда отец схватил его и протащил через кухню к подвалу. Джуд закричал, стал звать ее на помощь, но она молча встала, зажала уши рукам и ушла в комнатку для шитья. В глубине души он не мог винить мать за то, что она не вмешалась. Он уже давно играл с огнем, и в тот раз дело было не только в ста долларах.

– Все в прошлом. Поменяв руки, я стал играть еще лучше. Но в первый месяц я извлекал из гитары нечто невообразимое, пока мне не объяснили, что надо заново настроить гитару. Потом дело быстро пошло на лад.

– И ты доказал кое-что отцу, верно? – Он ничего не ответил. Анна снова всмотрелась в его ладонь, сжала пальцами запястье.

– Ваши пути пересекутся. Ты увидишь его еще раз. Своего отца.

– Никогда. Я не видел его тридцать лет. Его больше нет в моей жизни.

– Еще как есть. Он присутствует в каждом дне твоей жизни.

– Забавно. Вроде бы сегодня мы отменили прием у психиатра.

Анна, не обращая внимания на его последние слова, вглядывалась в его руку.

– У тебя пять линий удачи. Ты удачливее кошки, Джуд Койн. Вероятно, мироздание расплачивается с тобой за то, что сделал тебе отец. Пять линий удачи. Тебе будет везти всю жизнь, до конца дней ты не истратишь своего счастья. – Она отпустила его руку. – Эта борода, кожаная куртка, большие черные сапоги, большая черная машина. Кто прячется за всем этим? Тот, кого очень сильно и несправедливо обидели.

– Кто бы говорил, – сказал Джуд. – У тебя осталась хоть одна часть тела, куда ты не воткнула булавку или сережку? – У нее были проколоты уши, язык, один сосок, половая губа. – Ты-то кого хочешь отпугнуть?

Последний раз Анна гадала ему по руке за несколько дней до того, как Джуд собрал ее вещи и отослал домой. Однажды ранним вечером он увидел из окна кухни, что она идет к гаражу под холодным февральским дождем, одетая лишь в черную майку и черные трусики. Ее голое тело пугало своей бледностью. Когда он ее догнал, девушка забралась в собачью

будку – крытую часть загона, что находилась внутри гаража. Там Ангус и Бон прятались от непогоды. Она сидела на земле, перепачканная в грязи. Неподалеку, тревожно поглядывая на Анну, сустились собаки.

Джуд на четвереньках пробрался в будку. Он злился на Анну, за последние два месяца она до смерти утомила его. Он устал говорить с ней, устал слышать равнодушные односложные ответы, устал от ее смеха и слез без причины. Любовью они давно уже не занимались. Сама мысль об этом стала ему противна. Анна не умывалась, не одевалась, не чистила зубы. Ее светлые волосы медового оттенка превратились в крысиное гнездо. Когда пару раз они пытались заняться сексом, странные нездоровые просьбы Анны отбивали у Джуда всякое желание. Вообще-то он всегда был готов приправить традиционный секс забавами поострее: он связывал девушку, когда она не возражала, щипал соски Анны, переворачивал ее и вставлял ей в зад. Но теперь ей было этого мало. Она хотела, чтобы Джуд надел ей на голову полиэтиленовый пакет, чтобы он порезал ее.

В будке Анна села на корточки, держа в одной руке иглу, и целеустремленно, сосредоточенно колола большой палец другой руки. На подушечке пальца выступали крупные капли крови, яркие, как драгоценные камни.

– Какого черта ты делаешь? – воскликнул Джуд, безуспешно пытаясь скрыть гнев. Он схватил ее за руку, чтобы она перестала ранить себя. Анна уронила иглу в грязь, потом свободной рукой разжала его ладонь, развернул к себе и склонилась, разглядывая линии. Ее глаза, окруженные темными кругами, лихорадочно блестели. Она спала не больше трех часов в сутки.

– Твое время истекает так же быстро, как и мое. – Я принесу тебе больше пользы, если меня не станет. Меня уже нет. У нас нет будущего. Кто-то собирается причинить тебе боль. Кто-то хочет лишить тебя всего. – Она подняла глаза, чтобы посмотреть ему в лицо. – Ты не в силах противостоять ему. Ты будешь бороться, но победить не сможешь. Тебе не выиграть. Все хорошее, что есть, в твоей жизни, скоро закончится.

Ангус жалобно заскулил и втиснулся между ними, зарылся носом у Анны между ног. Она улыбнулась – первая улыбка за целый месяц – и почесала овчарке за ухом.

– Зато у тебя есть собаки, – сказала она.

Джуд высвободился из ее рук, обхватил за плечи, поставил на ноги.

– Я не верю тому, что ты сейчас наговорила. Ты уже трижды предсказывала мое будущее, и каждый раз выходило по-другому.

– Я знаю, – согласилась она. – И все-таки эти три гадания верны.

– Зачем ты колола себя иглой? Для чего?

– Я так делаю с самого детства. Два-три укола, и плохие мысли уходят, голова проясняется. Это как ущипнуть себя во сне. Понимаешь? Боль пробуждает. Или напоминает о том, кто ты такой.

Джуд понимал.

Анна подумала секунду и добавила:

– Хотя в последнее время мне это не помогает.

Джуд вывел ее из загона. Она снова заговорила.

– Не знаю, зачем я сюда пришла. Да еще в одном белье.

– Мне тоже хотелось бы понять это.

– Ты когда-нибудь встречался с такой ненормальной, как я? Джуд, ты меня ненавидишь? У тебя было много девушек. Скажи мне честно – я хуже всех? Был кто-нибудь хуже?

– Почему ты все время задаешь эти дурацкие вопросы? – спросил он.

Они шли через двор в дом. Дождь не закончился, и Джуд распахнул свой плащ, накрыл им тонкое дрожащее тело Анны и прижал ее к себе.

– Лучше я буду спрашивать, чем отвечать, – сказала она.

Джуд проснулся в начале десятого. В голове у него звучала мелодия, отдаленно напоминающая старинный религиозный гимн южных штатов. Он столкнул Бон с кровати –

ночью собака потихоньку перебралась с пола к ним, и откинул одеяло. Сидя на краю матраса, Джуд снова и снова проигрывал в уме мелодию. Он старался вспомнить, где слышал эту песню, как она называется, какие в ней слова. Однако, как ни старался, ничего не вспомнил, да и не мог вспомнить: такой мелодии раньше не существовало, он только что сочинил ее. У нее нет названия пока он не придумает его.

Джуд поднялся, пересек комнату и в трусах вышел улицу, на бетонную дорожку. Открыв багажник «мустанга», он вытащил оттуда издававший виды гитарный фут с «Лес Пол» шестьдесят восьмого года и вернулся с ним в номер.

Джорджия не шевельнулась. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, высунув из-под одеяла снежно-белую руку. Уже много лет он не встречался с загорелыми девушками. Если ты гот, ты ведешь себя так, словно прямые солнечные лучи грозят спалить тебя заживо.

Он прошел в туалет. Ангус и Бон уже проснулись и бродили за ним по пятам, поэтому он шикнул на них, приказав оставаться в комнате. Они улеглись под дверь! С выражением незаслуженной обиды на мордах. По-видимому, они считали, что Джуд любит их недостаточно.

Джуд не был уверен, сможет ли играть, когда его левая рука поранена. Обычно он перебирал ею струны, а правой брал аккорды. Он вынул «Лес Пол» из футляра и стал настраивать. Когда он провел медиатором по струнам, в центре ладони вспыхнула боль – не сильная, терпимая.

Ощущение такое, будто в мякоти ладони сидит и медленно нагревается стальная проволока. Это ничего, решил Джуд. Настроив гитару, он подобрал аккорды и стал воспроизводить мелодию, с которой проснулся. Без усилителя инструмент звучал плоско и тихо, каждый аккорд сопровождался скрежещущим звуком. Мелодия сильно напоминала традиционную песню из глубинки, нечто подобное встречаешь на ретроспективном сборнике фольклорной музыки, изданном Библиотекой Конгресса. Называться она могла бы «Собираюсь копать себе могилу», «Иисус правит своей колесницей» или «Выпьем за дьявола». – «Выпьем за мертвых», – решил Джуд. Он отложил гитару и вернулся в спальню. На тумбочке лежал маленький блокнот и шариковая ручка. С ними он опять скрылся в туалете и записал: «Выпьем за мертвых». Теперь у песни появилось название. Он взял гитару и еще раз проиграл мелодию.

От этих звуков – евангелических, древних – по рукам и шее Джуда пробежала дрожь удовольствия. Многие из его песен, появившись на свет, походили на старые мелодии. Они приходили к его порогу, как блуждающие сироты, потерянные дети больших и почтенных музыкальных фамилий. Они являлись к нему в виде напевов тин-пэн-элли, блюзов хонки-тонка, жалоб вроде «Dust Bowl», забытых импровизаций Чака Берри. Джуд наряжал их в черное и учил кричать.

Сейчас ему не хватало магнитофона, он хотел бы немедленно зафиксировать на пленке то, что у него получилось. Пришлось удовлетвориться записью аккордов в блокнот. Он опять взял в руки «Лес Пол» и сыграл отрывок, потом повторил еще раз. Он пытался понять, куда его приведет такое начало. Через двадцать минут на повязке появились пятна крови, но он уже проработал припев, который естественным образом развился из первоначальной идеи, – мощный, грозный припев, нарастающие от шепота до рева. Акт насилия по отношению к красоте и деликатности начальных тактов.

– Чье это? – В дверях туалета появилась Джорджия. Она еще не совсем проснулась, терла кулаками глаза.

– Мое.

– Мне нравится.

– Ничего. Если гитару включить, будет лучше. – Мягкие черные волосы Джорджии спутались и пыльным облаком рассыпались по плечам, темные круги под глазами придавали ее взгляду глубину. Она сонно улыбнулась Джуду. Он улыбнулся в ответ.

– Джуд, – протянула она с почти невыносимой эротической нежностью.

– Что?

– Ты сегодня вытатишь свою задницу из туалета? Я описаюсь.

Когда за ней закрылась дверь, он положил футляр с гитарой на кровать и постоял в полумраке комнаты, прислушиваясь к приглушенным звукам внешнего мира по ту сторону задернутых штор: по трассе проносились машины, хлопали двери, в одном из соседних номеров гудел пылесос. Внезапно Джуд осознал, что привидения нет.

С тех самых пор, как в его доме появилась черная коробочка в форме сердца с костюмом внутри, он постоянно ощущал, что покойник бродит рядом с ним. Даже не видя его, Джуд чувствовал присутствие призрака – как атмосферное давление, как наэлектризованный плотный воздух перед грозой. Все это время он жил в напряженном ожидании, на грани срыва, отчего еда потеряла вкус и сон никак не шел. А теперь этого не было. Напряжение спало. Записывая новую песню, он вообще забыл о привидении, и привидение тоже забыло о нем или, по крайней мере, не лезло ему в мозг и на глаза.

Джуд неторопливо выгулял Ангуса. Одетый лишь в шорты и футболку, он с удовольствием подставлял тело солнечным лучам. Запах утра – выхлопные газы над И-95, цветущий кустарник, горячий асфальт – будоражил его кровь, звал в путь, вперед. Джуд хорошо себя чувствовал – забытое ощущение. Возможно, он немного возбужден; возможно, так на него подействовали растрепанные волосы Джорджии, ее припухшие после сна глаза и стройные белые ноги. Он проголодался и с воодушевлением мечтал о яичнице и жареной курице. Ангус гонял лягушку в высокой траве, потом постоял на краю леса, заливаясь счастливым лаем. Джуд вернулся в номер, чтобы вести на прогулку, заждавшуюся своей очереди Бон, но отвлекся, услышав шум воды в ванной.

Он вошел туда. Маленькое помещение заполнял белый пар, там было жарко и душно. Джуд разделся, скользнул за пластиковую занавеску и забрался в ванну.

От его прикосновения Джорджия испуганно дернулась и обернулась. На левом плече у нее была вытатуирована черная бабочка, а на бедре – черное сердце. Она развернулась к нему лицом, и он положил руку на это сердечко.

Джорджия прижалась к нему влажным гибким телом, и они поцеловались. Джуд обнял ее, прижал своим весом, и она оперлась о стену правой рукой, чтобы не упасть. И тут же резко вскрикнула от боли, отдернула руку, словно обожглась.

Джорджия попыталась спрятать руку за спину, но Джуд поймал ее запястье и смог рассмотреть правую ладонь девушки. Большой палец воспалился и покраснел, горел внутри нездоровым жаром. Ладонь вокруг основания большого пальца тоже покраснела и припухла. На подушечке пальца выделялась белая ранка, поблескивающая свежим гноем.

– Что будем делать с твоей рукой? – спросил он.

– Да все нормально. Я мажу палец антисептиком!

– Нет, не нормально. Тебя нужно срочно показать врачу.

– Я не собираюсь торчать в очереди три часа, чтоб какой-то умник сказал мне то, что я и без него знала! Я укололась булавкой.

– Мы не знаем, чем ты укололась. Не забывай, что было у тебя в руках, когда это случилось.

– Я не забываю. Просто не верю, что врач мне поможет.

– Думаешь, само заживет?

– Думаю, что со мной все будет в порядке – если мы избавимся от призрака. Как только он отстанет от нас, нам обоим станет лучше, – заявила она. – Да, рука у меня болит, но это часть того, что с нами сейчас происходит, но ты и сам это знаешь.

Он этого не знал, а лишь предполагал и был совсем не рад услышать, что его предположения совпадают с мнением Джорджии. Он задумался, утирая с лица брызги воды.

– Когда состояние Анны ухудшалось, она колола себе палец булавкой или иголкой. Как она объяснила мне, от боли ее голова прояснялась. Не знаю, может быть, здесь нет ничего плохого. Но меня беспокоит, что ты укололась так же, как она.

– Да? А меня это вовсе не волнует. Более того, мне это даже нравится.

Здоровой рукой она водила по его груди, исследовала пальцами рельеф мышц, который,

надо признать, с возрастом терял былую упругость. Кожа стала дряблой, а поверху разрослись серебристые курчавые волосы.

– Нравится?

– Ага. Это тоже объединяет меня с Анной. Ты и укол булавкой. Я ее никогда не встречала и почти ничего о ней не знаю, но мне кажется, что мы как-то связаны. И я не боюсь этого.

– Рад слышать, что такое совпадение тебя не беспокоит. А вот меня весьма беспокоит. Мне даже думать о нем неприятно.

– Ну и не думай, – посоветовала она. Потом прижалась к Джуду и засунула ему в рот свой язык, чтобы он замолчал.

Джуд отвел наконец заждавшуюся Бон на прогулку, пока Джорджия в ванной перевязывала руку и надевала свои колечки и сережки. Он знал, что на это понадобится не менее двадцати минут, поэтому остановился у машины и вынул из багажника ее ноутбук. Джорджия, наверное и не знала, что Джуд взял компьютер. Он положил его в машину автоматически, не раздумывая, поскольку Джорджия всегда возила его с собой, чтобы не терять связи с разбросанными по миру друзьями и знакомыми. Она часами сидела в сети, просматривая форумы, интернет-магазины, концертную информацию и сайты, посвященные вампирскому порно (оно было бы уморительно-смешным не будь таким мрачным). Однако когда они отправились в путь, Джуд напрочь забыл о ноутбуке, а Джорджия не спрашивала о нем, поэтому ночь он провел в машине.

Свой собственный компьютер Джуд не взял – он просто не имел его. Электронной перепиской и другими делами в Интернете занимался Дэнни. Джуд принадлежал к стремительно сокращающемуся числу людей, не захваченных вихрем эры цифровых технологий. Он не хотел «подсаживаться» на Интернет. Он много лет просидел на кокаине, и в тот период все происходило в ускоренно режиме, как бывает в кино: день за несколько секунд сменяется ночью, автомобильное движение превращается в неуловимые росчерки света, а люди становятся манекенами, судорожно носящимися во всех направлениях. Те четыре года теперь казались четырьмя дурными, безумными, бессонными днями – днями, что начались с новогоднего похмелья и заканчивались дымными рождественскими вечеринками, где толпы незнакомых людей с дикими воплями рвались потрогать его, после чего нечеловечески хохотали. Джуд больше не желал никакой зависимости.

Однажды он попытался объяснить это Дэнни – про зависимость, про убегающее сквозь пальцы время, про Интернет и наркотики. Дэнни лишь поднял одну тонкую подвижную бровь и посмотрел на Джуда с насмешливым непониманием. Дэнни не видел связи между наркотиками и компьютерами. А Джуд считал, что это практически одно и то же: люди сутками сидят перед мониторами, сгорбившись и кликая «мышкой» в поисках абсолютно бесполезной информации.

Но сейчас Джуд решил попробовать. Он перенес ноутбук в номер, подключил и вышел в сеть. Проверять почту он не стал. Если говорить честно, он и не знал толком, как это делается. В офисе Дэнни установил почтовую программу, собирающую сообщения со всех адресов Джуда, но как это сделать на чужом компьютере, Джуд понятия не имел. Все, на что он был способен без посторонней помощи, – это вбить в поисковую строку «Гугла» свой запрос. И он набрал полное имя Анны.

Ее некролог был раза в два короче некролога ее отца. Джуду хватило одного взгляда, чтобы прочитать его. Но от фотографии Анны в желудке у него образовалась сосущая пустота. Очевидно, снимок сделали незадолго до ее смерти. Она смотрела в объектив без выражения, на осунувшееся лицо упали пряди светлых волос, щеки ввалились.

Когда они были вместе, она носила колечки в бровях и по четыре серьги в каждом ухе, но на фотографии их не было, и ее слишком бледное лицо казалось еще более ранимым. Приглядевшись, Джуд нашел следы от пирсинга. Она отказалась от серебряных колец, крестов и блестящих стразов, «гвоздиков» и рыболовных крючков которыми раньше

пронзала свою плоть, чтобы выглядеть грязной, крутой, опасной, сумасшедшей и красивой. Кое-что из этого списка ей удалось. Она действительно была сумасшедшей и красивой, а еще опасной. Опасной для себя самой.

О предсмертной записке в некрологе ничего не говорилось. Не упоминалось там и о самоубийстве. Отчим пережил ее на три месяца.

Джуд вбил новый запрос: «Крэдок Макдермотт, лозоходство» – и получил полдюжины ссылок. Он нажал на первую, и перед ним открылась статья из номера «Тамг трибьюн» девятилетней давности, раздел «Стиль жизни и искусство». Первым делом Джуд посмотрел на фотографии – их было две – и замер перед монитором, не сразу смог отвести взгляд от картинки и переключить внимание па текст.

Статья называлась «В поисках покойника». Ниже жирным шрифтом шел подзаголовок: «Через двадцать лет после службы во Вьетнаме капитан Крэдок Макдермотт готов отправить на покой несколько привидений... и вызвать к жизни других».

Сначала читателя знакомили с историей Роя Хэйеса преподавателя биологии на пенсии. В возрасте шестидесяти девяти лет он научился управлять легкими самолетами и одним осенним утром 99 года поднялся на сверхлегком воздушном судне, чтобы пересечь Эверглейды¹. Целью путешествия был пересчет белых цапель для некой организации по охране окружающей среды. В 7 часе 3 минут частный аэропорт недалеко от Неаполя² получил сообщение пилота: «У меня сердечный приступ. Кружится голова. Не знаю, на какой я высоте. Прошу помощи».

Больше никаких сообщений не поступало. Поисковая партия, состоящая из тридцати морских судов и сотни людей, не обнаружила ни самого Хэйеса, ни следов его самолета. И вот три года спустя после исчезновения и предполагаемой гибели безутешная семья пошла на экстраординарный шаг: они наняли Крэдока Макдермотта, капитана американской армии в отставке, чтобы предпринять новый поиск останков Роя Хэйеса.

"Он не упал в болота, – с уверенностью заявляет Макдермотт. – Поиски велись не в том месте. Ветер отнес самолет на север. Я бы предположил, что место катастрофы находится в одной миле к югу от квадрата И-94".

Макдермотт полагает, что нужно сузить поле поисков до половины квадратной мили. Но этот результат достигнут не с помощью метеорологических данных за тот день, не благодаря последним радиосообщениям доктора Хэйеса и не вследствие изучения показаний очевидцев. Капитан Макдермотт просто поместил над крупномасштабной картой района происшествия серебряный маятник. Над заповедником "Биг сайпрес" маятник стал быстро раскачиваться, и Макдермотт объявил, что зона поисков определена.

Он поведет в болота "Биг сайпрес" частную поисковую группу, но не берет с собой ни эхолот, ни металлоискатели, ни собак-ищеек. Его план по обнаружению пропавшего доктора чрезвычайно прост – и он внушает страх: капитан в отставке намерен воззвать к самому покойному Рою Хэйесу с просьбой указать место крушения самолета».

Дальше автор статьи углублялся в историю и исследовал ранние занятия Макдермотта оккультизмом. Несколько строк посвящены причудливым и мрачным деталям его семейной жизни. Оказывается, отец Макдермотта был пятидесятником и очень любил рассуждать о вознесении Моисеем змея в пустыне; он исчез, когда сын был еще мальчиком. Дальше следовал абзац о матери Крэдока, она дважды переезжала из одного конца страны в другой – из-за того, что ей мерещился фантом «человека, шагающего задом наперед». Она считала, что это знаменует скорое несчастье. После очередного видения она и маленький Крэдок поспешно уехали из многоквартирного дома в Атланте, и через три недели дом сгорел дотла.

Потом читатель переносился в 1967 год. Макдермотта к тому времени служившего во Вьетнаме, назначили руководить допросами пленных офицеров Народной освободительной армии. Тогда он и познакомился с неким Нгуено Чунгом – хиромантом, который, как говорили, учился своему искусству у брата Хо Ши Мина и оказывал услуги

высокопоставленным чинам Вьетконга. Чтобы найти с пленником общий язык, Макдермотт попросил Чунга рассказать о его религиозных воззрениях. Последовал целый ряд необыкновенно познавательных бесед о предсказании, человеческой душе и мире мертвых. Макдермотт говорил, что эти беседы открыли ему глаза на окружающий на мир сверхъестественных сил и явлений.

«Во Вьетнаме все привидения при деле, – утверждает Макдермотт. – Нгуен Чунг научил меня видеть их. Если уметь, призраков можно заметить на каждом углу. Их глаза окрашены черным цветом, а ноги не касаются земли. В тех краях живые часто привлекают для своих целей души мертвых. Дух, не закончивший свои дела при жизни, не покидает этот мир. Он остается среди нас, пока не совершит то, что должен. И тогда я впервые осознал, что войну мы проиграем. Я увидел это на полях сражений. Когда погибали наши парни, души вылетали из их ртов, как пар из носика чайника, и уносились в небо. Когда же умирали вьетконговцы, их души оставались на земле. Мертвые продолжали сражаться».

Впоследствии Макдермотт потерял след Чунга. Что касается доктора Хэйеса, капитан был уверен: судьба ученого скоро станет известна.

«Мы найдем его, – говорит Макдермотт. – Его дух в настоящее время ничем не занят, но я дам ему задание. Мы отправимся в путь вместе – Хэйес и я. И он приведет меня прямо к телу».

Фраза в последнем абзаце – «Мы отправимся в путь вместе» – заставила Джуда похолодеть. А фотографии, сопровождавшие статью, вызвали у него куда более неприятные ощущения.

На первой Крэдок стоял у своего дымчато-голубого пикапа. Его босые приемные дочери – Анне лет двенадцать, Джессике около четырнадцати – сидели на капоте справа и слева от отчима. Джуд впервые увидел изображение сестры Анны в юности, сама же Анна уже являлась ему ребенком в том сне. Только тогда ее глаза скрывал черный шарф.

Джессика на снимке обвивала руками шею улыбающегося, угловатого отчима. Как ни странно, она очень похожа на него: такая же поджарая, высокая и крепкая, с загорелой кожей цвета меда. И все же ее белозубая широкая улыбка – может быть, слишком широкая и радостная – напоминала улыбку агента по недвижимости, которому грозит увольнение, если и эта сделка сорвется. Глаза ее тоже заставляли насторожиться: яркие и черные, как чернила, они горели необъяснимой алчностью.

Анна сидела немного в стороне от сестры и отчима. В детстве она была совсем худышкой, коленки и локти торчали в стороны, а длинные волосы доходили почти до пояса – длинный золотистый водопад. И она не улыбалась в объектив. Она смотрела в него безо всякого выражения. Ее лицо застыло, глаза не в фокусе – глаза лунатика. Джуд узнал эти глаза – насмотрелся на них в периоды, когда Анна погружалась в монохромный, перевернутый вверх тормашками мир депрессии. Его пронзила боль: неужели она бродила по тому миру с самого детства?

Вторая фотография, меньшая по размеру, была еще хуже. На ней капитан Крэдок Макдермотт позировал рядом с другими офицерами на фоне сухой желтой почвы, все в защитных костюмах с автоматами через плечо. На заднем плане виднеются пальмы и небольшой водоем. Можно подумать, что снимок сделан в Эверглейдах – если бы не защитные костюмы и не пленный вьетнамец.

Пленник стоял позади Крэдока: крепко сложенный мужчина в черной тунике, с бритой головой, широким приятным лицом и спокойными глазами монаха. Джуд узнал его мгновенно: и его он видел во сне. На правой руке Чунга не доставало пальцев – это подтверждало догадку Джуда.

Даже на старом фото плохого качества было видно, что обрубки стянуты черными нитками.

Подпись под фотографией говорила, что вьетнамского пленника зовут Нгуен Чунг, а снимок сделан недалеко от полевого госпиталя в Донг-Таме, где Чунга лечили от ран, полученных в сражениях. Это была почти правда: Чунг обрубил свои пальцы, потому что

думал, будто они готовы атаковать его, так что инцидент можно назвать сражением. Насчет дальнейшей судьбы Чунга у Джуда имелось свое мнение. Скорее всего, Крэдок Макдермотт выведаль у Чунга все, что тот знал и умел, и отправил вьетнамца в путь по ночной дороге.

В статье не говорилось, нашел ли Макдермотт Роя Хэйеса – бывшего преподавателя и пилота легких самолетов. Однако Джуд не сомневался в успехе поисков, хотя и не имел на то рациональных оснований. Чтобы проверить себя, он сделал еще один запрос в поисковой системе.

Останки Роя Хэйеса предали земле несколькими неделями позднее, но обнаружил их не лично Крэдок, а команда полицейских-подводников – в том месте было слишком глубоко. Но именно Крэдок указал, куда нырять.

Дверь ванной распахнулась, и оттуда вышла Джорджия. Джуд закрыл окно поисковика.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась Джорджия.

– Никак не могу получить свою почту, – соврал Джуд. – Не хочешь попробовать? – Она посмотрела на компьютер задумчиво, потом тряхнула головой и наморщила нос.

– Не-а. Не имею ни малейшего желания лезть в сеть. Забавно, да? Обычно меня не оттащить от компьютера.

– Ага, вот видишь – бегство ради спасения жизни не так уж плохо. Очень полезно для укрепления характера.

Джуд опять вытащил ящик из комода и вывалил в него содержимое новой банки собачьего корма.

– Вчера меня от этого запаха тошнило, – заметила Джорджия, – а сегодня утром, наоборот, он возбуждает аппетит.

– Тут неподалеку есть закусочная. Пойдем, прогуляемся.

Он открыл дверь и протянул Джорджии руку. Девушка сидела на краю кровати в потертых черных джинсах, тяжелых черных ботинках и черной безрукавке, свободно висящей на ее худеньком теле. В золотистом луче солнечного света, лившемся в дверной проем, ее кожа выглядела невероятно бледной и тонкой, почти прозрачной. Казалось, легчайшее прикосновение может оставить на ней синяки.

Джорджия посмотрела на собак. Ангус и Бон склонились над ящиком и, почти стучаясь головами, с чавканьем поглощали еду. Джуд заметил, что Джорджия хмурится, проследил за ее взглядом и понял, о чем она думает: они в безопасности, только когда рядом с ними собаки. Но затем она перевела глаза на Джуда, стоящего в луче света, взяла его протянутую руку и позволила поднять ее на ноги. За дверью их встретило утро.

Сам он не боялся. Он чувствовал себя защищенным новой песней. Джуд верил: записав мелодию, он нарисовал вокруг них обоих магический круг, пересечь который покойнику не под силу. Он прогнал привидение – по крайней мере, на некоторое время.

Но когда они пересекали автомобильную парковку держась за руки, чего раньше никогда не делали, – Джуд случайно глянул назад, на окна их номера. Из окна вслед смотрели Ангус и Бон, стоя бок о бок на задних лапах и уперев передние в стекло. На собачьих мордах читалась тревога.

В закусочной было шумно и тесно, пахло свиным салом, пережаренным кофе и сигаретным дымом. Курить разрешалось только в баре, но он располагался сразу при входе. Посетитель у стойки, пока его не усаживали за столик, уже через пять минут ощущал себя как в пепельнице.

Джуд не курил. Даже никогда не пробовал. Это единственная дурная привычка, которой он избегал. Его отец курил. Когда Джуда посылали в город с различными поручениями, он охотно покупал для отца дешевые длинные коробки сигарет, даже если его об этом и не просили. Они оба знали почему. Джуд обычно внимательно наблюдал за тем, как Мартин закуривает сигарету и делает первую затяжку.

– Если бы можно было убить взглядом, я бы уже давно заболел раком, – сказал однажды Мартин сыну без всяких предисловий. Отец провел в воздухе рукой, рисуя сигаретным

кончиком круг и щурясь на Джуда сквозь дым. – У меня крепкая конституция. Если хочешь погубить меня табаком, придется подождать. К тому же есть более простые способы.

Мать ничего не сказала, направив все свое внимание на лущение гороха. На ее морщинистом лице отражалась лишь напряженная сосредоточенность. Она казалась глухонемой.

Джуд – тогда еще Джастин – тоже ничего не сказал, лишь продолжал смотреть на отца. Он потерял дар речи, но не от злости, а от шока; как отец прочитал его мысли? Джуд только что прожигал взглядом дряблые складки кожи на шее Мартина Ковзински, яростно желая, чтобы в них поселился рак – комок клеток, цветущих черным цветом; он сожрал бы голос его отца, задушил его дыхание. Мальчик желал этого всем сердцем: пусть Мартин получит рак, и врачи вырежут ему кусок горла. Тогда отец наконец заткнется.

За соседним столиком как раз сидел человек, у которого вырезали кусок горла. Ему, очевидно, сделали искусственную гортань, часть которой – электрический громкоговоритель – мужчина держал в руке. Поднеся хрипящий, потрескивающий прибор к подбородку, он обратился к официантке (а заодно и ко всем посетителям):

– ЗДЕСЬ ЕСТЬ КОНДИЦИОНЕР? НУ, ТАК ВКЛЮЧИТЕ ЕГО. МЯСО ВАМ ЛЕНЬ КАК СЛЕДУЕТ ПРОЖАРИТЬ, ТАК ЗАЧЕМ ЖЕ ВЫ ХОТИТЕ СВАРИТЬ ТЕХ, КТО ВАМ ПЛАТИТ? ГОСПОДИ ИИСУСЕ. МНЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ. – Этот факт, похоже, казался ему столь важным, что после ухода официантки он озвучил его еще раз, на сей раз повернувшись к своей жене – фантастически толстой женщине, не соизволившей оторваться от газеты. – МНЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ. ГОСПОДИ. ОНИ СВАРЯТ НАС ВКРУТУЮ.

Мужчина выглядел совсем как старик с известной картины «Американская готика»¹ – вплоть до седых прядей, зачесанных на лысеющую макушку.

– Интересно, какими мы будем в старости, – улыбнулась Джорджия.

– Хм. Я по-прежнему буду чертовски волосатым. Только волосы поседеют. И будут торчать пучками из самых неподходящих мест. Из ушей. Из носа. Брови станут мохнатыми и кустистыми. В общем, вылитый Санта, с которым случилось что-то ужасное и непоправимое.

Джорджия подхватила ладонью свои грудки:

– Жир отсюда постепенно стечет на попу. Я сладкоежка, так что зубы, скорее всего, долго не простоят. Но, с другой стороны, это плюс: достаточно вынуть вставную челюсть, и вот я уже готова к беззубому старушечьему минету.

Он прикоснулся к ее подбородку, взгляделся в ее лицо: высокие скулы, темные круги под глазами и сами глаза – в них плескался смех и нескрываемое желание нравиться ему.

– У тебя хорошее лицо, – сказал Джуд. – И хорошие глаза. Ты будешь классной старухой. У старых дам самое главное – глаза. И из тебя выйдет старуха с чудесными глазами, в них всегда будет играть смешинка. Как будто ты так и норовишь вляпаться в какую-нибудь историю.

Он убрал руку. Джорджия уставилась в свою чашку кофе, улыбаясь смущенно, что для нее было совсем нехарактерно.

– Ты только что нарисовал портрет моей бабушки Бэмми, – сказала Джорджия. – Она тебе понравится. Мы еще успеем добраться до нее к обеду, если поспешим.

– Хорошо.

– Бабушка выглядит самым дружелюбным, самым безвредным человеком на свете. Но как она любит помучить кого-нибудь! Я жила у нее с восьмого класса, и ко мне иногда заходил мой парень Джимми Элиот – якобы поиграть в домино. На самом деле мы потихоньку пили вино. Обычно у Бэмми в холодильнике стояла открытая бутылка, оставшаяся с вечера. Она, конечно, быстро догадалась, что мы таскаем вино, и однажды налила в бутылку чернил. Джимми дал мне отпить первой. Я сделала глоток – и стала плевать. Вся облилась этими чернилами! Когда Бэмми вернулась домой, то застала меня с сиреневыми губами, сиреневыми потеками на подбородке, сиреневым языком. Я отмывалась целую неделю. Думала, что Бэмми устроит мне взбучку, но она только смеялась.

К ним подошла официантка, чтобы принять заказ. Когда она удалилась, Джорджия спросила у Джуда:

– Каково это – быть женатым?

– Это спокойно.

– Тогда почему ты с ней развелся?

– Я не разводился. Она развелась со мной.

– Застукала тебя в постели со штатом Аляска?

– Нет. Я не изменял ей – то есть нечасто. И она не принимала мои измены близко к сердцу.

– Да неужели? Ты действительно в это веришь? Если бы ты был моим мужем и начал ходить налево, я бы швырнула в тебя первым же попавшимся под руку тяжелым предметом. И вторым. И в больницу бы тебя не повезла. Смотрела бы, как ты истекаешь кровью. – Она замолчала и склонилась над чашкой, потом спросила: – Так что же заставило ее уйти?

– Это трудно объяснить.

– Потому что слишком глупая?

– Нет, – возразил Джуд. – Скорее я недостаточно умен, чтобы объяснить это хотя бы себе самому. Что уж говорить о других. Скажем, так: долгое время я старался быть хорошим мужем. А потом перестал. И она сразу же почувствовала это.

При этих словах Джуд вспомнил, как он взял за правило засиживаться допоздна, пока жена не уставала и не отправлялась спать без него. Он прокрадывался в спальню ночью, когда она уже засыпала, – чтобы не заниматься любовью. А иногда он начинал перебирать струны гитары и напевать что-нибудь – прямо посреди ее фразы, чтобы не слушать ее. Он даже припомнил, как не выбросил порно-фильм с убийством, а оставил кассету на виду, чтобы жена могла найти ее.

– Не понимаю. Ты просто вдруг перестал стараться? На тебя это не похоже. Ты не из тех, кто без причин сдается на волю обстоятельств.

Это не было беспричинным поступком. У Джуда имелась причина, но, выраженная словами, она теряла всякий смысл. Он купил загородный дом для Шеннон – купил для них обоих. Потом купил ей сначала один «мерседес», а затем и второй: большой седан и кабриолет. Иногда на частном самолете они летали на выходные в Канни, где им подавали гигантских креветок и омаров на льду. И вдруг умер Диззи – умер страшно и мучительно. Потом разбился на машине Джером. А Шеннон по-прежнему могла войти к нему в студию и сказать: «Что-то ты плохо выглядишь. Давай махнем на Гавайи». Или: «Я купила тебе кожаную куртку, примерь». И тогда он хватал гитару, не в силах выносить эту беззаботную болтовню. Он старался заглушить ее. Он ненавидел жену – за покупки, за новую куртку, за желание отдохнуть на островах. Но больше всего он ненавидел довольное выражение ее лица, ее пухлые пальца, унизанные кольцами, ее невозмутимую озабоченность мелочами.

В самом конце, когда Диззи уже умирал, когда он ослеп, горел в лихорадке и ежечасно ходил под себя, ему вдруг пришло в голову, что Джуд – это его отец. Диззи плакал и говорил, что он не хочет быть гомосексуалистом. «Только не сердись на меня больше, – умолял он. – Папа, не сердись на меня». И Джуд успокаивал его: «Я не сержусь. Никогда не сердился». А потом Диззи умер, и Шеннон отправилась выбирать Джуду одежду и ресторан, куда они пойдут обедать.

– Почему у вас не было детей? – спросила Джорджия.

– Я боялся, что во мне слишком много от моего отца.

– Мне кажется, ты совсем не похож на него, – горячо возразила она.

Джуд обдумал это, разглядывая вилку с куском курятины.

– Нет. Характеры у нас одинаковые.

– А меня больше всего пугает то, что дети однажды должны узнать обо мне правду. Дети всегда узнают правду о родителях. Я про своих все знала.

– И что же такого узнают о тебе твои дети?

– Что я бросила школу. Что в тринадцать лет я позволила мужчине сделать из себя

проститутку. Что хорошо я умею делать только одно дело – раздеваться перед толпой пьяниц. Я пыталась покончить с собой. Меня три раза арестовывали. Я воровала деньги у родной бабки, чем доводила ее до слез. Я два года не чистила зубы. Вот. И я наверняка еще что-то забыла.

– Знаешь, что подумает твой ребенок, когда узнает?! «Что бы со мной ни случилось, я обо всем могу рассказать матери, потому что с ней это уже было. И как бы дерьмово мне ни пришлось, я выживу, потому что мама справлялась с дерьмом и похуже».

Джорджия подняла голову и снова просияла улыбкой.

Ее глаза блестели радостно и задорно. О таких ее глазах Джуд и говорил несколько минут назад.

– Знаешь, Джуд, – произнесла Джорджия, потянувшись к своей чашке перевязанной рукой. У нее за спиной остановилась официантка с кофейником, чтобы подлить еще кофе. Но она не следила за тем, что делает, проверяя что-то в блокноте заказов. Джуд видел, что может вот-вот произойти, но не успел вовремя предупредить Джорджию, которая продолжала: – Иногда ты ведешь себя как очень порядочный человек, и я даже забываю о том, какая ты зад...

Официантка наклонила кофейник как раз в тот миг, когда Джорджия передвинула чашку и кипящий кофе полился прямо на бинты. Джорджия взвыла и отдернула руку, прижала ее к груди. Grimаса боли исказила лицо девушки. В глазах на мгновение появился стеклянный блеск – пустое тусклое сияние, обычно предвещающее обморок. Но уже в следующий миг Джорджия подскочила, сжимая здоровой рукой больную обожженную ладонь.

– Ты не видишь, что делаешь, сука безмозглая? – заорала она на официантку. В голосе ее вновь зазвучал густой южный акцент.

– Джорджия, – пробормотал Джуд, приподнимаясь.

Она скривилась и махнула, чтобы он сел на место. Потом двинулась в сторону туалета и намеренно толкнула плечом официантку.

Джуд отодвинул свою тарелку в сторону.

– Ладно, принесите нам счет.

– Извините, – буркнула официантка.

– Что ж, бывает.

– Извините, – повторила официантка. – Но она тоже не должна так кричать на меня.

– Она получила ожог. Я удивлен, что она не сказала ничего похуже. – Официантка поджала губы:

– Тоже мне, парочка. Я сразу поняла, что вы за публика. Но все равно обслужила вас вежливо, как всех.

– Да? И что же мы за публика такая?

– Оба хороши. Ты – вылитый торговец наркотиками. – Джуда это насмешило.

– А на девицу достаточно посмотреть – сразу ясно, кто такая. Как ты ей платишь, за час или за ночь?

Смех застрял у Джуда в горле.

– Неси счет, – сказал он. – И чтобы я твою жирную задницу больше не видел.

Она смерила Джуда злобным взглядом, скривила губы, будто собиралась плюнуть в него, потом молча развернулась и ушла. Люди за другими столиками прекратили разговоры и с раскрытыми ртами следили за происходящим. Джуд зыркнул в одну сторону, потом в другую, задерживаясь на лицах тех, кто посмел не отвести глаз, и посетители один за другим вернулись к своим тарелкам. Джуд не боялся смотреть людям в глаза. За многие годы он перевидал столько публики, что без труда выигрывал игру в «гляделки».

Теперь на Джуда смотрели лишь старик, сошедший с «Американской готики», и его толстая жена, которая по выходным могла бы подрабатывать в цирке уродов. Женщина хотя бы пыталась скрыть свое любопытство и поглядывала на Джуда искоса, притворяясь, что читает газету. Старик же откровенно пялился блеклыми глазами цвета спитого чая. Вид у него был осуждающий и в то же время довольный. Одной рукой он прижимал к горлу свой

приборчик. Машинка тихо гудела. Старик как будто намеревался что-то сказать, но молчал.

– Чего надо? – спросил Джуд, когда понял, что грозный взгляд не смутит старика и не заставит заняться собственными делами.

Старик поднял брови, потом покачал головой из стороны в сторону: нет, ничего не надо. Забавно фыркнув, он, все-таки отвел глаза. Свой громкоговоритель он положил рядом с солонкой. Джуд уже отворачивался, но его внимание привлек внезапно оживший приборчик. Машинка завибрировала, и раздался громкий безжизненный голос:

– ТЫ УМРЕШЬ.

Старик замер в своей инвалидной коляске. Он, не веря ушам, непонимающе уставился на прибор. Его толстая жена выглянула из-за газеты и глянула туда же. На ее круглом и гладком лице отразилось слабое удивление.

– Я МЕРТВ, – гудел прибор, подпрыгивая на столешнице, как дешевая заводная игрушка. Старик неловко схватил приборчик, но и из-под дрожащих пальцев неслась электрическая речь: – ТЫ УМРЕШЬ. МЫ ВМЕСТЕ УПАДЕМ В ПРОПАСТЬ СМЕРТИ.

– Чего это он? – спросила толстуха. – Опять ловит какое-то радио?

Старик качнул головой: не знаю. Его взгляд переместился с громкоговорителя, лежавшего в его ладони, на Джуда. Линзы очков комично увеличивали удивленные глаза. Старик вытянул руку вперед, будто предлагая прибор Джуду. Маленький механизм не унимался:

– ТЫ УБЬЕШЬ ЕЕ УБЬЕШЬ СЕБЯ УБЬЕШЬ СОБАК СОБАКИ НЕ СПАСУТ ТЕБЯ МЫ ПОЕДЕМ ВМЕСТЕ СЛУШАЙ СЛУШАЙ МОЙ ГОЛОС МЫ ПОМЧИМСЯ В НОЧИ ТЫ НЕ ВЛАДЕЕШЬ МНОЙ Я ВЛАДЕЮ ТОБОЙ. ТЕПЕРЬ Я ВЛАДЕЮ ТОБОЙ.

– Питер, – булькнула толстуха. Она говорила шепотом, но голос ее сорвался, и, когда она сумела выдохнуть, воздух вырвался из ее горла с шипением и свистом. – Выключи его.

Питер же сидел неподвижно и протягивал прибор Джуду, словно передавал телефонную трубку.

Все взоры снова обратились на Джуда. Комнату из конца в конец пересекали волны обеспокоенного шепота. Кое-кто из посетителей даже поднялся с места, не желая пропустить ни единой детали. Джуд тоже встал, пронзенный краткой мыслью: «Джорджия». Он пошел через холл к туалету. Но вид, открывшийся из большого окна холла, заставил его позабыть обо всем. На парковке перед закусочной, почти у самых дверей, стоял пикап покойного Крэддока. Мотор работал на холостом ходу, фары на бампере включены. За рулем никого.

Опомнившись, Джуд растолкал сгрудившихся вокруг него зевак и бросился к туалетам. Найдя табличку с фигуркой женщины, он толкнул дверь.

У одной из двух раковин стояла Джорджия. Она не обернулась, когда дверь стукнула о стену. Девушка не отрываясь смотрела на свое отражение в зеркале, но ее глаза не были сфокусированы. Такие неподвижные серьезные глаза бывают у ребенка, засыпающего в кресле перед телевизором.

Джорджия отвела сжатую в кулак больную руку назад и резко ударила ею по зеркалу. Из всех сил, как только могла. В месте соприкосновения с кулаком стекло разбилось вдребезги, во все стороны побежали зигзаги трещин. Мгновением позже серебряные кинжалы зеркала с музыкальным перезвоном осыпались на раковину.

В ярде от Джорджии, возле раскладного пеленального столика, стояла невысокая светловолосая женщина с малышом на руках. Она прижала младенца к груди и завопила:

– О боже! О боже!

Джорджия тем временем схватила восьмидюймовый серебристый осколок – сияющий полумесяц – поднесла его к горлу и закинула голову, чтобы вонзить самодельное оружие в плоть. Джуд в шоке замер у двери, но усилием воли выдернул себя из этого состояния. Он поймал Джорджию за запястье, вывернул его, заломил руку назад, так что девушка вскрикнула и выпустила осколок. Зеркальный нож упал на белый кафель и разбился с красивым мелодичным звуком.

Джуд развернул Джорджию к себе и вновь вывернул ей руку, причиняя боль. Она

застонала и сжала веки, из-под которых текли слезы, но позволила ему вывести себя из туалетной комнаты. Он не осознавал, почему делает ей, больно, под воздействием паники или от гнева. То ли он сердился на нее – за то, что ушла одна, то ли на себя – за то, что отпустил ее.

Покойник поджидал их у самого выхода из туалета. Джуд не заметил его и почти прошел мимо, когда вдруг холодная дрожь прокатилась по телу и засела в мгновенно ослабевших коленях. Крэдок приподнял черную шляпу, приветствуя Джуда.

Джорджия еле держалась на ногах. Джуд перехватил ее руку повыше и чуть не волоком потащил через зал закусочной. Толстая женщина и старик сидели за столом, склонившись друг к другу головами.

– ...ЭТО НЕ РАДИО...

– Это те двое бродяг. Шутки свои дурацкие шутят.

– ЗАТКНИСЬ, ВОН ОНИ ИДУТ.

Остальные посетители старались не стоять у Джуда на пути и разбегались в стороны. Официантка, минуту назад назвавшая Джуда наркоторговцем, а Джорджию проституткой, стояла у стойки бара и что-то нашептывала администратору – невысокому мужчине с авторучками в кармане рубашки и печальными глазами бассет-хаунда. Заметив Джуда и Джорджию, официантка ткнула пальцем в их сторону.

Джуд на секунду остановился у столика, где сидел с Джорджией, чтобы бросить на скатерть пару десятков. Когда они проходили мимо бара, администратор поднял голову, посмотрел на них трагическим взглядом, но ничего не сказал. Официантка продолжала что-то бубнить ему на ухо.

– Джуд, – проговорила Джорджия, когда они миновали внутренние двери. – Мне больно.

Джуд разжал пальцы, сомкнутые у нее на предплечье, и увидел белые отметины на бледной коже. Позади осталась и внешняя пара дверей, и они с Джорджией очутились на улице. Мы в безопасности? – спросила девушка.

– Нет, – ответил Джуд. – Но скоро все будет в порядке. Привидение испытывает здоровый страх перед нашими псами.

Они быстро прошагали мимо пустого грузовичка Макдермотта. Окно пассажирской двери было опущено примерно на треть. Внутри работало радио. Передавали выступление одного из политиков правого крыла. Он тараторил без запинок и так самоуверенно, что почти сразу вызывал у слушателя раздражение.

– ... испытываешь удовлетворение, когда постигаешь американские ценности. Испытываешь удовлетворение, когда на выборах побеждают правильные люди – даже если побежденная сторона утверждает, что выборы были несправедливыми. Такое же удовлетворение испытываешь, когда видишь, что все больше людей возвращаются к политике, основанной на старом добром христианском здравом смысле, – вещал хорошо поставленный голос. – Но знаешь ли ты, что принесет тебе еще большее удовлетворение? Если ты придушишь эту суку рядом с тобой. Задуши ее, а потом встань на дорогу перед этой машиной, ляг под нее, ляг и... – Они шли дальше, и голос уже не мог достать их.

– Мы не справимся, – пробормотала Джорджия подавленно.

– Справимся. Пойдем. До мотеля не больше ста ярдов.

– Если он не прикончит нас сейчас, то сделает это позднее. Он сам сказал мне. Он сказал, что я могу убить себя сама, чтобы не тянуть, и я почти... Я не могла ничего поделать.

– Я знаю. Это его метод.

Они двигались вдоль трассы, по краю насыпи из гравия. Сквозь гравий пробивались высокие травинки и цеплялись за джинсы Джуда. Джорджия сказала:

– У меня болит рука.

Он остановился, взял ее забинтованную руку, внимательно осмотрел. Крови не было, хотя Джорджия разбила зеркало и брала в руку острый осколок. Толстые сбившиеся слои бинтов предохранили ее от порезов. Однако и через эти слои Джуд ощущал нездоровый жар,

исходящий от руки. Он опасался, не сломана ли кость.

– Наверняка перелом. Ты вмазала по зеркалу, как заправский борец. Тебе повезло, что ты вся не изрезалась. – Джуд подтолкнул Джорджию, заставляя ее двигаться вперед.

– Внутри ее что-то стучит, как сердце: тук, тук, тук. – Джорджия сплунула на землю раз, другой.

От мотеля их теперь отделял туннель под железнодорожными путями, узкий и темный. Там не было пешеходного тротуара и не хватило места даже для обочины по краям проезжей части. С каменного потолка капала вода.

– Пойдем, – торопил Джорджию Джуд.

Туннель был черной рамой, внутри которой виднелся «Дэйсинн». Джуд не спускал с мотеля глаз. Он уже различал свой «мустанг». Он видел дверь в их номер.

Они не замедлили шагов, входя под свод туннеля. Их тут же окутал зловонный запах стоячей воды, водорослей, мочи.

– Подожди, – вдруг попросила Джорджия и согнулась пополам в приступе рвоты. На земле оказались яйца, комки наполовину переваренного тоста и апельсиновый сок.

Джуд одной рукой придерживал Джорджию за плечи, а другой убирал от ее лица волосы. Стоял в вонючем полумраке и нервничал, ожидая, когда она закончит.

– Джуд, – слабо проговорила она.

– Все? Пойдем, – потянул он ее за руку.

– Подожди...

– Ну, пойдем же скорее.

Она вытерла рот подолом футболки, но по-прежнему стояла согнувшись.

– Мне кажется...

Грузовик он услышал раньше, чем увидел. Услышал за спиной звук шумного двигателя – хищный рык, перерастающий в рев. Свет фар вырвал из полумрака грубые плиты стены. Джуд успел оглянуться и увидеть, что на них мчится пикап привидения. За рулем ухмылялся Крэдок, а два прожектора словно сверлили слепящим светом дыры из одного мира в другой. Колеса дымились.

Джуд просунул руку под согнутое тело Джорджии, бросил ее и свое тело вперед, прыгнул к дальнему концу туннеля.

Дымчато-голубой «шевроле» на полной скорости врезался в стену; раздался треск стали, ломающейся о камень. Грохот от удара обрушился на барабанные перепонки Джуда, в ушах у него зазвенело. Вместе с Джорджией он повалился на мокрый гравий – уже снаружи туннеля. Они откатились от дороги, свалились с обочины вниз, в кусты, и приземлились на росистый мох. Джорджия вскрикнула, в падении попала острым локтем Джуду в левый глаз. Он вляпался рукой во что-то мягкое и отвратительное – какую-то болотную жижу.

Пытаясь отдышаться, Джуд приподнялся и оглянулся. В стену врезался не старый пикап покойника, а оливкового цвета джип с открытым верхом. За рулем сидел темнокожий мужчина с коротко подстриженными седыми волосами и сжимал руками лоб. Лобовое стекло покрылось сеткой трещин, разбегавшихся из того места, куда мужчина ударился головой. Вся передняя часть машины со стороны водителя превратилась в куски смятой и покореженной стали.

– Что случилось? – спросила Джорджия слабым голосом.

Джуд с трудом разобрал ее слова – в ушах по-прежнему стоял высокий звон.

– Это призрак. Он промахнулся.

– Ты уверен?

– В том, что это призрак?

– В том, что он промахнулся.

Джуд встал на ноги, борясь со слабостью в коленях. Потом помог подняться Джорджии. Звон в ушах перешел в далекий вой и вскоре почти пропал. Зато стал слышен истерический, безумный лай его собак.

Забрасывая сумки в «мустанг», Джуд почувствовал, как в левой руке возникло

медленное, глубокое биение. Оно отличалось от вчерашней тупой боли в том месте ладони, где он продырявил себя осколком диска. Он глянул на руку. Повязка сбилась и пропиталась свежей кровью.

За руль села Джорджия, а Джуд устроился на пассажирском сиденье с аптечкой первой помощи на коленях. Мокрые липкие бинты он снял и бросил на пол машины у своих ног. Стерильные салфетки, которыми он заклеил руку днем раньше, превратились в кровавый комок, и порез вновь непристойно зиял блестящим нутром. Рана раскрылась, когда Джуд убегал от пикапа Крэдока.

– Что ты собираешься делать со своей рукой? – спросила Джорджия и бросила на него короткий обеспокоенный взгляд, после чего снова обратила все внимание на дорогу.

– Что и ты со своей, – ответил он. – Ничего.

Он неловко прилаживал к ране свежие салфетки. Боль была такая, будто ладонь прижигали сигаретой. Кое-как соединив края раны, он обернул ладонь чистой марлей.

– У тебя и на голове кровь, – сказала Джорджия. – Ты знаешь?

– Угу. Царапина. Не обращай внимания.

– А что будет в следующий раз? В следующий раз, когда мы окажемся вдали от собак?

– Не знаю.

– Сейчас мы были в людном месте. В таком месте, думала я, мы в безопасности. В толпе людей, посреди бела дня – а он все равно угрожает нам. Как противостоять ему? Что нам делать?

Джуд повторил:

– Не знаю. Если бы знал, то уже сделал бы это, Флорида. Вечно ты со своими вопросами. Помолчи немного, хорошо?

Они ехали дальше. Только когда Джуд услышал сдавленные всхлипы – девушка из всех сил старалась плакать беззвучно, – до него дошло: он назвал ее Флоридой вместо Джорджии. Это из-за ее вопросов, одного за другим, а еще из-за акцента «истинной дочери Конфедерации», который с каждым днем все ярче окрашивал ее речь.

То, что она старалась спрятать слезы, подействовало на Джуда сильнее, чем если бы она разрыдалась. Если бы, Джорджия плакала открыто, он мог бы ответить ей, а теперь ему казалось невежливым не уважать ее желание чувствовать себя несчастной в одиночестве. Джуд вдавился в сиденье и отвернулся к окну.

Солнце неумолимо палило сквозь лобовое стекло. Южнее Ричмонда, ошалев от жары, Джуд впал в тяжелый транс. Он пытался вспомнить, что он знал о покойнике, что слышал о нем от Анны, когда они жили вместе. Но думать было трудно, слишком трудно – все тело болело, в лицо бил солнечный свет, а со стороны Джорджии доносились тихие горестные всхлипы. В сущности, Анна почти ничего и не рассказывала.

– Я предпочитаю задавать вопросы, – говорила она, – а не отвечать на них.

Она дурачила его своими бессмысленными вопросами почти полгода.

«Ты когда-нибудь был бойскаутом? Ты моешь бороду шампунем? Что тебе больше нравится – моя задница или мои сиськи?»

То немного, что он знал о ней, должно было вызвать его любопытство: гипноз в качестве семейного бизнеса, отец-лозоходец, научивший сестер гадать по руке и говорить с духами, детство, омраченное галлюцинациями и подростковой шизофренией. Но Анна-Флорида не хотела говорить о том, какой она была до встречи с ним, и он с облегчением оставил ее прошлое в прошлом.

Он догадывался, что она молчит о плохом. О чем-то очень и очень плохом. «Детали не имеют значения» – таким было его кредо в те дни. Он считал, что это его сильная сторона – готовность принять Анну такой, какая она есть, ни о чем не спрашивать и не судить. С ним она в безопасности, с ним ей больше не надо бояться преследовавших ее призраков. Но он не сумел защитить ее. Теперь он это понимал. Призраки все-таки нашли ее, и никакие замки на дверях не помогли. Они проходят сквозь любую стену. То, что ему казалось силой характера

– отсутствие желания знать больше, чем она сама готова была рассказать, – обернулось обычным себялюбием. Детское желание спрятаться в темноте, чтобы избежать неприятных разговоров и трудной правды. Он боялся ее секретов. Или, если быть точнее, боялся эмоциональной неразберихи, в которую ввергло бы его знание этих секретов.

Только однажды она рискнула сделать нечто вроде признания, нечто вроде исповеди. Это случилось уже в самом конце, перед тем как он отослал ее домой. Анна не выходила из депрессии уже долгие месяцы. Сначала испортились их сексуальные отношения, потом вовсе не стало никакого секса. Иногда он находил ее лежащей в ванне, в холодной воде – она дрожала, беспомощная, слишком несчастная и растерянная, чтобы догадаться вылезти оттуда. Теперь эти случаи воспринимались Джудом как репетиции ее смерти. Репетиции того вечера, когда ее бездыханное тело будет остывать в ванне, полной холодной воды и крови. Порой она бормотала что-то себе под нос голосом маленькой девочки, но когда Джуд пытался заговорить с ней, замолкала и дико смотрела на него, словно вдруг услышала голос мебели.

Как-то под вечер он уехал из дома. Он уже не помнил, куда именно. То ли в видеопрокат, то ли купить что-нибудь на ужин. Домой он возвращался, когда уже стемнело.

За полмили до фермы встречные автомобили вдруг начали сигналить и мигать фарами.

Потом он увидел Анну. Она бежала по другой стороне дороги почти голая – в одной футболке. Медового цвета волосы спутались и разметались по плечам. Она заметила, что он едет мимо, и, отчаянно размахивая руками, бросилась через дорогу вслед за «мустангом». Прямо под колеса длинномерного грузовика. Взвизгнули шины. Прицеп грузовика занесло влево, а кабина свернула вправо. Огромный тяжеловоз замер в двух футах от девушки. А она как, будто ничего и не заметила. Джуд к тому времени тоже остановился. Анна догнала «мустанг», распахнула дверцу со стороны водителя и упала на Джуда.

– Где ты был? – взвизгнула она. – Я тебя везде искала. Я бежала, бежала. Я думала, ты уехал, поэтому я бежала и искала тебя.

Из кабины грузовика высунулся водитель:

– Да что эта сучка вытворяет?

– Все в порядке, я присмотрю за ней, – быстро сказал Джуд.

Водитель открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но промолчал, глядя, как Джуд затаскивает Анну через свое сиденье в салон. Ее футболка задралась, открыв на всеобщее обозрение голый зад.

Джуд швырнул девушку на пассажирское сиденье, но она тут же подскочила, снова прильнула к нему, тычась мокрым горячим лицом ему в грудь.

– Я так испугалась, страшно испугалась и побежала... – Он оттолкнул ее локтем с такой силой, что она ударилась о дверцу и, ошарашенная, замолчала.

– Хватит. Ты неуправляема. С меня довольно. Слышишь? Ты не единственная, кто умеет предсказывать будущее. Хочешь послушать, что предскажу тебе я? Вижу тебя с чемоданами в руках на автобусной остановке, – яростно выпалил Джуд.

Грудь сдавило – напоминание о том, что ему не тридцать четыре, а пятьдесят четыре года.

Почти на тридцать лет больше чем ей. Анна молча смотрела на него. В широко распахнутых глазах застыло непонимание.

Он включил зажигание и поехал к дому. Когда он сворачивал на подъездную дорогу, Анна нагнулась и попыталась расстегнуть молнию на его брюках, чтобы сделать ему минет, но от такой мысли к горлу Джуда подкатила тошнота. Это невообразимо, он не мог позволить ей сделать это и снова оттолкнул ее от себя.

Почти весь следующий день он избегал встречи с девушкой, но вечером, когда он вернулся в дом после прогулки с собаками, Анна вышла из спальни и попросила его приготовить суп – какой угодно, хоть из консервов. Он кивнул.

Войдя в спальню с подносом, где стояла чашка куриного бульона с вермишелью, он увидел, что Анна пришла в себя. Истощена и обессилена, но с ясной головой. Она

попыталась улыбнуться ему – он не хотел этого видеть. Ему и так предстояло трудное дело.

Она села на постели и поставила поднос на колени. Он опустился на край кровати и смотрел, как она маленькими глотками ест суп. Есть ей не хотелось. Суп был лишь предлогом, чтобы позвать его в спальню. Он видел, как напрягаются ее челюсти перед каждым крохотным, через силу глотком. За последние три месяца она похудела на двенадцать фунтов.

Одолев не более четверти чашки, она отставила поднос в сторону и улыбнулась. Так улыбается ребенок, которому обещали мороженое, если он съест спаржу. Она поблагодарила: спасибо, очень вкусно. Она сказала, что ей лучше.

– В понедельник я должен ехать в Нью-Йорк. Я еду вместе с Говардом Стерном¹, – сказал Джуд.

Тревога вспыхнула в ее глазах.

– Я... Наверное... Мне не стоит ехать.

– Я не прошу об этом. Город для тебя сейчас не лучшее место.

Она посмотрела на него с такой благодарностью, что ему пришлось отвести глаза.

– Но и одну я не могу тебя здесь оставить, – продолжал Джуд. – Я думаю, тебе лучше всего пожить пока у родных. Во Флориде.

Она не ответила, и он заговорил снова. – Хочешь, я позвоню, предупрежу их?

Она соскользнула в подушки. Натянула простыню до подбородка. Он боялся, что она заплачет, но Анна спокойно смотрела в потолок, сложив руки на груди.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Ты и так был слишком добр, ты терпел меня очень долго.

– Вчера вечером я сказал...

– Я ничего не помню.

– Хорошо. То, что я тогда сказал, лучше забыть. Я ничего такого не имел в виду.

Хотя он имел в виду именно то, что сказал. И он только что сказал то же самое, но в менее грубой форме.

Они молчали так долго, что тишина начала действовать Джуду на нервы. Он уже собрался повторить сказанное другими словами, но Анна опередила его.

– Можешь позвонить моему папе. То есть отчиму. Он мне, конечно, не родной отец. Мой настоящий папа умер. Позвони отчиму. Он даже приедет за мной, если хочешь. Просто скажи ему, что нужно сделать. Отчим всегда называл меня «луковкой». Потому что я заставляю его плакать. Забавно, правда?

– Ему совсем не нужно приезжать. Я отправлю тебя на частном самолете.

– Не надо самолетов. Они слишком быстрые. На Юг нельзя лететь на самолете. Туда надо ехать на машине. Или на поезде. Чтобы видеть, как земля превращается в глину. Чтобы видеть все эти заброшенные свалки, забитые ржавыми машинами. Чтобы ехать через реки по мостам. Говорят, злые духи не способны пересечь бегущую воду, но это просто слова. Ты замечал, что северные реки совсем не похожи на южные? На Юге они цвета шоколада, а пахнут болотом и мхом. А здесь реки черные и пахнут сладко – соснами. Пахнут Рождеством.

– Я могу отвезти тебя на станцию и посадить на поезд. Так будет не слишком быстро?

– Нет.

– Тогда я иду звонить твоему па... отчиму.

– погоди. Лучше я сама позвоню ему, – остановила его Анна.

Джуд тогда подумал, что она очень редко говорила о своей семье. А ведь они прожили вместе уже около года. Звонила ли она хоть раз своему отчиму, чтобы поздравить с днем рождения, сообщить о своих делах? Пару раз он, заглядывая в свою библиотеку, заставлял ее разговаривающей по телефону с сестрой. Анна сосредоточенно хмурилась, тихо цедила фразы. Она походила на человека, из чувства долга играющего в неприятную ему игру.

– Почему ты не хочешь, чтобы я поговорил с ним? Боишься, что мы не понравимся друг другу?

– Да нет, я не боюсь. Он не будет груб с тобой или что-то еще в этом роде. Он не такой. С ним легко общаться. Он со всеми быстро сходится.

– Тогда в чем же дело?

– Я ему не рассказывала о нас, но могу догадаться, что он скажет. В восторг он не придет. Тут и твой возраст, и твоя музыка. Он ее ненавидит.

– Мою музыку ненавидят больше людей, чем любят. В этом весь смысл.

– Он не жалуется музыкантов в принципе. В детстве он брал нас в долгие поездки на машине туда, где он когда-то искал воду, например, – и всю дорогу заставлял нас слушать по радио ток-шоу. Причем не важно какие. Однажды мы четыре часа подряд слушали канал прогнозов погоды. – Она медленно провела двумя пальцами по волосам, убирая с лица длинный золотистый локон, через секунду снова упавший ей на лоб. – Еще он умел делать один неприятный фокус. Находит какую-нибудь разговорную станцию – проповедников, например, – и слушает до тех пор, пока мы с Джесси не начнем молить его переключить. А он молчит и слушает, молчит и слушает, а потом, когда мы доходим до ручки, сам начинает говорить. Причем говорит то же самое, что и проповедник, слово в слово, только своим голосом. Как будто они читают хором с одного листа. Что-нибудь вроде: «Господь Искупитель истек кровью и умер за тебя. Что ты сделал для Него? Он нес свой крест, а ты плевал в Него. Какое бремя ты понесешь?» И так мог продолжать бесконечно, пока мать не останавливала его. Ей это тоже не нравилось. А он смеялся, выключал радио, но сам продолжал ту же проповедь еще долго. Повторял за проповедником, словно слышал радио в своей голове, словно он сам был радио. Меня это всегда ужасно пугало.

Джуд промолчал. Он не знал, нужно ли отвечать что-нибудь, и вообще не понимал, насколько правдива эта история. Она могла оказаться одним из тех заблуждений, что регулярно мучили Анну. Она вздохнула, снова откинула с глаз непослушные волосы.

– Да, так вот я говорила – ты ему не понравишься, а он всегда умел избавиться от моих друзей, если они ему не нравились. Конечно, он не единственный отец, который слишком заботится о своей маленькой девочке. Другие отцы тоже пытаются напугать или как-то отвести нежелательных, с их точки зрения, ухажеров любимой дочки. Само собой, чаще всего это у них не получается, потому что девушка всегда защищает своего приятеля, а парень будет держаться за нее – или потому что не боится, или потому что не захочет показать виду, что испугался. Мой отчим в таких случаях более изобретателен. Он ведет себя максимально дружелюбно даже с теми, кого с удовольствием сжег бы заживо. Если он решит, что парень мне не подходит, он отделается от него – с помощью правды. Правды обычно хватает. Вот тебе пример. В шестнадцать лет я встречалась с парнем, заведомо зная, что отчиму он не понравится: мальчишка был евреем, и мы вместе слушали рэп. Папа терпеть не может рэп. И вот однажды отчим потребовал, чтобы я с ним рассталась, а я сказала, что буду встречаться с кем хочу. Тогда он сказал: ладно, но мы еще посмотрим, захочет ли он встречаться с тобой. Мне его слова сразу не понравились. Он больше ничего не прибавил. В общем, ты сама знаешь: иногда у меня портится настроение и в голову лезут дурацкие мысли. Это началось, когда мне было двенадцать лет, вместе с половым созреванием. К врачу меня не повели. Отчим сам лечил меня гипнотерапией. И у него неплохо получалось держать это под контролем – при условии, что мы с ним занимались раз или два в неделю. Тогда меня не клинило, и все было более-менее нормально. А иначе мне начинало казаться, что вокруг дома кружит темный грузовик. Или что под деревьями стоят маленькие девочки с угольками вместо глаз и следят за мной. Но ему понадобилось уехать – на какую-то конференцию в Остин, кажется. Обычно в такие поездки он брал меня с собой, а на этот раз оставил дома с Джесси. Мама к тому времени уже умерла. Джесси исполнилось восемнадцать, и она была за старшую. И вот, пока отчима не было, я снова стала «плохо спать», как мы это называли. Бессонница всегда была первым признаком начинающегося приступа. Потом я опять увидела девочек с горящими глазами. В понедельник я не смогла пойти в школу, потому что они ждали меня под дубом во дворе. Я боялась даже выйти из дома. Я сказала Джесси. Просила ее позвонить папе и сказать, чтобы он срочно приезжал, потому что мне снова мерещатся

всякие ужасы. Она ответила, что устала от моей придури, что у отчима важные дела и я отлично могу подождать его возвращения. Она попыталась уговорить меня пойти в школу, но я отказалась. Я осталась у себя в комнате и смотрела телевизор. Но вскоре они стали говорить со мной с экрана телевизора, эти мертвые девочки. Они говорили, что я тоже мертвая. Что мое место в земле, рядом с ними. Обычно Джесси возвращалась домой часа в два или три. Но в тот день ее долго не было. Время шло, я выглядывала в окно, высматривая сестру, а там стояли проклятые девочки и глядели на меня. Прямо из-за окна, с той стороны стекла. Потом позвонил отчим, и я сказала ему, что мне плохо, что он должен поскорее возвращаться. Он пообещал быстро приехать, но сказал, что дома окажется лишь через несколько часов. Еще он сказал, что боится, как бы я не сделала с собой что-нибудь, и поэтому попросит кого-нибудь посидеть со мной. Потом он позвонил родителям Филипа. Они жили на соседней улице.

– Филип? Так звали твоего парня? Того еврея?

– Ага. Фил тут же примчался. Я его не узнала. Я спряталась от него под кроватью и завопила, когда он попытался вытащить меня оттуда. Я спросила, видит ли он мертвых девочек. Я все рассказала ему о них. Вскоре пришла домой Джесси, и Фил тут же исчез. После того случая он не хотел и близко подходить ко мне. А отчим сказал, что не ожидал такого от Филипа. Он якобы думал, что Филип – мой друг. Думал, что ему можно доверять в трудную минуту.

– Вот это тебя волнует? Что твой старик расскажет мне, какая ты сумасшедшая, а я буду шокирован и больше не захочу тебя видеть? Флорида, должен признаться: твои проблемы с головой – не новость для меня.

Она фыркнула в знак того, что ей смешно, потом сказала:

– Он не это расскажет. Я не знаю, что он расскажет. Он просто придумает что-то такое, отчего я стану тебе меньше нравиться. Или перестану нравиться вообще.

– Не надо начинать.

– Нет. А может, ты действительно позвонишь моей сестре? Она та еще сучка. Мы терпеть друг друга не можем. Она так и не простила меня за то, что в детстве я была очень хорошенькой и получала на Рождество подарков больше, чем она. После смерти мамы ей пришлось взять на себя хозяйство, а я все оставалась ребенком. С двенадцати лет Джесси стирала и готовила на всех, но никто не оценил это по достоинству и не пожалел ее за то, чего она лишилась. Но она вполне способна прислать за мной такси. Она не будет против, если я вернусь домой. У нее появится возможность кем-то командовать.

Но когда Джуд позвонил, трубку после третьего звонка снял сам Крэдок.

– Чем могу быть полезен? Говорите, не стесняйтесь. Я помогу вам, если это в моих силах.

Джуд назвал себя. Сказал, что Анна хотела бы некоторое время пожить дома, представив все так, будто это ее идея. Он не сумел сразу подобрать слова, чтобы описать ее состояние, но его выручил Крэдок. Он спросил:

– Как она спит?

– Не очень хорошо, – ответил Джуд и с облегчением понял, что этой информации Крэддоку достаточно.

Джуд предложил заказать такси для Анны с вокзала в Джексонвилле до дома Джессики в Тестаменте, но Крэдок отказался, сказал, что сам встретит Анну.

– С удовольствием съезжу в Джексонвилль. Мне любой предлог сгодится, лишь бы сесть за руль своего пикапа. Опустить окно. Построить рожи коровам.

– Ха-ха! – Помимо воли Джуд проникнулся симпатией к Крэддоку.

– Я очень благодарен вам за то, что вы позаботились о моей малышке. Знаете, когда она была ребенком, все стены в ее комнате были заклеены вашими постерами. Ей всегда хотелось познакомиться с вами. С вами и с... как его звали? Из группы «Мотли крю»¹, кажется. Эту группу она просто обожала. Полгода ездила за ней следом. Была на всех концертах. И даже

познакомилась кое с кем. Не с музыкантами, конечно, а с кем-то из обслуживающего персонала, я думаю. Да, бурная у нее была юность. Теперь она успокоилась, а? Да-а... Любила она ваши альбомы. Сутками напропалую слушала этот хэви-металл. Я не сомневался, рано или поздно она найдет себе рок-звезду.

В груди Джуда разливался сухой, колючий холод. Он отлично понимал, что хочет сказать Крэдок – что она трахалась с техниками «Мотли крЮ», что спать со звездой всегда было ее пунктиком, что если бы она жила сейчас не с ним, то жила бы с Винсом Нилом¹ или Слэшем².

И он понимал, почему Крэдок говорит ему все это, – по той же причине, по какой он позвонил еврейскому бойфренду Анны, когда та была не в себе. Чтобы вбить между ними клин.

Сюрпризом оказалось другое: Джуд не ожидал, что игра Крэдока подействует на него, хотя он видел ее насквозь. Не успел отчим Анны умолкнуть, как Джуд стал вспоминать, где он сам встретился с ней – за кулисами шоу Трента Резнора. Как она туда попала? Кто привел ее и что ей пришлось сделать ради того, чтобы получить пропуск за сцену? А если бы первым к ней подошел Трент, она уселась бы у его ног и стала бы задавать свои милые бессмысленные вопросы ему?

– Я присмотрю за ней, мистер Койн, Просто посадите ее на поезд. Я буду ждать, – закончил разговор Крэдок.

Джуд сам отвез ее на вокзал. Она держалась хорошо: изо всех сил старалась (он видел это) быть той девушкой, какой казалась Джуду в начале их знакомства, а не тем несчастным человеком, каким была на самом деле. Но при каждом взгляде на нее Джуд снова чувствовал сухой холод в груди. Эльфийская улыбка Анны, то, как она заправляла волосы за розовые ушки со множеством сережек, последний залп ее странных вопросов – все это выглядело теперь хладнокровными манипуляциями и побуждало его поскорее избавиться от нее.

Если Анна и почувствовала его отчуждение, то виду не подала. На вокзале она приподнялась на цыпочки и порывисто обняла его. В этом объятии не было ничего сексуального. Ее поцелуй был сестринским прикосновением губ к его щеке.

– Мы хорошо повеселились вместе, правда? – спросила она. Как обычно, вопросы.

– Правда, – ответил он.

Он мог бы добавить что-нибудь еще – что будет звонить ей или что желает поскорее выздороветь. Однако не смог себя заставить. Любая попытка выразить сочувствие и нежность немедленно разбивалась словами Крэдока, что крутились у Джуда в голове: «Я не сомневался, рано или поздно она найдет себе рок-звезду».

Анна весело улыбнулась, словно он сказал что-то остроумное, и сжала его ладонь. Он посмотрел, как она села в вагон, но отправления поезда дожидаться не стал. На платформе толпились люди, громким эхом разлетались голоса. Опустошенный и оглушенный, он стремился поскорее покинуть это место, пропахшее горячим железом, застарелой мочой и теплыми потными телами.

Но на улице было ничуть не лучше – осенью в Манхэттене холодно и сыро. Ощущение, будто его со всех сторон толкают и давят, не покинуло Джуда и по возвращении в гостиницу, в тихий пустой номер. Он не находим покоя, не знал, куда себя деть. Он нуждался в том, чтобы выпустить пар, сказать вслух те безобразные вещи, которые звучали у него внутри.

Четыре часа спустя он оказался-таки в правильном месте – в радиостудии Говарда Стерна, где он оскорблял: унижал безмозглых прихлебателей из свиты Стерна. Джуд от души издевался над ними, если они по глупости осмеливались перебить его, и выдал пламенную проповедь разврата и ненависти, хаоса и осмеяния всех и вся. Стерн был в восторге. Его окружение желало знать, когда им посчастливится снова увидеть Джуда.

Наступил уикенд. Джуд по-прежнему оставался в Нью-Йорке, в том же настроении. Его пригласили встретиться с людьми из команды Стерна в одном из стрип-клубов на Бродвее.

Это были те самые люди, которых он несколько дней назад высмеивал перед миллионами радиослушателей. Они не приняли его слов на свой счет. Выставлять себя на смех – такова их работа. Они были без ума от Джуда. Они считали, что он выступил в шоу убийственно удачно.

Но настроение его не улучшилось. Он заказал пиво, хотя не пил этот напиток, и сел у дальнего конца сцены, представлявшей собой огромный лист матового стекла, подсвеченный снизу мягким голубым светом. Из теней вокруг платформы выступали лица других зрителей, и все они казались Джуду неестественными, злобными, неправильными. Лица утопленников. Голова его раскалывалась. Он зажмурился, и под опущенными веками вспыхнул разноцветными огнями фейерверк – предвестие мигрени.

Некоторое время спустя он с трудом открыл глаза и увидел, что перед ним на коленях сидит девушка. В одной руке у нее нож, веки плотно сомкнуты. Она медленно отклонялась назад и вскоре коснулась головой стеклянного пола. Ее мягкие, легкие как перья волосы рассыпались по сцене.

Ножом – охотничьим, с широким зазубренным лезвием – девушка медленно вела вдоль тела. На шее у нее был надет собачий ошейник с серебряными колечками, грудь сжимала тесная кружевная сорочка, на ногах черные чулки.

Когда рукоятка с направленным в потолок лезвием оказалась между ее ног, как пародия на пенис, девушка подбросила нож в воздух и в тот же миг распахнула глаза. Она поймала падающий нож, выгнув спину и выпятив грудь, словно предлагая себя в жертву, а потом полоснула лезвием по черной сорочке.

Она сдернула разрезанные кружева. Под ними было что-то темно-алое, отчего складывалось впечатление, будто она вспорола себя от горла до лобка. Она перевернулась, попутно скинув остатки костюма, и осталась совершенно голой, не считая серебряных колечек в сосках и стрингов, натянутых гораздо выше худых бедер. Ее худое гладкое тело выше пояса было выкрашено красным.

Из динамиков неслась композиция «Эй-Си Ди-Си» «If You Want Blood You Got It». И Джуда завело не юное атлетическое тело и не то, как раскачивались маленькие груди с продетыми в них кольцами серебра, пока девушка прямо и бесстрашно смотрела ему в глаза.

Его завело то, что во время выступления ее губы едва заметно шевелились. Вряд ли кто-нибудь еще обратил на это внимание. Девушка пела про себя, подпевала «Эй-Си Ди-Си». Она знала песню наизусть. Ничего более сексуального за последние месяцы он не видел.

В знак приветствия он поднял свой стакан и с удивлением увидел, что он пуст. Когда он успел выпить пиво, Джуд не помнил. Через пару минут официантка принесла ему новую порцию. Он узнал, что танцовщицу с ножом зовут Морфина и что она – одна из самых популярных девушек в шоу. За сто баксов Джуд раздобыл номер телефона и узнал, что она выступает уже два года, почти с того самого дня, как прибыла в Нью-Йорк из Джорджии. Еще сто долларов – и он узнал, что вне стен стрип-клуба ее зовут Мэрибет.

Джуд сменил девушку за рулем незадолго до того, как они пересекли границу штата Джорджия. Головная боль не проходила, а хуже всего было пренеприятное давление на глазные яблоки. Это ощущение усугублялось южным солнцем, безжалостно отражавшимся в каждой более или менее гладкой поверхности – на заборах, лобовых стеклах и дорожных знаках.

Когда они приблизились к границе Флориды, к дурному самочувствию прибавились тревога и нервное ожидание. До Тестаменты оставалось около четырех часов. Еще до наступления темноты он увидит ее дом – дом Джесси Прайс, в девичестве Макдермотт, сестры Анны, старшей приемной дочери Крэдока. Джуд не знал, как далеко все зайдет.

Ему уже приходило в голову, что встреча с Джессикой Прайс может закончиться смертью одного из них. Он давно считал, что она заслуживает смерти за то, что совершила, и был готов убить ее. Но только сейчас, когда до встречи оставались считанные часы, эта идея стала чем-то большим, чем умозрительный гнев.

В детстве ему доводилось убивать свиней. Джуд брал слабое или больное животное за задние лапы и вышибал ему мозги о каменный пол сарая. Надо было делать сильный замах и резко опускать руки, и тогда пороссячий визг обрывался на середине, а в наступившей тишине повисал отвратительный глухой звук треснувшей кости – с таким звуком разбивается арбуз, сброшенный с большой высоты. Крупных кабанов он стрелял из ружья, представив при этом, что целится в отца.

Джуд принял решение: он сделает все, что потребуется. До сих пор он не знал, что именно потребуется. Теперь же, поразмыслив, он страшился узнать. Он боялся возможных действий почти так же, как боялся того кошмара, что преследовал его. Кошмара, при жизни звавшегося Крэдкоком Макдермоттом.

Он думал, что Джорджия дремлет, пока она не заговорила.

– Следующая развилка, – хрипло произнесла она.

Ее бабка. Джуд совсем забыл о ней, забыл, что обещал заехать.

Следуя указаниям Джорджии, он съехал с трассы, свернул налево и двинулся по двухполосному шоссе через убогие пригороды Крикетса, штат Джорджия. Мимо проносились многочисленные стоянки подержанных автомобилей, увешанные тысячами красных, белых и синих флажков, бьющихся на ветру. Поток машин привел их в центр города. Они объехали по краю городскую площадь, поросшую травой, миновали суд, ратушу и величественное здание театра из старого кирпича.

Путь к дому Бэмми пролегал через зеленый студенческий городок при небольшом баптистском колледже. Молодые люди с галстуками в треугольных вырезах вязаных свитеров шагали рядом с девушками в плиссированных юбках, с аккуратными блестящими прическами, словно сошедшими с давно забытой рекламы шампуня «Брек». Кое-кто из студентов оборачивался вслед «мустангу», в котором помимо Джуда и Джорджии гордо восседали два здоровых черных пса. От жаркого дыхания Бон и Ангуса заднее стекло совсем запотело. При виде псов одна из девушек испуганно спряталась за спину своего спутника – высокого парня с желтым галстуком-бабочкой. Тот обнял ее за плечи, успокаивая. Джуд не показал им два пальца и следующие несколько кварталов ехал довольный собой, гордясь своей выдержкой. Его самоконтроль крепче железа.

Позади колледжа начиналась улица, по обеим сторонам которой стояли ухоженные дома в викторианском и колониальном стиле. Вывески перед воротами приглашали в юридические конторы и зубные кабинеты. Чем дальше от колледжа, тем меньше становились здания. В них жили люди. Возле лимонного дерева и кадок с желтыми розами Джорджия сказала:

– Сюда.

Женщина, что открыла им дверь, была скорее плотная, чем толстая, с широким темным лицом, шелковистыми усиками и умными молодыми глазами – карими с зелеными искрами. Расставив ноги в стоптанных шлепанцах, она непонимающе посмотрела на Джуда и Джорджию, а Джорджия робко улыбнулась бабушке. Бабушка? Сколько ей лет – шестьдесят, пятьдесят пять? У Джуда слегка закружилась голова, когда он подумал, что «бабушка» может оказаться моложе его... Потом в глазах Бэмми что-то вспыхнуло, словно настроили фокус, и она с воплем развела руки. Джорджия упала в ее объятия.

– Эм-Би! – восклицала Бэмми. Потом она отодвинула от себя внучку и всмотрелась в ее лицо. – Что это с тобой?

Она приложила ладонь ко лбу Джорджии, а та немедленно замотала головой, уворачиваясь. Затем Бэмми заметила забинтованную руку, схватила внучку за запястье, осмотрела повязку. И отпустила руку – почти оттолкнула от себя.

– Что, накачалась какой-то дрянью? Господи, от тебя воняет, как от собаки.

– Нет же, Бэмми. Клянусь, я завязала с наркотиками. А воняю псиной, потому что по мне почти два дня собаки ползали. Почему ты всегда думаешь самое плохое?

Процесс, начавшийся почти за тысячу миль отсюда, в самом начале путешествия на Юг, кажется, завершился – речь Джорджии теперь звучала в лучших южных традициях.

Но в какой момент впервые проявился ее акцент – когда они тронулись в путь? Или еще

раньше? Джуд вдруг понял, что Джорджия говорила так с того дня, когда она укололась о несуществующую булавку в костюме покойника. Эта вербальная трансформация вызвала в душе Джуда неприятное беспокойство. Такой акцент очень напоминал Анну.

Бон протиснулась между Джудом и Джорджией и с надеждой уставилась на Бэмми. С длинного розового языка Бон текли слюни. Ангус бегал туда-сюда по зеленому прямоугольнику сада, приносясь к цветам, высаженным вдоль штакетника.

Бэмми сначала осмотрела тяжелые ботинки Джуда, затем перевела взгляд вверх, на черную клочковатую бороду, попутно подметила ссадины, грязь, повязку на левой руке.

– Ты рок-звезда?

– Да, мэм.

– Похоже, вы оба побывали в хорошей драке. Между собой что не поделили?

– Да нет же, Бэмми, – встряла Джорджия.

– Как мило: у обоих перевязаны левые руки. Теперь так модно? Или это что-то романтическое? Может, вы поставили друг другу клеймо в знак вечной любви? В наше время люди обменивались кольцами.

– О, Бэмми, нет. С нами все в порядке. Мы направляемся во Флориду, и я предложила Джуду заехать по пути к тебе. Хотела вас познакомить.

– А почему не позвонила? Я бы хоть приготовила ужин.

– Мы ненадолго. Сегодня вечером нам надо быть во Флориде.

– Никуда вам не надо, кроме как в кровать. Или даже в больницу.

– Я здорова.

– Черта с два ты здорова. Никогда еще не видела человека, более далекого от здоровья.

– Она убрала со лба Джорджии влажную прядь черных волос. – Ты вся мокрая. Уж я отличу больного человека от здорового.

– Мне просто жарко, вот и все. Последние восемь часов я сидела взаперти в автомобиле с двумя вонючими собаками и еле живым кондиционером. Бэмми, ты уберешь с дороги свою задницу или хочешь, чтобы я снова забралась в машину и проехала еще сотню-другую миль?

– Пока не решила.

– В чем проблема?

– Пытаюсь прикинуть, каковы мои шансы. Вдруг вы приехали сюда, чтобы убить меня, забрать из сумочки деньги и купить себе оксиконтин¹. Сейчас все за ним гонятся. Ради него школьники идут на панель. Сегодня утром опять передавали в новостях.

– Хорошо, что мы уже не школьники.

Бэмми хотела ответить, но ее внимание привлекло то, что происходило за спиной Джуда.

Он обернулся и увидел, почему Бэмми на секунду позабыла о гостях. Ангус присел на задние лапы, изогнув тело эдаким мохнатым аккордеоном. Черный блестящий мех на спине вздыбился складками. На траву кусок за куском падало дерьмо.

– Я уберу. Мне очень неловко, извините, – заторопился Джуд.

– Ничего, не извиняйся, – сказала Джорджия. – Пусть Бэмми посмотрит. Если через две минуты я не попаду в туалет, перед ее домом будет две кучи дерьма.

Бэмми опустила густо накрашенные веки и отступила в сторону.

– Ладно, заходите. А то соседи из окон повыпадают, рассматривая вас. Еще подумают, что я решила создать банду новых «Ангелов ада».

Когда их наконец формально представили друг другу, Джуд узнал, что бабушку Джорджии зовут миссис Фордхэм, и в дальнейшем так и обращался к ней. Называть ее «Бэмми» он не решался, хотя думать о ней как о «миссис Фордхэм» никак не получалось. Она была Бэмми, и все тут.

Когда Бэмми предложила вывести собак на улицу побегать, Джорджия и Джуд обменялись многозначительным взглядом. К тому моменту все собрались в кухне. Бон улеглась под кухонный стол. Ангус тянулся мордой к полке, где стояло блюдо с шоколадным

печеньем.

В доме было слишком тесно для двух овчарок. Это стало очевидно еще в прихожей: стоило Бон и Ангусу оказаться внутри, как они немедленно врезались в низкий столик, уставленный фарфором, испугались грохота и звона и шарахнулись в стороны. Разумеется, при этом они ударились о стены – с такой силой, что покосились висящие там картины.

Джуд снова обратил взгляд на Бэмми. Она хмурилась. Она видела, как посмотрели друг на друга Джуд и Джорджия, и догадалась: это неспроста. Только не поняла, что именно это значит.

Первой заговорила Джорджия:

– Э-э... Бэмми, их нельзя отпускать одних в незнакомом месте. И они обязательно залезут в твой сад.

Бон выбралась из-под стола, попутно сдвинув несколько стульев, один из которых закачался и с резким стуком, упал. Джорджия бросилась к овчарке, схватила ее за ошейник.

– Я возьму ее с собой, – сказала Джорджия. – Я хотела бы принять душ – можно, Бэмми? Просто ополоснуться и, может быть, прилечь на полчаса, Бон побудет со мной, я посижу, чтобы она ничего не натворила.

Ангус приподнялся на задние лапы, а передние поставил рядом с блюдом вожделенного печенья.

– Ангус! – прикрикнул Джуд. – Ну-ка ко мне, быстро. В холодильнике Бэмми нашлась холодная курица и овощной салат. А еще, как и было обещано, лимонад в запотевшем стеклянном кувшине. Джорджия поднялась по лестнице на второй этаж в ванную, а Бэмми пригласила Джуда сесть за стол и поставила перед ним тарелку с едой. У ног хозяина развалился Ангус.

Окно, напротив которого Бэмми усадила Джуда, выходило на задний двор. Джуд получил прекрасную возможность изучить открывающийся вид: замшелая веревка свисала с высокого орехового дерева – должно быть, когда-то к ней была подвешена шина, сразу за забором начинается дорога выложенная битым кирпичом.

Бэмми налила себе немного лимонада и со стаканом в руках встала у кухонного шкафа. Рукава ее рубашки были закатаны по локоть, обнажая не менее волосатые, чем у Джуда, предплечья.

– Мне не довелось узнать романтическую историю вашего знакомства.

– Мы оба гуляли по Центральному парку, – ответил Джуд. – Собирали ромашки. Разговорились и решили устроить пикник.

– Может быть. Или вы встретились в одном из грязных развратных клубов.

– Вы знаете, теперь и я припоминаю. Наверное, мы встретились именно в грязном развратном клубе.

– Ты так ешь, будто сто лет еды не видал.

– Мы не успели пообедать.

– С чего эта спешка? Что там творится во Флориде, если вам так не терпится туда попасть? Твои приятели устраивают главную оргию сезона?

– Вы сами делали салат?

– А кто же еще.

– Очень вкусно.

– Дать рецепт?

В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь позвякиванием вилки по фаянсу и стуком собачьего хвоста по полу. Бэмми откровенно разглядывала Джуда. Наконец, чтобы нарушить молчание, Джуд спросил:

– Почему Мэрибет зовет вас Бэмми?

– Это сокращенная форма моего имени, – ответила Бэмми. – Вообще я Алабама. Эм-Би зовет меня Бэмми с тех пор, когда ходила в мокрых штанишках.

При этих словах кусок холодного куриного мяса попал Джуду в дыхательное горло. Он закашлялся, стал бить себя в грудь, из глаз полились слезы.

– Неужели? – выговорил он с трудом, когда сумел отдышаться. – Наверное, глупый вопрос, но, может быть, вы бывали на одном из моих концертов? Или видели меня на совместном шоу с «Эй-СиДи-Си» в тысяча девятьсот семьдесят девятом году?

– Вряд ли. Мне подобная музыка никогда не нравилась, даже в молодые годы. Толпа горилл прыгает по сцене, матерится и орет так, что смотреть больно. Вот если бы ты открывал концерт «Бэй-сити-роллерс»¹, там я тебя могла бы видеть. А что?

Джуд вытер выступивший на лбу пот и вздохнул с облегчением, стараясь скрыть свои чувства.

– Я когда-то знал одну девушку по имени Алабама.

– Как вы умудрились так израниться? На вас обоих живого места нет.

– В Виргинии мы остановились в мотеле и пошли поесть в закусочную. Когда возвращались, нас чуть не сбила машина.

– Чуть? Выглядите вы так, как будто сбили вас по полной программе.

– Мы шли по туннелю под железной дорогой. А парень въехал на своем джипе прямо в стену. Головой разбил лобовое стекло.

– Ну и как он?

– Очухался, наверное.

– Он был пьян?

– Не знаю. Вряд ли.

– А что копы сказали?

– Мы не стали их дожидаться.

– Вы не стали... – начала Бэмми, но почему-то замолчала и выплеснула остатки лимонада в раковину, вытерла рукой рот. Она слегка поджала губы, заметил Джуд, словно лимонад оказался кисловат.

– Так вы торопитесь, – сказала Бэмми.

– Немного.

– Сынок, скажи мне прямо, во что вы вляпались? – Со стороны лестницы послышался голос Джорджи – Джуд, поднимайся ко мне. Полежим немного, может поспим. Бэмми, разбудишь нас через часок, ладно? Нам еще много сегодня рулить.

– Да не надо никуда сегодня ехать. Ты отлично знаешь, что вы можете переночевать у меня.

– Боюсь, это невозможно, – вставил Джуд.

– Ерунда. Уже почти пять часов. Куда бы вы ни ехали, приедете только к ночи.

– Ничего. Мы привыкли не спать по ночам.

Он отнес тарелку в раковину.

Бэмми прищурилась, глядя на него:

– Но не уедете же вы, не поужинав?

– Нет, мэм. Ни в коем случае. Спасибо, мэм. – Она кивнула.

– Приготовлю что-нибудь, пока вы отдыхаете. Ты с юга, я вижу. Откуда именно?

– Из Луизианы. Местечко называется Мурс-Корнер. Вряд ли вы о таком слышали. Там ничего интересного нет.

– Я знаю Мурс-Корнер. Моя сестра после свадьбы вместе с мужем уехала в Слиделл, а Мурс-Корнер совсем рядом. Говорят, там хорошие люди живут.

– Это не про нашу семью, – ответил Джуд и поднялся на второй этаж.

Вслед за ним по лестнице прошлепал Ангус.

Джорджия ждала его на площадке, в прохладном полумраке коридора. После купания она замотала волосы полотенцем, а вместо черной футболки и джинсов надела старую университетскую майку и свободные шорты. В руках она держала плоскую белую коробку, местами разорванную и склеенную коричневым скотчем, который тоже уже начал отходить.

В темном коридоре ее глаза блестели необыкновенно ярко, вспыхивали зеленоватыми искрами. Бледное худенькое лицо оживлялось странным нетерпением.

– Что это? – спросил Джуд, и она развернула коробку так, чтобы он увидел надпись на крышке:

«ОЙЯ. БРАТЬЯ ПАРКЕР. ГОВОРЯЩАЯ ДОСКА».

Проведя Джуда в свою спальню, Джорджия размотала с головы полотенце и бросила его на стул.

Это была маленькая комната со скошенным потолком. В ней едва хватало место для них двоих и для собак. Бон уже свернулась на узкой кровати, придвинутой к стене. Джорджия поцокала языком, похлопывая по подушке, и Ангус одним прыжком оказался возле своей сестры. Немного повозившись, он затих.

Джуд остановился сразу при входе – доска «Ойя» теперь была у него – и медленно оглядел комнату, где Джорджия провела большую часть своего детства. Он не ожидал увидеть столь целомудренную обстановку. Покрывалом служило самодельное стеганое одеяло с аппликацией в виде американского флага. Из плетеной корзинки в углу выглядывало целое стадо пыльных мягких игрушек единорогов различных оттенков бежевого.

В комнате стоял старинный орехового дерева комод с зеркалом, которое меняло наклон. Под раму зеркала были вставлены фотографии. Выгоревшие, с завернувшимися от старости уголками, они являли миру черноволосую девочку-подростка с угловатой мальчишеской фигуркой. На одном снимке она одета в форму «Малой лиги»¹, которая ей явно велика. Из-под кепки забавно торчат уши. На другом она стоит среди подружек – все загорелые, плоскогрудые и немного стесняющиеся открытых купальников. На заднем плане видны пляж и пирс.

Единственный намек на сегодняшнюю Мэрибет нашелся на фотографии, сделанной во время выпускных экзаменов. На ней Джорджия одета в черный плащ и академическую шляпу с плоским верхом. Рядом с девушкой стоят ее родители: слева сухонькая женщина в цветастом платье, только что с прилавка дешевого универмага, а справа мужчина с неудачной прической, не скрывающей лысину, в дешевом спортивном пиджаке, с фигурой, напоминающей картофелину. Джорджия улыбается в камеру, но в припухших глазах проглядывают обида и непримиримость. В одной руке она держит диплом, а другую вскинула в приветственном жесте поклонников дьявола – выставив указательный палец и мизинец с черными ногтями. Так оно дальше и пошло.

В ящике письменного стола Джорджия нашла то, что искала, – коробку спичек. Она склонилась над подоконником, зажигая невысокие темные свечи. Сзади на ее шортах (теперь Джуд мог разглядеть) было напечатано слово «Команда». Ее попа была упругой и крепкой после пяти лет танцев.

– Какая команда? – спросил Джуд.

Она обернулась, озадаченно хмуря брови, потом увидела, куда он смотрит, скосила глаза вниз, на собственный зад, и хмыкнула.

– По гимнастике. Поэтому я и занялась танцами.

– Это там ты научилась бросать ножи?

Во время выступлений в клубах Джорджия пользовалась сценическими реквизитом, но отлично умела обращаться и с настоящими ножами. Однажды она с двадцати футов всадила в бревно финку, чтобы похвалиться перед Джудом, и острое вошло в древесину со смачным четким звуком, за которым последовал более тихий металлический звон – мелодичная музыка подрагивающей стали.

Джорджия смущенно пожала плечами и качнула головой:

– Не-а. Это Бэмми. Она хорошо умеет бросать. Например, шары в боулинге. Мячи. Она здорово подкручивает. Ей было уже пятьдесят с лишним, а ее все звали играть подающей в команду. Никто не мог принять ее подачу. Ее научил метать ножи отец, а меня она.

Все свечи были зажжены, и Джорджия, не раздвигая простые белые занавески, на несколько дюймов приоткрыла оба окна. Тотчас же занавесками заиграл ветерок, и в комнату

брызнули бледные солнечные лучи. Затем ветер стих, и вместе с ним успокоились волны приглушенного света. Свечи горели неярко, но от них распространился приятный аромат, смешанный с прохладным и свежим травянистым запахом с улицы.

Джорджия уселась на пол, скрестив ноги. Джуд опустился на колени напротив нее, хрустнув суставами.

Коробку он поставил между ними, снял крышку и вынул игровое поле. («Можно ли назвать доску "Ойя" игровым полем?» – задумался он.) На коричневом фоне доски были нарисованы буквы, слова «ДА» и «НЕТ», солнце с маниакальной улыбкой и сердитая луна. Поверх ног Джуд установил черную пластиковую стрелку в форме пики с отверстием на конце. Передвигалась она на шарнирах-колесиках.

Джорджия сказала:

– Я боялась, что не найду свою доску. Уже лет восемь не брала ее в руки. Помнишь историю, что я тебе рассказывала, о привидении на заднем дворе?

– Про ее сестру, да?

– Угу. Я тогда испугалась до смерти, а потом мне стало любопытно. Люди все-таки странные существа. Когда я видела девочку во дворе, в смысле – привидение, я хотела, чтобы она исчезла. А потом мне захотелось снова ее увидеть. А если не ее, то кого-нибудь еще – захотелось встретиться с другим призраком.

– За тобой сейчас как раз охотится призрак. Мечта сбылась.

Она рассмеялась.

– Короче. После случая с привидением во дворе я купила в какой-то лавке эту игру. Мы с девчонками много в нее играли. В основном гадали на парней. И частенько я тайком от всех подталкивала стрелку, чтобы получались нужные ответы. Моя подружка Шерил Джейн догадывалась об этом, но всегда притворялась, будто верит, что с нами говорит привидение. Она делала большие круглые глаза, ахала и охала. Я чуть подправлю стрелку – и доска говорит ей, что один из мальчишек держит в своем шкафчике в раздевалке ее белье. Тогда она начинает визжать и кричать что-то вроде: «Я всегда замечала, что он как-то не так на меня смотрит!» – Джорджия потерла затылок, поводила головой из стороны в сторону. Потом добавила, словно невзначай: – А однажды, когда мы гадали вдвоем, только Шерил Джейн и я, доска заговорила по-настоящему. Я стрелку не двигала и ничего не трогала.

– Значит, ее двигала Шерил Джейн.

– Нет. Доска действовала сама, мы обе знали. Я сразу поняла, что это не Шерил, потому что она не разыгрывала свое обычное представление с большими глазами. Она хотела, чтобы стрелка остановилась. А когда привидение сказала нам, кем оно было при жизни, Шерил прошептала, что это совсем не смешно. Я ответила, что я тут ни при чем, и она сказала: хватит. Но руки со стрелки не убрала.

– И кто был тот призрак?

– Ее двоюродный брат Фредди. Он повесился тем летом. Ему было пятнадцать лет. Они были очень близки... Фредди и Шерил.

– Чего он хотел?

– Он сказал, что в сарае его дома лежат фотографии парней в нижнем белье. Попросил нас забрать их оттуда и подробно объяснил, где искать: под одной из половиц. Он боялся, как бы родители не узнали о том, что он голубой. Не хотел расстраивать их еще сильнее. Поэтому он и повесился: не хотел больше быть голубым. Потом он рассказал нам, что души – не мальчики и не девочки, а просто души. Сказал, что голубых вообще не бывает, а он напрасно опечалил маму. Я хорошо помню все, что он тогда сказал нам. И это слово запомнила: «опечалил».

– Так вы нашли фотографии?

– Мы проскользнули потихоньку в сарай на следующий день, нашли оторванную половицу, но под ней ничего не было. Там нас застукал отец Фредди. Он страшно разозлился, сказал, что нечего нам рыться в его сарае, и выгнал нас. Шерил потом заявила, что раз мы не нашли фотографий, значит, все это неправда и я все придумала. Ты не поверишь, как она

рассердилась на меня. Только мне кажется, что фотографии нашел отец Фредди и, скорее всего, уничтожил их, чтобы никто не узнал про его сына-гомика. И кричал он на нас так, потому что испугался: вдруг мы что-то узнали и за теми фотками охотились. – Она помолчала, потом добавила: – Мы с Шерил так и не помирились по-настоящему. Делали вид, будто все в порядке, но больше не ходили вместе. Что меня вполне устраивало. К тому времени я уже спала с отцовским приятелем, Джорджем Рюгером, и мне вовсе не хотелось, чтобы вокруг меня толкались любопытные подружки и расспрашивали, откуда у меня вдруг появилось столько денег.

Занавески поднимались и опадали. Комната то светлела, то скрывалась в сумраке. На кровати протяжно зевнул, Ангус.

– Так как работает твоя доска? – спросил Джуд.

– Ты что, никогда не играл в это? – Джуд покачал головой.

– Ну, мы оба кладем руки на стрелку, – начала она объяснять и потянулась вперед правой рукой, потом передумала и отдернула руку.

Но было слишком поздно. Джуд успел поймать ее запястье. Она сморщилась, инфекция, а вместе с ней и боль поднялась уже до запястья.

Перед душем она сняла старую повязку, но еще не наложила новую. При виде ее кисти у Джуда перехватило дыхание. Рука выглядела так, словно ее не вынимали из горячей воды несколько часов: кожа набухла, сморщилась и побелела. На большой палец страшно было смотреть. В полумраке Джуду показалось, что кожа с него вовсе сошла. Он горел алым цветом, а на подушечке пальца вздулся желтый от гноя нарыв с темным, почти черным, пятном посередине.

– Господи, – выдохнул Джуд.

Бледное осунувшееся лицо Джорджии, наполовину скрытое колеблющимися тенями, было на удивление спокойным. Она отдернула руку.

– Ты хочешь остаться без руки? – воскликнул Джуд. – Хочешь проверить, смертельно ли заражение крови?

– Я уже не так боюсь умереть, как два дня назад. Смешно, правда?

Джуд открыл рот для ответа, но не нашел слов. Его внутренности сжались в тугий узел. То, что происходит с рукой Джорджии, убьет ее рано или поздно. Они оба это знали, и она не боялась.

– Смерть – не конец, – сказала Джорджия. – Теперь я знаю точно. И ты тоже.

– Но это совсем не значит, что ты должна умереть. Что не нужно заботиться о своем здоровье.

– Я не говорю, что я должна умереть. Просто в больницу я не поеду. Мы уже обсуждали это. Ты и сам понимаешь, что собак в операционную и даже в приемную врача не пустят.

– Я богат. Мы вызовем врача на дом.

– Я уже говорила тебе: я уверена, врачи мне не помогут. – Она склонилась вперед, побарабанила пальцами левой руки по спиритической доске. – А вот это важнее любой больницы. Рано или поздно Крэдок сумеет обойти собак. Скорее всего, это случится раньше, а не позже. Од придумает что-нибудь. Они не могут защищать нас вечно. Мы теряем минуту за минутой, и ты знаешь это. Я совсем не боюсь умереть, но я хочу знать, что на той стороне меня не поджидает Крэдок.

– Ты больна. От жара ты ничего не соображаешь. Эти фокусы вуду не помогут. В отличие от антибиотиков.

– Ты мне поможешь, – перебила она Джуда, глядя ему в лицо яркими живыми глазами, – если заткнешься и положишь руку на стрелку.

Джорджия сказала, что говорить будет она, и положила пальцы левой руки на стрелку рядом с его пальцами. Планшетка, вот как называется эта доска, вспомнил Джуд. Джорджия глубоко вздохнула, и Джуд взглянул на нее. Она зажмурила глаза – не так, как перед впадением в мистический транс, а будто собиралась с духом, чтобы спрыгнуть с большой высоты.

– Начали, – решила она. – Меня зовут Мэрибет Стейси Кимболл. В течение нескольких лет, не самых веселых, я называла себя Морфина, а вот этот парень, что сидит сейчас рядом, зовет меня Джорджией, хотя меня это страшно раздражает. Но истинное мое имя Мэрибет. – Она приоткрыла один глаз на миллиметр, взглянула сквозь ресницы на Джуда. – Теперь представься ты.

Но он не успел ничего сказать – Джорджия перебила его:

– Только назови свое настоящее имя. Имя, принадлежащее твоему истинному «я». Правильные слова несут в себе силу. Силу, которая нужна, чтобы призвать мертвых в мир живых.

Джуд чувствовал себя крайне глупо. Он считал, что подобная чушь никак им не поможет, они понапрасну тратят время и ведут себя как дети. Но его карьера не раз предоставляла ему возможность выставить себя дураком. Однажды, снимаясь в каком-то видео, он с ребятами из группы – Диззи, Джеромом и Кении – в притворном ужасе бегал по полю цветущего клевера, спасаясь от гнома в грязном наряде и с бензопилой в руках. Постепенно Джуд развил в себе, если можно так выразиться, иммунитет к страху показаться смешным или глупым. И сейчас он растерялся не оттого, что не желал говорить, а потому что искренне не знал, что сказать. В конце концов, поглядывая на Джорджию, он произнес:

– Меня зовут... Джастин. Джастин Ковзински. Кажется. Хотя я не откликался на это имя лет с девятнадцати, – Джорджия снова закрыла глаза и погрузилась в себя. Между ее тонкими бровями появилась складка – зарождающаяся морщинка. Тихо, медленно она произнесла:

– Хорошо. Вот кто мы такие. Мы хотим поговорить с Анной Макдермотт. Джастин и Мэрибет просят у тебя помощи. Ты слышишь нас, Анна? Анна, согласна ли ты говорить с нами?

Они ждали. Колыхались тени. На улице кричала детвора.

– Будет ли кто-нибудь говорить с Джастином и Мэрибет? Скажет ли нам что-нибудь Анна Макдермотт? Пожалуйста. Мы в беде, Анна. Пожалуйста, выслушай нас! Пожалуйста, помоги нам. – Потом прибавила шепотом обращаясь к стрелке: – Ну же, давай, шевелись.

Во сне тихонько фыркнула Бон – будто кто-то шаркнул резиновой подошвой по полу.

– Она не знала меня, – сказала Джорджия. – Ты позови ее.

– Анна Макдермотт? Слышит ли нас Анна Макдермотт? Прошу немедленно подойти к справочной «Ой», – громогласно провозгласил Джуд голосом информационного диспетчера.

Джорджия растянула губы в невеселой усмешке.

– Ну да, я так и знала, что ты не выдержишь и станешь паясничать. Перестань.

– Извини.

– Позови ее. Позови по-настоящему.

– Твоя доска не работает.

– Ты даже не попробовал.

– Попробовал.

– Нет, не попробовал.

– Все равно ничего не выйдет.

Он ожидал, что Джорджия рассердится, но вместо этого ее улыбка стала шире, и она ласково взглянула на него. Ему сразу не понравилась такая ласковость.

– Она ведь ждала, когда ты позовешь ее, ждала до самой смерти. Конечно напрасно. А ты тоже ждал, да? Целую неделю, прежде чем продолжить свое путешествие по штатам в поисках легкой добычи.

Он вспыхнул. Тогда не прошло и недели.

– Кто бы говорил, – буркнул он, – тем более легкой добычей оказалась именно ты.

– Я знаю, и меня тошнит от этого. Положи! Руку! На стрелку! Мы еще не закончили.

Джуд действительно потихоньку придвигал руку к себе, но после такого взрыва Джорджии послушно вернул ее обратно.

– Меня тошнит от нас обоих. От тебя – потому что ты такой, а от себя – потому что

позволяю тебе таким оставаться. А теперь хватит шутить. Зови Анну. Ко мне она не придет, а к тебе – может. Она ждала до конца, и хватило бы одного твоего слова, чтобы она примчалась к тебе. Может, и теперь его хватает.

Джуд уставился на доску – на старинный шрифт, на солнце, на луну.

– Анна, ты здесь? Анна Макдермотт, придешь ли ты к нам?

Стрелка оставалась мертвым недвижимым куском пластика. Джуд чувствовал себя глубоко увязшим в мире реального и обыденного. Ничего не выйдет. Он устал держать руку на стрелке. Ему не терпелось подняться и покончить с этой чепухой.

«Джуд. Джастин».

Он взглянул на свои пальцы, на доску под ними, попытался понять, что не так, и через миг до него дошло. Джорджия сказала, что сила есть только в истинных именах, что только правильные слова возвращают мертвых к живым. Имя Джастин – это не его истинное имя. Он оставил Джастина Ковзински в Луизиане в возрасте девятнадцати лет. Человек, вышедший из автобуса в Нью-Йорке сорок часов спустя, был совершенно другим. Он мог делать и говорить такие вещи, о каких Джастин Ковзински и не помышлял. И это не единственная ошибка. Они звали: Анну Макдермотт. Джуд никогда ее так не называл. Когда они жили вместе, она не была Анной Макдермотт.

Флорида, – произнес Джуд шепотом. Он заговорил и сам удивился тому, как спокойно и уверенно звучала его голос. – Вернись и поговори со мной, Флорида. Это Джуд, милая. Прости, что не позвал тебя раньше. Я зову тебя сейчас. Ты здесь? Ты слышишь меня? Ты еще ждешь меня? Я пришел. Я здесь.

Планшетка подпрыгнула под их пальцами, будто снизу кто-то с силой ударил по доске. Джорджия подпрыгнула вместе с ней и испуганно вскрикнула. Больной рукой она схватила себя за горло. Ветер подул в другую сторону, потянул за собой занавески, прижал их к окну и погрузил комнату в сумрак. Поднял голову встревоженный Ангус, сверкнул глазами – неестественно яркими в слабом свете свечей.

Левая рука Джорджии оставалась на стрелке. Как только доска улеглась, стрелка задвигалась. Это было так дико, что сердце Джуда бешено забилося. Казалось, что на планшете, между их пальцами, появилась еще одна, третья рука, и она двигала стрелку по доске, без предупреждения вела ее то туда, то сюда. Стрелка скользила, касалась одной буквы, на миг замирала, а потом бежала под их пальцами с такой скоростью, что кисть Джуда выворачивалась.

– Ч., – прочитала Джорджия, задышавшись. Ей не хватало воздуха. – Т. О.

– Что, – расшифровал Джуд. Стрелка продолжала выбирать буквы, и Джорджия называла их вслух. Джуд слушал и складывал слова.

– Задержало. Тебя.

Стрелка сделала пол-оборота – и остановилась, слабо поскрипывая на шарнирах.

– Что задержало тебя, – повторил Джуд.

– А если это не она? Вдруг это он? Как мы поймем, кто с нами разговаривает?

Стрелка двинулась, когда Джорджия еще не договорила. Словно, подумал Джуд, ты держишь палец на пластинке, а она вдруг начинает вращаться. Джорджия:

– П. О. Ч. Е...

Джуд:

– Почему. Небо. Голубое. – Стрелка остановилась. – Это она. Она всегда говорила, что предпочитает задавать вопросы, а не отвечать на них. Такая у нас была шутка.

Это была она. В его голове проносились картины, серия ярких снимков. Вот она на заднем сиденье «мустанга», на сиденье из белой кожи – практически голая, за исключением ковбойских сапог и смешной шляпы с перьями – озорно смотрит на него из-под широких полей. Вот она дергает его за бороду за сценой во время шоу Трента Резнора, и он прикусывает губу, чтобы не закричать. Вот она мертвая в ванной (этого он не видел в реальности, только представлял), вода как чернила, а ее отчим в черном костюме гробовщика стоит у ванны на коленях, словно молится.

– Давай, Джуд, отвечай ей.

Голос Джорджии, напряженный, чуть громче шепота, вывел его из оцепенения. Он поднял на нее глаза – она дрожала, хотя лицо ее покрывали капли пота. В темных глазницах сверкали глаза... лихорадочные, измученные глаза.

– Что с тобой?

Джорджия тряхнула головой: «Оставь меня». По ее телу пробежала судорога. Левую руку она продолжала держать на стрелке.

– Говори с ней. – Джуд снова посмотрел на доску. Черная луна в одном из углов хохотала, разинув черный рот. Разве она не хмурилась минуту назад? Из противоположного угла доски на луну выла черная собака. Никакой собаки раньше тут не было, Джуд в этом не сомневался.

– Я не знал, как помочь тебе. Извини, малышка. Как бы я хотел, чтобы ты влюбилась не в меня, а в кого-нибудь другого. В кого-нибудь, кто не прогнал бы тебя прочь, когда стало трудно...

– Т. Ы. С. Е... – читала Джорджия тем же напряженным задыхающимся голосом. Джуд слышал этот голос и понимал, как непросто ей сдерживать усиливающуюся дрожь.

– Ты. Сердишься.

Стрелка застыла.

Джуда переполнили чувства, много чувств разом. Он не знал, как выразить их словами. Оказалось, это простор.

– Да, – сказал он. Стрелка метнулась к слову «НЕТ». – Зачем ты это сделала?

– С. Д. Е...

– Сделала, – прочитал Джуд. – Что сделала? Ты знаешь что. Вскрыла себе...

Стрелка снова указывала на слово «НЕТ».

– Что значит «нет»? Джорджия громко повторяла за стрелкой буквы:

– Я. Н. Е. М.

– Я. Не. Могу. Ответить. – Стрелка вновь остановила свой бег. Джуд подумал немного, а потом понял. – Она не может отвечать на вопросы. Она может только спрашивать.

Но Джорджия уже читала дальше:

– О. Н. П. Р. Е...

Ее сотрясала дрожь – так сильно, что стучали зубы. Когда Джуд бросил на нее обеспокоенный взгляд, он увидел, что изо рта девушки выбивается пар, словно она находится в холодильной камере. Но сам он не заметил, чтобы в комнате стало холоднее или теплее.

И его поразили ее глаза. Джорджия не смотрела ни на стрелку, ни на него – никуда. Расширившиеся зрачки не двигались. Уставившись в пространство, Джорджия называла буквы, стоило стрелке притормозить у одной из них. Но она не видела, что происходит на доске.

– Он, – прочитал Джуд вслед за Джорджией, которая уже говорила с трудом. – Преследует. Тебя.

Джорджия перестала называть буквы, и Джуд понял, что вопрос задан.

– А-а. Да. Он думает, что ты убила себя из-за меня, и теперь хочет сравнять счет. «НЕТ».

Стрелка задержалась на этом слове на долгую, полную драматизма секунду, а потом снова отчаянно заметалась по доске.

– П.О.Ч.Е.М... – одну букву за другой произносила Джорджия.

– Почему. Ты. Такой. Идиот. – Джуд замолчал, опешив. На кровати взвизгнула одна из овчарок.

Потом Джуд понял. На мгновение он потерял ориентацию в пространстве в приступе сильного головокружения. Временами он испытывал такое, если резко поднимался. А еще он подумал, что так, наверное, чувствуешь себя, когда под ногами ломается пропитанный влагой лед – в самый последний невыносимый миг перед тем, как уйти под воду.

– Ублюдок, – сдавленным от ярости голосом произнес Джуд. – Какой ублюдок.

Он заметил, что Бон проснулась и опасливо смотрит на доску «Ойя». Ангус тоже следил за тем, что происходит, постукивая по кровати хвостом.

– Что нам делать? – спросил Джуд. – Он гонится за нами, и мы не знаем, как избавиться от него. Ты можешь нам помочь?

В отверстии на кончике стрелки виднелось слово «ДА».

– Золотая дверь, – прошептала вдруг Джорджия. Джуд посмотрел на нее – и оторопел. Ее глаза выкатились из орбит, так что видны были одни белки, а все тело безостановочно сотрясалося крупной дрожью. Лицо, которое и раньше было бледнее воска, стало еще бесцветнее и приобрело жуткую прозрачность. Клубы белого пар вырывались из серых губ. Он услышал, как закричала стрелка, катясь по доске, и торопливо перевел взгляд обратно. Джорджия молчала, не называла букв, поэтому он сам составлял слова и фразы.

– Кто. Будет. Дверью. Кто будет дверью?

– Я буду дверью, – сказала Джорджия.

– Джорджия? – не понял Джуд. – О чем ты? – Стрелка ожила. Джуд больше не произносил слов вслух, просто следил за стрелкой, которая лишь на краткий миг приостанавливала свой бег над нужными буквами и вновь пускалась в путь. «Ты. Проведешь. Меня».

– Да, – отвечала Джорджия. – Если разрешишь. Я сделаю дверь и проведу тебя, и тогда ты остановишь его.

«Ты. Клянешься».

– Клянусь, – сказала Джорджия. От страха ее голос срывался. – Клянусь. Богом клянусь. Я клянусь. Я сделаю все, только я не знаю, что надо сделать. Я готова, я на все готова, только скажи что.

«У. Тебя. Есть. Зеркало. Мэрибет».

– Зачем? – спросила Джорджия, моргая и с трудом опуская глаза, чтобы слепо оглядеть комнату. Она повернула голову к комоду. – Есть одно...

Она завопила. Пальцы левой руки взлетели со стрелки, обеими руками она зажала себе рот, пытаясь подавить крик. В тот же миг Ангус вскочил на лапы и залаял, глядя туда же, откуда не могла отвести взгляд Джорджия. Джуд развернулся, чтобы посмотреть, – его рука тоже отпустила стрелку, которая все равно продолжала вращаться. Так ребенок выписывает круги на новом велосипеде.

Зеркало на комодe имело такой наклон, что Джуд видел в нем Джорджию, сидящую на полу, себя и доску «Ойя» между ними. Только в зеркале глаза Джорджии скрывал черный шарф, а горло перечеркивала ножевая рана. Из раны, похожей на красный, непристойно ухмыляющийся рот, на футболку лилась кровь.

Ангус и Бон спрыгнули с кровати одновременно. Бон, оскалась, опустилась на пол возле спиритической доски. Как мышь, не успевшая спрятаться в норке, стрелка оказалась в пасти собаки и разлетелась вдребезги между мощными клыками.

Ангус же бросился к комоду, поставил на него передние лапы и ожесточенно залаял на зеркало. Комод под его весом накренился и встал на задние ножки. Зеркало могло свободно вращаться на креплении, и оно качнулось назад, обратив отражающую поверхность к потолку. Ангус отпрыгнул, встав на четыре лапы, и через мгновение комод тоже опустился на все четыре ноги. Зеркало повернулось обратно, и в нем опять отразилась Джорджия. Только теперь это было ее реальное отражение. Кровь и черный шарф исчезли в предвечерней прохладе.

Джуд и Джорджия растянулись на ее старой узкой кровати. Она была слишком мала для двоих, и, чтобы уместиться, Джорджии пришлось повернуться на бок и закинуть одну ногу на бедро Джуда, а голову она положила ему на плечо, уткнувшись холодным носом в шею.

Он же словно онемел. Нужно было обдумать случившееся, но Джуд не мог заставить

свои мысли вернуться к тому, что он увидел в зеркале и что хотела сказать этим Анна. Мозг просто отказывался повиноваться. Хотя бы на несколько минут он хотел забыть о смерти. Смерть давила на него, обступала со всех сторон. Смерть каждого из близких становилась еще одним камнем на его груди: смерть Анны, Дэнни, Диззи, Джерома, вероятность собственной скорой смерти и смерти Джорджии. Под тяжестью их он не мог вздохнуть, не мог шевельнуться.

Джуду казалось, что, пока он ничего не говорит, а лишь тихо лежит на узкой кровати, они с Джорджией могут оставаться в этом мгновении бесконечно долго и лишь занавески будут слабо колыхаться на ветру. То плохое, что ждет их за ближайшим поворотом, никогда не случится. Пока он лежит на кровати рядом с Джорджией пока ее тело прижимается к его боку, пока он чувствует на себе вес ее прохладного бедра, невообразимое будущее не наступит.

И все-таки оно наступило. В дверь тихо постучала Бэмми и приглушенным, неуверенным голосом спросила:

– Как вы там, в порядке?

Джорджия приподнялась на локте, провела тыльной стороной ладони по глазам. Джуд и не заметил, что она плакала. Поморгав немного, она криво улыбнулась – по-настоящему, а не понарошку. Хотя чему она сейчас может улыбаться, Джуд не понимал.

Умытое слезами лицо и эта улыбка разрывали его сердце своей детской, легкой искренностью. Они словно говорили ему: «Ну что ж, ладно. Не всегда жизнь складывается так, как нам хочется». И он понял: Джорджия считает, что увиденное в зеркале – нечто вроде предсказания и предотвратить это невозможно. В душе у Джуда все перевернулось. Нет. Нет. Пусть лучше Крэдок добьется своего и убьет Джуда, но Джорджия не умрет в луже крови. Зачем Анна показала им такое? Что она хотела сказать?

– Эм-Би? – позвала Бэмми.

– Все хорошо, – отозвалась Джорджия. Молчание. А затем еще вопрос:

– Вы там не ссоритесь, а? Я слышала какой-то грохот.

– Нет! – воскликнула Джорджия, почти негодуя на подобное предположение. – Богом клянусь, Бэмми, мы не ссоримся. А за шум извини.

– Ладно, – сказала Бэмми. – Вам ничего не надо?

– Чистые простыни, – ответила Джорджия.

Снова тишина за дверью. Джуд почувствовал, что тело Джорджии тихонько подрагивает от сдерживаемого смеха. Она закусила нижнюю губу, чтобы не расхохотаться. И его тоже охватило внезапное неудержимое веселье. Он зажал рот рукой, но пойманный в ловушку смех не сдавался, щекотал ему грудь и горло.

– Господи Иисусе, – донесся до них голос Бэмми. Похоже, ей хотелось плюнуть в их сторону. – Господи, Иисусе.

Ее шаги удалились и смолкли.

Джорджия упала на Джуда, крепко прижалась к нему прохладным влажным лицом. Он обнял ее, и так, в объятиях друг друга, они вдоволь нахохотались.

После ужина Джуд сказал, что ему надо позвонить, и оставил Джорджию и Бэмми вдвоем. На самом деле никуда звонить ему было не нужно, но он догадывался, что Джорджии приятно побыть с бабушкой и им обоим проще разговаривать без него.

Но на кухне, со стаканом лимонада в руке и совершенно без дела, он все же взялся за телефонную трубку. Подумал, что стоит воспользоваться случаем и проверить сообщения на автоответчике в офисе. Эта простая мысль поразила его. Ему казалось странным заниматься столь обыденным и приземленным делом, как проверка сообщений, после всего, что им довелось пережить за день, – от столкновения с Крэдоком в закусочной до разговора с Анной в спальне Джорджии. С момента первой встречи с покойником Джуд так переменялся, что уже не воспринимал себя в качестве того человека, каким был до этой встречи. Карьера, образ жизни, бизнес и искусство, занимавшие его последние тридцать лет, потеряли в глазах

Джуда всякую ценность. Он набрал номер, наблюдая за своей рукой так, будто она принадлежала кому-то другому. Он чувствовал себя зрителем, наблюдающим за действиями актера – актера, который играл самого себя.

Его ждали пять сообщений. Первое от Херба Гросса, его бухгалтера и делового партнера. Голос Херба, обычно маслянистый и самодовольный, в записи звучал хрипло и напряженно.

– Я только что узнал от Нэн Шрив, что Дэнни Вутен найден мертвым в своей квартире. По-видимому, он повесился. Мы все в большом смятении, как ты, должно быть, догадываешься. Позвони, когда услышишь меня. Я не знаю, где ты. Никто этого не знает. Спасибо.

Затем шло сообщение от инспектора Бима. Он уведомил Джуда о том, что полиция Пайклифа желает обсудить с ним одно важное дело, и попросил перезвонить. Следом Джуд услышал голос Нэн Шрив – своего адвоката. Нэн сказала, что она все держит под контролем, что полиция лишь хотела взять у него показания относительно Дэнни, и тоже попросила перезвонить.

Четвертое сообщение оставил Джером Пресли. Он погиб четыре года назад, когда на скорости около ста миль в час направил свой «порше» в плакучую иву.

– Привет, Джуд. Похоже, скоро наша группа снова соберется вместе, а? Джон Бонхам на ударниках, Джоуи Рамон на бэк-вокале. – Он засмеялся, потом заговорил в своей обычной неторопливой манере. Хрипотца в голосе Джерома всегда напоминала Джуду комика Стива Раша. – Слышал, ты водишь сейчас восстановленный «мустанг». Что всегда нас объединяло, Джуд, так это машины. Подвеска, двигатель, спойлеры, аудиосистемы, «мустанги», «сандерберды», «чарджеры», «порше». Знаешь, о чем я думал, когда сворачивал в ту ночь с дороги? Я думал обо всем том дерьме, что я не сказал тебе. О том, о чем мы с тобой не разговаривали. Как ты подсадил меня на кокаин. Как ты сам сумел бросить да еще имел наглость заявить мне, что, если я не брошу, ты выгонишь меня из группы. Как ты дал Кристин деньги на обустройство, когда она ушла от меня – сбежала с детьми, не сказав ни слова. Как ты нанял ей адвоката. Вот так ты понимаешь дружбу. Или о том, как ты отказался одолжить денег мне, когда я потерял все – дом, машины. А я как дурак позволил тебе жить у меня, когда ты только-только приехал из своей Луизианы, не имея за душой и тридцати баксов. – Джером опять рассмеялся хриплым, резким смехом курильщика. – Ну ладно, у нас еще будет шанс поговорить, и довольно скоро. Судя по всему, со дня на день. Ведь ты уже едешь по ночной дороге. Я знаю, куда ведет эта дорога. Прямо в проклятое дерево. Они снимали меня с веток, тебе говорили? Кое-что, правда, пришлось соскребать с лобового стекла. Я скучаю по тебе, Джуд. Жду не дождусь, когда смогу обнять тебя. Снова запоем, как в старые времена. Здесь все поют. Правда, песни больше похожи на крики. Вот, послушай. Слушай хорошенько, как они кричат.

Последовала небольшая пауза, словно Джером отнял трубку от уха и отодвинул на вытянутой руке, чтобы Джуду было лучше слышно. Звуки, дошедшие до него сквозь эфир, не походили ни на какой другой звук или шум, слышанный ранее. Чуждые и ужасные, они напоминали гудение пчел, усиленное в сотни раз, грохот и лязг небывалых механизмов или паровой пресс, со свистом жадно падающий вниз. Если прислушаться, то в этом гудении можно было разобрать слова – нечеловеческие голоса, зовущие маму или молящие пощадить.

Джуд готов был стереть последнее сообщение, не прослушивая. Он ожидал услышать еще одного мертвеца, но оказалось, что звонила присматривающая за отцом Арлин Уэйд. Она была так далеко от его мыслей, что Джуд не сразу понял, кому принадлежит этот старческий монотонный голос. Когда он вспомнил, ее краткое сообщение уже подходило к концу.

– Здравствуй, Джастин, это я. Хотела сообщить тебе последние новости о состоянии твоего отца. Не приходил в сознание уже тридцать шесть часов. Сердце работает неровно. Подумала, вдруг тебе интересно узнать. Боли он не испытывает. Если хочешь, звони.

Повесив трубку, Джуд наклонился, оперся ладонями о подоконник и выглянул в

надвигающиеся сумерки. Окно было открыто, и налетавший ветерок приятно охлаждал кожу рук под закатанными до локтей рукавами. В воздухе веяло ароматом цветов. Квакали лягушки.

Джуд мысленно представил отца: старик, вытянувшийся на узкой койке, худой, без сил, с поросшим белой щетиной подбородком, с впалыми серыми висками. Джуду даже показалось, что он ощущает запах отца: смесь застарелого кислого пота и вони, присущей всему дому, – в нее внесли свой вклад куриное дерьмо, свиной загон и табачный дым, навсегда пропитавший занавески, одеяла, обои. Джуд покинул Луизиану, убегая не только от отца, но и от этой вони.

Он бежал, бежал и бежал, он делал музыку, он делал миллионы, он тратил жизнь на то, чтобы увеличить расстояние между ним и стариком. А теперь, если повезет, он может умереть в один день с отцом. Они вместе пойдут по ночной дороге. Или не пойдут, а поедут, разделят пассажирское кресло в дымчатом пикапе Крэддока Макдермотта. Они будут сидеть так близко друг к другу, что Мартин Ковзински положит костлявую руку Джуду на плечи. Машину наполнит его запах. Запах дома.

Так пахнет в аду, и они поедут туда вместе, отец и сын, под присмотром отвратительного шофера с серебристым ежиком, в черном костюме гробовщика, а радио будет настроено на какое-нибудь политическое ток-шоу. Если ад существует, то это ток-шоу по радио. И семья.

В гостиной Бэмми что-то негромко рассказывала, Джорджия смеялась. Джуд с удивлением отметил, что автоматически улыбнулся, услышав ее смех. Где она берет силы, чтобы смеяться после всего случившегося с ними, было выше его понимания.

Джуд больше всего ценил именно смех Джорджии – его глубокую хаотическую музыку и то, как она полностью отдавалась ему. Ее смех пробудил Джуда, вернул к реальности. Часы на микроволновке показывали начало восьмого. Сейчас он войдет в гостиную, присоединится на пару минут к бабушке и внучке, поболтает с ними ни о чем, а потом улучит момент и бросит на Джорджию многозначительный взгляд: пора в путь.

Он принял это решение и уже выпрямился, отходя от окна, когда его внимание привлекло тихое, немного не в тон пение: «Бай-бай, бэй-би». Он развернулся на пятках и бросил настороженный взгляд в окно, на задний дворик Бэмми.

Уличный фонарь, стоящий за забором, освещал дальний угол двора. Его голубоватый свет падал через штaketник на большой ветвистый орех, с которого свисала веревка. Под деревом на корточках сидела девочка – ребенок лет шести или семи. На ней было простое платье в красную и белую клетку, волосы собраны на затылке в хвостик. Она напевала негромко старую песенку Дина Мартина о том, что пора отправляться в путь за мечтой. Девочка сорвала одуванчик, сделала глубокий вдох и дунула. В воздухе рассыпались семена-парашютики – сотня белых зонтиков, исчезающих в сумраке вечера. Вообще-то их не должно было быть видно, но они слабо фосфоресцировали, отчего казались необыкновенно медлительными искорками. Девочка подняла голову и повернула ее в сторону открытого окна. Джуду почудилось, что она смотрит прямо на него, но наверняка сказать он не мог: ее глаза закрывали черные подвижные каракули.

Это была Рут. Да, ее звали Рут. Двойняшка Бэмми, та, что пропала в пятидесятых годах. Родители позвали девочек обедать. Бэмми помчалась в дом, а Рут задержалась, и больше ее никто не видел... живой.

Джуд открыл рот – что он собирался сказать, он и сам не знал, – но не сумел издать ни звука.

Он не мог ни шевельнуть губами, ни просто вздохнуть.

Рут перестала петь, и вечер стал абсолютно безмолвным, стихли даже лягушки и насекомые. Девочка вдруг обернулась в сторону аллеи, идущей за забором. Она улыбнулась, маленькая ладошка взлетела в приветственном взмахе, будто за забором стоял кто-то знакомый – например, добродушный сосед. Но в аллее было пусто. На земле валялись газетные листы, поблескивало битое стекло, между кирпичами пробивались сорняки. Рут

выпрямилась и медленно направилась к забору. Ее губы шевелились – она беззвучно разговаривала с человеком, которого не было. Но ведь Джуд слышал, как она пела. Когда он перестал ее слышать? Когда она перестала петь.

Рут встала у самого забора, и Джуд встревожился, словно на его глазах ребенок собирался шагнуть на оживленную трассу. Он хотел окликнуть девочку, но не мог, в груди не было воздуха.

А потом вспомнил, что рассказывала ему Джорджия. Люди, видевшие Рут, всегда хотели позвать ее, предупредить, что она в беде, что нужно убегать оттуда, но почему-то не могли этого сделать. Потрясенные видением, они теряли дар речи. В голове у Джуда непонятно откуда возникла совершенно нелогичная мысль: Рут – это воплощение всех девочек, которых он знал и которым он помог: это и Анна, и Джорджия. Если он произнесет имя девочки, отвлечет ее, даст понять, что ей грозит опасность, тогда будет возможность все изменить. Тогда они с Джорджией сумеют победить покойника и выжить.

Но голос не слушался. Джуд сходил с ума от собственного бессилия, от того, что он вынужден молча наблюдать за происходящим. Он размахнулся и стукнул перебинтованной рукой по подоконнику, взорвав в ладони фонтан боли, и все-таки не мог выдавить из сухого, странно сузившегося горла ни звука.

У его ног уже несколько минут крутился Ангус. Пес вздрогнул, когда Джуд ударил кулаком по дереву, поднял голову и нервно лизнул его руку. Шершавое горячее прикосновение собачьего языка к голой коже подействовало мгновенно. Оно буквально выдернуло Джуда из немого паралича так же быстро, как совсем недавно смех Джорджии вырвал его из трясины отчаяния. Его легкие наполнились воздухом, и он закричал:

– Рут!

И она обернулась. Она услышала его. Она услышала его.

– Беги оттуда. Рут! Беги к дому! Скорее!

Рут кинула быстрый взгляд назад, на темную пустую аллею, а потом покачнулась, делая шаг к дому. Она не успела закончить этот шаг: ее белая тонкая рука вздернулась, словно девочку потащила вверх невидимая веревка.

Это была не веревка, а невидимая рука. Через миг девочка оказалась над землей, поднятая тем, кого не было. Худые ноги беспомощно дергались в воздухе, одна сандалия свалилась и пропала в темноте. Она сопротивлялась, болтаясь в воздухе, но невидимая рука неумолимо поднимала ее выше и выше. Лицо Рут было обращено к Джуду, полное мольбы и страха. Даже черные линии перед глазами не скрывали ее отчаянного взгляда. Невидимые силы несли девочку через забор.

– Рут! – крикнул он снова, повелительно и громко.

Таким криком он со сцены обращался к легионам поклонников.

Но она таяла, уносимая в дальний конец аллеи. Теперь ее платье было в серо-белую клетку, волосы – цвета лунного серебра. Свалилась и вторая сандалия, плюхнулась в лужу и пропала. По поверхности грязной воды некоторое время бежали круги – словно сандалия каким-то невозможным образом упала из прошлого в настоящее. Рот Рут был раскрыт, но она не могла кричать. Джуд не знал почему. Может, тот невидимый человек, что тащил ее, зажал ей рот рукой. Девочка промелькнула в ярко-голубом свете фонаря и исчезла. Только ветер шелестел старой газетой, только шуршание бумаги нарушало тишину. Ангус негромко взвыл и снова лизнул руку Джуда. Он же не в силах был отвести взгляда от аллеи. Во рту разлилась горечь. Барабанные перепонки ломило.

– Джуд, – слышался голос Джорджии.

Он увидел ее отражение во втором окне над раковиной. Ее глаза скрывала черная пляска штрихов. Рядом – его собственное отражение с такими же черными каракулями поверх глаз. Они оба мертвы. Просто еще не перестали двигаться.

– Что случилось, Джуд?

– Я не смог спасти ее, – сказал он. – Девочку. Рут, я видел, как ее забрали. – Джуд не стал рассказывать Джорджии о том, что вместе с девочкой исчезла и надежда на их спасение.

– Я звал ее. Я кричал, но изменить ничего не сумел.

– Потому что это невозможно, дорогой мой.

К ним присоединилась Бэмми. Джуд развернулся к Джорджии и Бэмми. Джорджия стояла в дверях. Ее глаза были обычными, не скрытыми метками смерти. Бэмми за ее спиной подвинула внучку в сторону, чтобы войти в кухню, а затем подошла к Джуду.

– Ты знаешь историю Руфи? Эм-Би рассказала тебе?

– Она рассказала, что вашу сестру в детстве похитили. Еще она сказала, что иногда ее видят во дворе – видят, как ее похищают. Снова и снова. Теперь я сам это увидел. Я слышал, как она пела. Я видел, как ее уносят.

Бэмми прикоснулась к его руке:

– Не хочешь присесть?

Джуд мотнул головой. Бэмми заговорила снова:

– У меня есть объяснение, почему она возвращается. Почему ее видят. Худший момент в ее жизни случился в этом дворе, когда мы все сидели в доме и обедали. Она осталась одна, она была напугана, и никто не видел, как ее забирают. Никто не обратил внимания на то, что она перестала петь. Для нее это было самое ужасное. Я всегда считала: когда с тобой происходит что-то по-настоящему плохое, тебе нужно, чтобы об этом узнали другие люди. Ты не дерево, которое падает на землю в глухом лесу, и ни кто не слышит треска его ветвей. Давай я тебе хотя бы лимонаду налью?

Только теперь Джуд осознал, что во рту у него пересохло. Он кивнул. Бэмми вынула из холодильника почти пустой кувшин и вылила остатки лимонада в стакан. Занимаясь делом, она не переставала говорить:

– Я всегда считала, что, если кто-то заговорит с ней, ей станет легче. Если в последние минуты жизни она почувствует, что не одинока, это освободит ее. – Бэмми склонила голову набок. Забавный вопросительный жест, Джуд миллион раз видел его в исполнении Джорджии. – Возможно, ты действительно помог ей, хотя это неочевидно. Помог, потому что просто позвал по имени.

– Как я ей помог? Ее все равно похитили!

Одним глотком Джуд осушил стакан и поставил его в раковину.

Бэмми стояла рядом. Ее интонации были мягкими успокаивающими.

– Я и не говорю, что ты в силах изменить то, что уже случилось. Это было. Это прошлое. Джуд, все-таки не останетесь ли на ночь?

Ее последний вопрос был совсем далек от их разговора, и Джуду потребовалось время, чтобы понять, о чем его спрашивают.

– Мы не можем, – сказал он наконец.

– Почему?

Потому что любой, кто предложит им помощь, заразится от них смертью. Кто знает, вдруг они уже подвергли жизнь Бэмми серьезной опасности, остановившись на несколько часов в ее доме. Ведь он и Джорджия мертвы, а мертвые тянут живых за собой.

– Потому что это небезопасно, – сказал он, подумав. По крайней мере это было правдой. Бэмми свела брови, нахмурилась в задумчивости. Она, искала слова, чтобы заставить его открыться и рассказать, в какую беду попали он и ее внучка.

Пока она думала, в кухню тихо, на цыпочках, прошла Джорджия, словно боялась помешать. За ней семенила Бон, поглядывая на людей с непониманием и тревогой. Джорджия сказала:

– Видишь ли, Бэмми, не все привидения похожи на твою сестру. Некоторые из них весьма злокозненны. И кое-кто из таких злокозненных привидений проявляет интерес к нам с Джудом. Не проси объяснить тебе, что происходит. Ты сочтешь нас сумасшедшими.

– А вы все-таки попробуйте. Может, я как-нибудь помогу.

– Миссис Фордхэм, – произнес Джуд. – Мы очень благодарны за ваше гостеприимство. И спасибо за ужин.

Джорджия потянулась и дернула Бэмми за рукав. Когда бабка обернулась, девушка

обняла ее своими худыми бледными руками и крепко прижала к себе.

– Ты хороший человек, и я люблю тебя.

Бэмми по-прежнему смотрела на Джуда.

– Может, я могу хоть что-нибудь...

– Не можете, – быстро остановил ее Джуд. – Это как с вашей сестрой на заднем дворе.

Сколько ни кричи, повлиять на происходящее нельзя.

– Я не верю. Моя сестра мертва. Никто не обращал внимания, что она перестала петь, и тогда ее кто-то похитил и убил. Но вы не мертвы. Ты и моя внучка живы, вы здесь, со мной, в моем доме. Не надо сдаваться. Мертвые побеждают, когда ты перестаешь петь и позволяешь им увлечь себя за собой. Когда ты идешь их дорогой.

Эти слова возымели на Джуда странный эффект. В него словно ударила молния. Не надо сдаваться. Нельзя переставать петь. Здесь заключалась какая-то идея, но он пока не понимал, какая именно. Ему мешала уверенность в том, что их с Джорджией песня закончилась. Он поверил, что они такие же мертвые, как девочка во дворе, и это стало препятствием, непреодолимым для любой другой мысли.

Джорджия поцеловала Бэмми в щеку раз, другой и еще раз. Она целовала бабушкины слезы. Наконец Бэмми повернулась к внучке, обняла ее лицо ладонями.

– Останься, – сказала Бэмми. – Заставь его остаться. А если он откажется, пусть едет один, без тебя.

– Я не могу, – ответила Джорджия. – И он прав: нам нельзя впутывать тебя. По-хорошему нам и заезжать к тебе не следовало. Один человек, наш друг, уже умер, потому что бежал от нас недостаточно быстро.

Бэмми прижалась лбом к плечу Джорджии. Ее дыхание было прерывистым и неровным. Она запустила рук в волосы Джорджии, и обе женщины закачались в ритме очень медленного танца.

Когда Бэмми справилась со своими чувствами – на это не потребовалось много времени, – она подняла голову, посмотрела Джорджии в глаза. Лицо у Бэмми покраснело и намекло от слез, подбородок дрожал, но она уже не плакала.

– Я буду молиться, Мэрибет. Я буду молиться за тебя.

– Спасибо, – тихо ответила Джорджия.

– Я рассчитываю на то, что ты вернешься. Я верю, что снова увижу тебя, когда ты поймешь, что делать. А я знаю, ты поймешь. Потому что ты умная и добрая. И потому что ты – моя девочка. – Бэмми шумно вздохнула, искоса глянула на Джуда. – Надеюсь, он стоит тебя.

Джорджия издала тихий конвульсивный смешок – скорее всхлипнула, чем рассмеялась, – и снова обняла Бэмми.

– Ладно, поезжайте, – сказала Бэмми. – Раз надо поезжайте.

– Мы уже уехали, откликнулась Джорджия.

Машину вел Джуд. Потные ладони прилипали к рулю, в животе угнездились неприятное чувство. Хотелось стукнуть по чему-нибудь кулаком. Хотелось быстро ехать, и он летел вперед, проскакивая на желтый свет, когда тот уже сменялся красным. А если не успевал миновать перекресток, и вынужден был ждать зеленого света, то давил на педаль газа, нетерпеливо раскручивая двигатель. Чувство беспомощности, пережитое в доме Бэмми, когда он молча смотрел, как маленькую мертвую девочку волокут в темноту, стало еще сильнее. Оно загустело и превратилось в ярость, оставив во рту привкус кислого молока. Джорджия наблюдала за Джудом некоторое время, потом положила ладонь ему на предплечье. Прикосновение напугало его – кожа девушки казалась влажной и стылой, Джуд вздрогнул. Он хотел сделать глубокий вдох и успокоиться – ради Джорджии, а не ради себя. Ведь нервничать и кипеть от гнева сейчас должна Джорджия, у нее больше на это прав после того, что показала им в зеркале Анна. После того, как она увидела свою смерть. Джуд не

понимал ее спокойствия, невозмутимости, ее заботы о нем. У него самого не хватало сил, чтобы дышать ровно и глубоко. Загорелся зеленый свет. Грузовик, стоящий перед ними, не торопился. Джуд нажал на сигнал.

– Убирай отсюда свою задницу! – заорал он в открытое окно, проносясь мимо грузовика через желтую двойную линию.

Джорджия убрала руку, положила себе на колени. Повернув голову направо, она молча смотрела в окно. Они проехали еще квартал, остановились на перекрестке.

И вдруг она заговорила тихо и удивленно. Она обращалась не к Джуду, а к самой себе, может быть не вполне осознавая, что говорит вслух.

– Ой, смотрите-ка. Мой самый любимый магазин по продаже подержанных машин. Вот бы пулемет сейчас!

– Что? – переспросил Джуд, хотя уже понял, о чем она. Не дожидаясь разъяснений Джорджии, он сворачивал на обочину и давил на тормоз.

Справа от «мустанга» простиралась огромная асфальтированная площадка, уставленная подержанными автомобилями. Освещалась она газовыми фонарями на стальных опорах в тридцать футов высотой. Они возвышались над морем машин стройными рядами инопланетных войск – немой армией, вторгающейся на Землю из другого мира. Между фонарями были натянуты шнуры, и тысячи красных и синих флажков бились на ветру, привнося не совсем уместное здесь ощущение карнавала. Время шло к девяти, но магазин не закрывался. По рядам ходили пары. Они то и дело наклонялись, чтобы разглядеть цифры на приклеенных к лобовым стеклам ценниках.

Джорджия свела брови и приоткрыла рот, что свидетельствовало о ее намерении сердито спросить у Джуда, какого черта он задумал.

– Здесь?

– Что здесь?

– Не притворяйся дурачком. Я про парня, который совратил тебя и сделал проституткой.

– Он не... это не... Я не могу утверждать, что именно он...

– А Я могу. Так он здесь работал?

Она посмотрела на его руки, сжимавшие руль так, что побелели костяшки.

– Да его, наверное, давно здесь нет.

Джуд распахнул дверцу и выскочил из «мустанга». Мимо проносились машины, выплевывая горячие вонючие выхлопные газы, немедленно оседавшие на одежде. С другой стороны вылезла Джорджия. Она настороженно взглянула на Джуда через крышу автомобиля.

– Что ты собираешься делать?

– Найду его для начала. Как его звали?

– Сядь в машину.

– Скажи, кого мне искать. Не заставляй меня колошматить всех подряд.

– Не пойдешь же ты один бить человека, которого даже не знаешь.

– Правильно, один я не пойду. Я возьму с собой Ангуса. – Джуд посмотрел внутрь «мустанга». Ангус уже просунул голову между передними сиденьями, с надеждой глядя на хозяина. – Пойдем, Ангус.

Здоровый черный пес одним движением перебрался на сиденье водителя и оттуда прыгнул на асфальт. Джуд захлопнул дверцу и подошел к Джорджии. К его ноге прижимался могучий торс Ангуса.

– Я все равно не скажу тебе, как его зовут, – сказала Джорджия.

– Ладно. Я поспрашиваю. – Она схватила его за руку.

– Что значит «поспрашиваю»? Что ты собираешься спрашивать? Не спал ли кто-нибудь из них с тринадцатилетней девчонкой?

И тут Джуд вспомнил имя. Оно всплыло в голове без малейших усилий. Он только представил, как вставит в рот убудку пистолет, и сразу вспомнил.

– Рюгер. Его зовут Рюгер. Рифмуется с «люгер».

– Тебя арестуют. Ты никуда не пойдешь.

– Вот почему подлецы вроде него выходят сухими из воды. Потому что люди вроде тебя их защищают. А ведь кто лучше тебя знает об их дерьмовых подвигах.

– Я не его защищаю, придурок, а тебя. – Он вырвал руку из ее пальцев и развернулся. Он был готов сдаться и уже злился на себя за это. И вдруг он заметил, что Ангуса рядом нет. Джуд оглядел ближайшие ряды автомобилей и скоро увидел овчарку в глубине площадки. Ангус как раз обогнул какой-то грузовик и скрывался из виду.

– Ангус! – крикнул он, но в этот миг мимо проезжала грохочущая фура с прицепом, и дизельный рев заглушил все остальные звуки.

Джуд побежал за овчаркой. Обернувшись, он увидел, что вслед за ним спешит Джорджия, у нее белое от тревоги лицо и глаза широко раскрыты. Рядом – оживленная трасса, толпа народу среди выставленных на продажу машин. Потерять собаку в таком месте было бы крайне неудачно.

Джуд приблизился к тому грузовику, около которого видел пса, обогнул его – и вот он, Ангус, сидит на задних лапах в десяти футах от машины и подставляет голову тощему лысому мужчине в синем пиджаке, чтобы тот почесал ему за ушами. Лысый был одним из продавцов. Бэйдж на его груди сообщал всем, что это Рюгер. Рюгер стоял рядом с семейством, одетым в футболки с рекламными надписями. Все члены семейства были полными, и их объемистые фигуры несли дополнительную нагрузку в виде ходячей рекламы. Живот отца продавал пиво «Coors silera bullet», грудь матери приглашала в местный спортивный клуб, а спину и грудь сына, паренька лет десяти, пересекала надпись «Hooters». Стоящий рядом с ними Рюгер казался чуть ли не эльфом, и это впечатление усиливалось его тонкими изогнутыми бровями и острыми ушами с пушистыми мочками. На мокасинах Рюгера болтались кисточки. Джуд ненавидел мокасины с кисточками.

– Вот хороший мальчик, – ворковал Рюгер. – Смотрите, какой славный песик.

Джуд замедлил шаги, чтобы Джорджия догнала его. Девушка встала рядом, но одного взгляда в сторону Рюгера ей хватило, чтобы тут же спрятаться за спину Джуда. Рюгер поднял на них глаза, расплылся в вежливой улыбке:

– Это ваша собака, мэм? – Потом он прищурился.

Постепенно озадаченность на его лице сменилась узнаванием. – Да это же маленькая Мэрибет Кимболл, да какая взрослая и красивая. Только подумать! Приехала навестить родню? Слышал, ты сейчас в Нью-Йорке.

Джорджия не ответила. Блестящими от волнения синими глазами она смотрела на Джуда. Ангус привел их туда, куда нужно, словно он знал, кого они искали. Может быть, Ангус действительно знал? Может быть, это знала собака из черного дыма, живущая внутри Ангуса? Джорджия затрясла головой, показывая Джуду: нет, не надо. Но он не обратил на нее ни малейшего внимания и шагнул в сторону Ангуса и Рюгера.

Рюгер перевел взгляд на Джуда. Его подвижное лицо тут же загорелось от удивления и радости.

– О, господи! Вы – Джудас Койн, известный певец. У моего сына есть все ваши альбомы. Не могу сказать, что мне нравится уровень громкости, на котором он их слушает. – С этими словами Рюгер сунул палец в ухо, будто оглушенный после недавнего столкновения с музыкой Джуда. – Но должен признать, что на мальчика вы производите огромное впечатление.

– Сейчас я и на тебя произведу впечатление, сукин сын, – сказал Джуд и впечатал правый кулак в лицо Рюгера. В носу продавца что-то хрустнуло.

Рюгер пошатнулся, сложился пополам, сжимая нос рукой. Упитанная пара разошлась по сторонам, давая ему дорогу. Их сын с довольной ухмылкой выглядывал из-за плеча отца, стоя на цыпочках и стараясь ничего не пропустить.

Левый кулак Джуд утопил в животе Рюгера. Он еще не почувствовал в полной мере боль, пронзившую раненую ладонь. Он схватил торговца за пиджак, не давая тому упасть на

колени, и швырнул на капот «пontiака», где стоял плакатик с текстом: «Он твой, если хочешь!!! Дешево!!!»

Когда Рюгер попытался привстать, Джуд молниеносно дотянулся до его промежности, нащупал мошонку Рюгера и сдавил пальцами. Тугое желе яичек захрустело в его руке. Рюгер подскочил и завопил. Из его ноздрей лилась темная кровь. Штанины его брюк задрались кверху, и Ангус, подпрыгнув, сомкнул челюсти на стопе продавца, потом дернул мордой, срывая с ноги мокасин.

Толстая женщина прикрыла глаза рукой, но оставили между пальцами щелку и исподтишка следила за дракой.

Он успел пару раз заехать Рюгеру в солнечное сплетение, но потом Джорджия уцепилась за его правый локоть и поволокла Джуда прочь. На полпути к «мустангу» она начала хохотать, а как только они оказались в салоне машины, набросилась на Джуда, кусая его мочки, целуя его поперх бороды, прижимаясь к нему подрагивающим телом.

Ангус долго отказывался выпустить из зубов трофейный мокасин. Джорджия сумела выменять его на печенье, только когда они выехали из пригородов на трассу, а затем привязала ботинок к зеркалу заднего вида за кисточку.

– Нравится?

– Да уж лучше, чем плюшевые игральные кости, – ответил Джуд.

Боль

Дом Джессики Макдермотт Прайс находился в районе относительно новой застройки. Вдоль улиц, которые петляли и изгибались, как кишки, стояли симпатичные в большинстве своем домики, отделанные виниловым сайдингом цвета разных сортов мороженого – ванильного, фисташкового. Они дважды проехали нужный адрес, прежде чем Джорджия разглядела номер на почтовом ящике. Дом оказался желтый, как манговый шербет, как предупредительный сигнал светофора, и определенного стиля у него не было, если не считать стилем крупногабаритную бесцветную архитектуру американских пригородов. Джуд не стал останавливаться возле дома, а проехал еще ярдов сто. Затем он свернул в первый попавшийся переулок и вскоре оказался перед незаконченной стройкой.

Там только начали возводить гараж. Из фундамента торчали ярко-желтые сосновые опоры, соединенные балками и стропилами. Сверху будущую крышу прикрывал полиэтилен. Гараж относился к недостроенному дому. Каркас дома уже начали обивать фанерой, а зияющие прямоугольники подсказывали, где располагаются окна и двери.

Джуд развернул «мустанг» капотом к улице и задним ходом въехал в бестелесный пока еще скелет гаража. Отсюда был отлично виден дом Прайсов. Джуд заглушил автомобиль. Они посидели, слушая потрескивание охлаждающегося двигателя.

Они добрались сюда от дома Бэмми довольно быстро: время приближалось к часу ночи.

– У нас есть план? – спросила Джорджия. Джуд указал на другую сторону улицы, где стояли два мусорных контейнера. Затем его палец передвинулся чуть дальше, на зеленые пластиковые баки, тоже предназначенные для сбора мусора.

– Судя по всему, завтра увозят мусор, – сказал он и кивнул в сторону дома Джессики Прайс. – А она свои мешки еще не вынесла.

Джорджия молча смотрела на Джуда. В слабом свете уличного фонаря ее глаза поблескивали и переливались, как вода на дне колодца.

– Подождем, пока она не выйдет с мусором на улицу, и заставим сесть в «мустанг».

– Заставим.

– А потом отъедем подальше. И поговорим – втроем.

– А если мусор вынесет не она, а ее муж?

– Мужа нет. Он был резервистом, и в Ираке его прикончили. Кое-что Анна все-таки рассказала мне о сестре.

– Может, у нее появился приятель.

– Если она завела кого-то и он будет на вид сильнее меня, мы подождем другого шанса. Но Анна никогда не упоминала приятелей сестры. У меня с ее слов сложилось впечатление, что Джессика жила с отцом и дочерью.

– Дочерью? – Джуд многозначительно посмотрел на розовый двухколесный велосипед возле гаража Джессики. Джорджия проследила за его взглядом. Джуд пояснил:

– Поэтому мы и не идем в дом прямо сейчас. А завтра – рабочий день. Рано или поздно Джессика останется в доме одна.

– И что тогда?

– Тогда мы сможем действовать по необходимости и нам не придется переживать, если ребенок станет свидетелем чего-то дурного.

На некоторое время оба замолчали, углубившись в свои мысли.

В зарослях пальм и кустов за домом застрекотали насекомые. Их пение – ритмичная нечеловеческая пульсация – было единственным звуком, нарушавшим тишину улицы. Первой заговорила Джорджия:

– Что мы с ней сделаем?

– Все, что будет нужно.

Джорджия опустила спинку сиденья и легла, глядя в темноту. Бон положила морду рядом с ее головой и протяжно заскулила. Джорджия погладила овчарку за ушами.

– Собакам нужно поесть, Джуд.

– Придется подождать, – ответил он, не отрывая взгляда от дома Джессики Прайс.

У него снова заболела голова, костяшки пальцев саднило. К тому же он явно переутомился, и эта усталость мешала довести до конца хотя бы одно логическое рассуждение. Мысли, как черные собаки, гонялись за собственными хвостами, описывая бесконечные бессмысленные круги.

Он в своей жизни совершал плохие поступки. Для начала можно вспомнить хотя бы то, что он посадил Анну на поезд и отправил ее умирать к родственникам. Но ничто не шло в сравнение с тем, что ему предстояло – возможно – совершить завтра. Кто знает, не закончится ли дело убийством. Оно вполне могло закончиться убийством, и в голове Джуда крутилась песенка Джонни Кэша «Блюз Фолсомской тюрьмы»: «Говорила мама мне, будь хорошим мальчиком, не играй с оружием». Джуд подумал о пистолете, оставшемся на ферме. О своем большом револьвере сорок четвертого калибра. С оружием в руках добиться ответа от Джессики Прайс было бы проще. Но будь у него оружие, Крэдок давно уговорил бы его убить сначала Джорджию, а потом себя самого. И собак тоже.

Джуд вспомнил о самом разном оружии, что он когда-то имел. О множестве собак, которые у него когда-то были. О том, как он бегал с ними босиком по холмистой земле на ферме отца, и какой восторг охватывал его, когда он вместе с собаками уносился в предрассветную даль. Он вспомнил звук винтовки отца во время охоты на уток, и как однажды, когда Джуду исполнилось девять лет, мать взяла его с собой и они убежали от Мартина. На автобусной станции мать испугалась и позвонила своим родителям, а те велели ей немедленно вернуть мальчика отцу и помириться с мужем и Господом. Отец ждал их на крыльце с винтовкой в руках, он ударил мать по лицу прикладом, а затем приставил дуло к ее левой груди. Он сказал, что убьет ее, если она снова попытается уйти, и она больше не убегала. Когда Джуд – в те годы еще Джастин – робко шагнул к двери в дом, отец остановил его и произнес: «Я не сержусь на тебя, сын, ты не виноват». Мартин взял его за плечо и прижал к себе, наклонился для поцелуя и сказал, что любит сына. Джастин автоматически ответил, что тоже любит отца.

Воспоминание об этом до сих пор заставляло Джуда морщиться. Те слова казались ему отвратительными и аморальными, такими постыдными, что он не мог оставаться человеком, который произнес их. Поэтому он изменился и стал совсем другим. Это ли самый худший его поступок – иудин поцелуй, запечатленный на щеке отца, когда лицо матери заливала кровь? Или то, что он выгнал Анну, еще хуже, чем невольный ответ на выражение отцовской

привязанности? И Джуд снова оказался там, откуда начал. Он размышлял об утре завтрашнего дня и гадал, сможет ли он заставить сестру Анны сесть в «мустанг», чтобы увезти ее прочь от дома, а потом любой ценой заставить заговорить.

В машине не было жарко. Тем не менее Джуд вынужден был поминутно утирать со лба пот, заливающий ему глаза. Он наблюдал за дорогой и домом. Один раз мимо проехала патрульная машина, но «мустанг» стоял в укромном месте, в тени недостроенного гаража, и полицейский джип даже не притормозил.

Рядом дремала Джорджия, повернувшись лицом к окну. Где-то в третьем часу ночи она заметалась во сне, забормотала что-то невнятное. Потом она вытянула правую руку вверх, как ученик, старающийся привлечь внимание учителя. Повязку Джорджия сняла, и Джуд увидел, что кожа на ее кисти по-прежнему белая и морщинистая, словно она пробыла в воде много часов. Белая, морщинистая, страшная. Тем временем Джорджия задергалась, от кого-то отбиваясь. Она застонала, заскулила от страха, запрокинула голову.

Джуд нагнулся над ней, позвал по имени. Он крепко, но нежно взял ее за плечо и потряс, желая разбудить. Девушка ударила его больной рукой. Затем глаза ее раскрылись, и она уставилась на него, не узнавая. В глазах ее плавал беспредельный слепой ужас, и Джуд понял: она видит не его, а покойного Крэдока.

– Мэрибет, успокойся, – шепталой, – Ш-ш-ш. Это сон. Все хорошо. С тобой все в порядке.

Туман в ее глазах рассеялся. Тело, только что скованное страхом, обмякло, и она откинулась без сил на спинку кресла. Джорджия не могла отдышаться. Джуд прикоснулся к ее лицу, убирая прилипшие к щекам волосы, и поразился тому, какая она горячая.

– Пить, – прошептала она.

Он дотянулся до заднего сиденья, порылся в пакете с продуктами, что они купили на заправке, нашел бутылку с водой. Джорджия открутила пробку и выпила треть бутылки несколькими большими глотками.

– А вдруг сестра Анны не поможет нам? – спросила она. – Вдруг даже она не знает, как его прогнать? Мы убьем ее?

– Тебе лучше поспать. Отдохни. Все равно придется ждать до утра.

– Я не хочу никого убивать, Джуд. Я не хочу потратить на убийство мои последние земные часы на земле.

– Ты еще долго будешь жить на земле, – возразил Джуд. О себе он намеренно не упомянул.

– Я не хочу, чтобы ты убивал. Не хочу, чтобы ты становился убийцей. Кроме того, если мы убьем ее, за нами будут гоняться уже два призрака. Мне кажется, нам и одного хватает с избытком.

– Хочешь включить радио?

– Джуд, обещай мне, что не убьешь ее. Обещай!

Он включил радио. На коротких волнах ему попались «Фу файтерс». Дэвид Грол¹ пел, что он держится, еще держится. Джуд убавил звук до еле слышного бормотания.

– Мэрибет, – начал он. Она поежилась.

– Что с тобой?

– Мне нравится, когда ты называешь меня моим настоящим именем. Не зови меня больше Джорджией, хорошо?

– Хорошо.

– Как бы мне хотелось, чтобы мы встретились не в стрип-клубе. Чтобы ты увидел меня в первый раз не тогда, когда я раздевалась перед пьяной толпой, а раньше. Когда я еще не сделала всего того, чего теперь стыжусь.

– Ты знаешь, что люди платят большие деньги за слегка обшарпанную мебель? Как же они называются? Вещи, побывавшие в переделках? Вещь, у которой есть прошлое, гораздо интереснее, чем сошедший с конвейера новехонький безликий товар без единой царапинки.

– Точно, это про меня, – кивнула Джорджия. – Побывавшая в переделках. – Она снова дрожала.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – ответила Джорджия, но голос ее тоже дрожал.

Сквозь шорох эфирных помех радио что-то тихо напевало. Джуд успокаивался, в голове становилось яснее, а его мышцы, инстинктивно сжавшиеся в узлы, расслаблялись. На несколько мгновений его перестало волновать, что их ждет впереди и что придется сделать уже утром. Вдруг потеряло значение и то, что осталось позади, – долгие дни в дороге, призрак Крэдока Макдермотта с его пикапом и черными штрихами вместо глаз. На несколько мгновений Джуд почувствовал себя просто на Юге, в своем «мустанге». Он откинулся в кресле и слушал «Аэросмит».

Потом Мэрибет все испортила.

– Если я умру, – сказала она, – а ты останешься жив, я постараюсь остановить его. С той стороны.

– О чем ты говоришь? Ты не умрешь.

– Я знаю. Я говорю на всякий случай. Если что-то пойдет не так, как нам хочется, я найду Анну, и мы вместе постараемся остановить Крэдока.

– Ты не умрешь. Мне наплевать на то, что сказала доска «Ойя», и на то, что показала нам в зеркале Анна.

Он решил так несколько часов назад, еще в пути. Мэрибет в задумчивости свела брови.

– Когда она заговорила с нами, в комнате стало холодно. Я вся дрожала. Я не чувствовала своих рук на стрелке. А когда ты задавал Анне вопросы, я почему-то знала, что она ответит. Что она хочет сказать. Я не слышала ее голоса, ничего такого. Просто знала. Тогда мне все казалось понятным, а теперь нет. Я не могу вспомнить, чего она хотела от меня и что значит – стать дверью для нее. Хотя... Думаю, она имела в виду, что если Крэдок сумел вернуться, то вернется и она. Если ей помочь. А помочь ей должна я. Вот только – и это я поняла абсолютно точно – для этого мне придется умереть.

– Тебе не придется умирать. Если от меня хоть что-то зависит, ты не умрешь.

Мэрибет улыбнулась. Это была печальная улыбка.

– От тебя в данном случае ничего не зависит.

Джуд не сразу сообразил, как ей ответить. Ему уже приходило в голову, каким способом можно обеспечить безопасность Мэрибет, но сообщать ей об этом способе он пока не собирался. Он подумал: если умрет он сам, то Крэдок уберется восвояси и Мэрибет будет спасена. Исходил он из того, что Крэдоку нужна только жизнь Джуда. Поскольку он жив, Крэдок остается в этом мире. В конце концов, ведь Джуд купил его, Джуд заплатил за его Костюм. Вот уже почти неделю Крэдок пытается погубить его. Отбивая его атаки, Джуд не имел времени подумать не окажется ли цена за жизнь слишком высокой? Не лучше ли отдать призраку то, чего он хочет. А вдруг Джуд опять проиграет? Может быть, чем дольше он будет сопротивляться, тем больше потеряет? Например, погубит вместе с собой и Мэрибет. Ведь мертвые тянут живых вниз.

Мэрибет смотрела на него ласковыми влажными глазами, сияющими в темноте. Он провел рукой по ее волосам. Она так молода и так прекрасна. Лихорадка не отпускала ее, лоб был влажным и горячим. Мысль, что девушка умрет раньше его, казалась не просто невыносимой – она была непристойна.

Он потянулся к ней, взял ее ладони в свои. Лоб ее горел, но руки оставались холодны как лед. Он подвинул их к свету, к лучу уличного фонаря. Увиденное в очередной раз шокировало его. Теперь не только правая, а обе ее кисти побелели и сморщились, но правая выглядела хуже. Подушечка большого пальца превратилась в большой блестящий гнойник, ноготь исчез, отвалился. По обеим ладоням бежали красные линии распространяющейся инфекции – по тонким венам вверх, через запястья, расползаясь по коже алыми полосками.

– Что с тобой происходит? – спросил он, хотя, конечно, знал ответ. На коже Мэрибет проступала история смерти Анны.

– Она стала частью меня. Я будто несу ее внутри себя. И началось это, по-моему, несколько дней назад.

Как ни странно, такое предположение не удивило Джуда. Подсознательно он догадывался об этом. Какое-то седьмое чувство давно нашептывало ему, что Мэрибет и Анна сливаются воедино, становятся одним человеком. Он слышал это в произношении Мэрибет, так похожем на лаконичный и тягучий говор Анны. Он видел это в том, как Мэрибет играла своими волосами – так когда-то делала Анна.

Мэрибет продолжала:

– Она хочет, чтобы я помогла ей вернуться в наш мир, и она остановит его. Я – ее дверь, она так сказала.

– Мэрибет, – начал было Джуд, но не нашел, что сказать.

Она закрыла глаза и улыбнулась.

– Да, это мое имя. Не поминай его всуе. А вообще-то, нет, я передумала. Говори его так часто, как хочется. Мне нравится, как оно звучит в твоих устах. Мне нравится, что ты произносишь мое полное имя, а не короткое «Мэри».

– Мэрибет, – повторил он и отпустил ее руки, поцеловал в лоб над левой бровью. – Мэрибет. – Он поцеловал ее левую скулу. Она вздрогнула, на этот раз от удовольствия. – Мэрибет. – Он поцеловал ее в губы.

– Да, это я. Это то, что я есть. Это то, чем я хочу быть. Мэри. Бет. Ты словно получаешь двух девушек по цене одной. Эй, слушай – а ведь у тебя сейчас действительно могут быть две девушки. Если Анна внутри меня. – Она открыла глаза и нашла его взгляд. – Когда ты любишь меня, возможно, ты любишь и ее. Повезло тебе, а, Джуд? Такая выгодная сделка!

– Ты лучшая сделка на свете! – проговорил он.

– Так не забывай об этом, – сказала она, целуя его в ответ.

Он открыл дверь и выпустил собак на улицу, и на время Джуд и Мэрибет остались в салоне «мустанга» вдвоем. А овчарки устроились на цементном полу гаража.

Он проснулся с бьющимся сердцем. Собаки лаяли, и его первой мыслью было: «Это призрак. Призрак вернулся».

Ночью они снова забрали собак в машину, и те привычно улеглись на заднем сиденье. Сейчас же Бон и Ангус стояли бок о бок, уткнувшись мордами в заднее стекло, и смотрели на неказистого желтого Лабрадора. Лабрадор же (сучка) выгнул спину и поднял хвост, пронзительно тявкая на «мустанг». Овчарки следили за ним с живым интересом, время от времени отвечая громким и резким «рр-гав», от которого в замкнутом пространстве салона у Джуда заломило в ушах. На пассажирском сиденье заерзала Мэрибет, явно проснувшаяся, но не желавшая признаваться в этом даже себе.

Джуд яростно приказал псам заткнуться к чертовой матери. Те не послушались.

Джуд приподнялся, и в глаза ему ударило солнце – медная дыра, пробитая в небе, яркий и безжалостный прожектор, направленный прямо в лицо. С недовольным стоном Джуд попытался прикрыть глаза рукой, но вдруг солнца не стало: его загородила голова человека, остановившегося перед капотом машины.

Джуд сощурился, разглядывая молодого мужчину с кожаным поясом для инструментов. Тот был краснокожим в буквальном смысле слова: от постоянного пребывания на солнце его шея загорела до темно-карминного цвета. Он хмуро глядел на Джуда. Джуд махнул ему рукой, спокойно кивнул и завел «мустанг». Электронное табло зажглось и сообщило Джуду, что сейчас семь утра.

Плотник отошел в сторону, и Джуд выкатил автомобиль из гаража, объехав припаркованный пикап рабочего. Желтый Лабрадор самозабвенно облаивал «мустанг» до самой улицы и отстал, лишь когда Джуд прибавил газу. Машина неторопливо проехала мимо дома Прайсов. Мусор еще не вынесли.

Джуд решил, что у них есть время, и выехал из квартала новостроек. В городском сквере он выгулял Ангуса, потом Бон, завернул в закусочную и купил чаю с пончиками.

Мэрибет тем временем перебинтовала правую руку марлей из оскудевшей аптечки. Левую кисть, где пока не было заметных ран и язв, она не стала перевязывать. Джуд залил на заправке бензин, и чуть отъехав в сторону, они позавтракали. Собакам отдали пончики без начинки.

Потом они вернулись к дому Джессики. Джуд припарковался на углу, в сотне ярдов от дома Прайсов, на другой стороне улицы. Выбирая место для остановки, они старались держаться подальше от участка с недостроенным гаражом. Джуд не хотел, чтобы их снова заметил плотник, так напугавший его с утра.

Было уже больше половины восьмого, и Джуд рассчитывал, что Джессика скоро выйдет из дома с мусором. Чем дольше они ждали, тем больше была вероятность, что их заметят: два чужака в черном «мустанге», в черной коже и джинсах, покрытые ранами и татуировками. Их внешний вид полностью соответствовал тому, чем они являлись, а именно: два опасных типа, которые выслеживают что-то около места предполагаемого преступления. На фонарном столбе прямо напротив «мустанга» висел плакат с призывом ко всем жителям проявлять бдительность.

К этому времени Джуд окончательно проснулся. Во всем теле ощущалась бодрость, в голове была полная ясность. Он был готов к действию, но делать пока было нечего, только ждать. Снова вспомнился плотник: узнал ли он Джуда? Если узнал, то что он расскажет своим приятелям? «До сих пор не могу поверить. Мужик, точная копия Джудаса Койна, ночует в машине в нашем гараже. Да не один, а с очень горячей цыпочкой. Он так похож на Койна, что я чуть не попросил у него автограф!» Потом на ум пришло более практичное соображение: плотник – это еще один свидетель, который может опознать, когда они сделают свое дело. Звезде очень трудно жить вне закона.

От бездействия в голову полезли посторонние мысли. Кто из рок-звезд отсидел в тюрьме самый длинный срок? Может, Рик Джеймс¹? Сколько ему дали – пять лет? Три? Айк Тернер² за наркотики тоже схлопотал не меньше пяти. Но другие сидели и дольше. Лидбелли³, осудили за убийство, он десять лет тесал камни, а потом его отпустили досрочно за то, что он устроил отличный концерт для губернатора и его семьи. Что ж. Если Джуд правильно сыграет свои карты, он сможет получить больше, чем эти трое, вместе взятые.

Тюрьма его не особенно пугала. Там сидело множество его поклонников.

С грохотом открылась дверь гаража в конце подъездной дорожки к дому Джессики Прайс. Долговязая девочка лет одиннадцати-двенадцати с золотистыми коротко подстриженными волосами выволокла на обочину мусорный бак. Она была так похожа на Анну, что Джуд не сразу понял, кто это. Острый упрямый подбородок, светлые волосы и широко расставленные голубые глаза – Джуду показалось, что это Анна из восьмидесятых годов своего детства вышла в яркое сегодняшнее утро.

Оставив бак, девочка пересекла двор и вошла в дом. Там ее ждала мать. Девочка не закрыла за собой дверь, и Джуд с Мэрибет могли наблюдать за матерью и дочерью.

Джессика Макдермотт Прайс оказалась выше ростом, чем в свое время Анна, ее волосы – чуть темнее, вокруг уголков рта пролегли складки. На ней была деревенского стиля блузка с широкими рукавами, отделанными рюшами, и юбка с цветочным рисунком. Джуд подозревал, что этим нарядом Джессика хотела подчеркнуть свое свободолюбие, что она создавала образ темпераментной цыганки. Но ее макияж был слишком аккуратным и продуманным, а интерьер дома, насколько Джуд видел в раскрытую дверь, состоял из блестящей, темной, на вид дорогой мебели. Все отделано состаренной древесиной. Так что лицо и дом принадлежали не ясновидающей, а скорее сорокалетней финансистке.

Джессика вручила дочери рюкзак – блестящий и яркий, фиолетово-розовых цветов, в тон куртке и кроссовкам, а также велосипеду у гаража – и поцеловала ее в лоб. Девочка развернулась, хлопнула дверью и торопливо пошла через двор, закинув рюкзак за спину.

1

2

3

Ее путь пролегал мимо «мустанга», где сидели Джуд и Мэрибет. Проходя по противоположной стороне улицы, она метнула на них оценивающий взгляд. Оценила она их невысоко: судя по наморщенному носику – примерно так же, как беспорядок в соседнем дворе. Потом она свернула за угол и пропала из виду.

Когда она скрылась, Джуд почувствовал мурашки под мышками и на спине. Он вспотел, да так, что рубашка прилипла к телу.

– Ну, начали, – сказал он.

Он понимал, что промедление и любые размышления сейчас опасны. Он вылез из машины. Ангус пробрался вслед за ним. Мэрибет вышла с другой стороны.

– Жди меня здесь, – велел ей Джуд.

– Черта с два.

Джуд прошел к багажнику.

– Как мы войдем в дом? – спросила Мэрибет. – Просто постучим в дверь? Привет, мы пришли убить тебя?

Джуд открыл дверцу багажника, вынул оттуда монтировку и указал ею на гараж – он остался открытым. Потом захлопнул багажник и пошел через улицу. Ангус бросился вперед, вернулся, снова опередил Джуда, поднял заднюю лапу и помочился на чей-то почтовый ящик.

Было относительно рано, но солнце уже припекало затылок. Джуд держал в кулаке один конец монтировки (тот, что называется гвоздодером), а сам инструмент прижал к внутренней стороне предплечья, стараясь спрятать его от случайных взглядов. Позади хлопнула дверца. Мимо промчалась Бон. Через миг появилась Мэрибет. От бега она запыхалась.

– Джуд. Джуд. Погоди. Что, если мы... Если попробовать поговорить с ней по-хорошему? Скажи ей, что ты никогда... никогда не хотел Анне зла. Никогда не думал, что она убьет себя.

– Анна не убивала себя, и ее сестра это прекрасно знает. И дело не в самоубийстве. – Джуд оглянулся на Мэрибет, когда она отстала. Девушка смотрела на него с горестным удивлением. – Мы не сразу в этом разобрались, дело оказалось гораздо сложнее. Мне все больше кажется, что плохие парни в этой истории – не мы с тобой.

Он направился к дому по подъездной дорожке в сопровождении довольных собак, по одной с обеих сторон, как почетный караул. На фасаде дома было три окна с белыми кружевными занавесками и светлыми шторами. Ни в одном из окон Джуд никого не увидел. Значит, Джессика гостей не заметила. И вот они оказались в сумраке гаража. Внутри, на чисто подметенном бетонном полу, стоял вишневый двухдверный кабриолет.

Джуд нашел дверь, ведущую из гаража в дом, взялся за ручку, прижался ухом к двери, прислушался. Где-то недалеко работало радио. Неимоверно скучный голос докладывал, что синие фишки пошли вниз, что акции высокотехнологичных компаний понижаются в цене, что фьючерсы всевозможных видов непривлекательны. Потом послышался цокот каблуков по кафелю – буквально под самой дверью. Джуд инстинктивно отшатнулся, но было поздно. Дверь открылась, и появилась Джессика Прайс.

Она едва не врезалась в Джуда. Она не смотрела, куда идет. В одной руке она держала ключи от машины, в другой – кричащей расцветки сумочку. Джессика едва успела поднять глаза, а Джуд уже схватил ее за блузку, сжал в кулаке шелковистую ткань и толкнул женщину обратно в дверь.

Джессика попятилась, спотыкаясь на каблуках, потом, подвернула лодыжку, и с одной ее ноги соскочила туфля. Она выпустила из рук свою нелепую сумочку. Сумка упала между ней и Джудом, и Джуд отпихнул ее ногой, двигаясь вперед.

Он проталил Джессику через коридор в залитую солнцем кухню в дальней части дома, и тут ноги у сестры Анны подкосились. Она стала оседать, а ткань блузки не выдержала, затрещала, и по всей кухне разлетелись пуговицы. Одна из них – черная спица боли – угодила Джуду в левый глаз. Глаз заслезился. Джуд яростно скривился заморгал.

Падая, Джессика ухватила за край рабочего стола, стоявшего в центре кухни.

Задребезжали тарелки. Стол был у нее за спиной – Джессика все это время оставалась лицом к Джуду, – но она, не глядя, протянула руку назад, схватила одну из тарелок и разбила ее о голову надвигающегося противника.

Джуд ничего не почувствовал. Тарелку после завтрака еще не мыли, с нее попадали хлебные корки и остатки яичницы. Он перехватил монтировку за другой конец и как дубиной ударил ею Джессику по левому колену там, где кончался подол юбки.

Женщина рухнула на пол, будто из-под нее выдернули обе ноги, но тут же попыталась приподняться. На нее прыгнул Ангус, прижал к полу, царапая ее грудь лапами.

– Слезь с нее! – крикнула Мэрибет и схватила Ангуса за ошейник. Она дернула его с такой силой, что пес перекувырнулся через голову и сделал в воздухе одно из утомительных собачьих сальто, дрыгая в воздухе четырьмя лапами.

Приземлившись, он снова ринулся на Джессику, но Мэрибет крепко держала его. В кухню неторопливо вбежала Бон, бросила виноватый взгляд на расprostертую на полу хозяйку дома и стала приюхиваться к куску тоста.

Розовая коробочка радио на стене вещала о том, что детские книжные клубы приобрели огромную популярность среди родителей, которые считают, что печатное слово защитит их чад от секса и насилия, переполняющих видеоигры, телевизионные программы и кинофильмы.

Блузка Джессики была разорвана от горла до пояса. Под ней открылся кружевной бежевый бюстгальтер, оставляющий верхние части груди обнаженными; они вздымались и опускались в такт тяжелому дыханию. Женщина оскалила окровавленные зубы – уж не усмехалась ли она?

– Если вы пришли убить меня, то знайте, я смерти не боюсь, – прошипела она. – Отец встретит меня на той стороне с расprostертыми объятиями.

– А тебе не терпится обнять его, – сказал Джуд. – Как я понимаю, вы были весьма близки. По крайней мере до тех пор, пока не подросла Анна и вместо тебя он стал трахать ее.

Одно веко Джессики Макдермотт задергалось, со лба на ресницы скатилась капля пота. Губы, покрытые темно-красной, почти черной помадой, обнажали зубы в крови, но этот оскал уже не походил на ухмылку. Это была гримаса ярости и растерянности.

– Ты не смеешь так говорить о моем отце. Он соскребал со своих подошв мразей и похуже тебя.

– Тут ты права только наполовину, – ответил Джуд. Он тоже дышал часто и шумно, но говорил спокойно, удивляясь самому себе. – Вы оба шагнули в большую кучу дерьма, связавшись со мной. Скажи мне лучше, ты помогала ему убивать Анну, помогала резать ей вены? Или ты стояла рядом и следила, как твоя родная сестра истекает кровью?

– Девушка, вернувшаяся в этот дом, уже не была моей сестрой. Она стала совсем другим человеком. Моя сестра умерла раньше, в твоём доме. Ты уничтожил ее. Девушка, приехавшая к нам, была ядовитой змеей. Что она говорила! Как угрожала! Хотела отправить папу за решетку. Посадить за решетку меня. А папочка и волоска не тронул на ее неблагодарной голове. Папочка любил ее. Он был лучшим человеком на свете.

– Твой папочка любил трахать маленьких девочек. Сначала тебя, потом Анну. Как же я раньше не понял.

Джуд склонился над Джессикой. У него слегка кружилась голова. В окно над раковиной било солнце, в кухне было тепло и душно, удушающе пахли духи Джессики – какой-то жасминовый аромат. За кухней находился выход на крытую заднюю веранду, стеклянная дверь-купе приоткрыта. На веранде, отделанной состаренным красным деревом, доминировал стол с кружевной скатертью. На столе сидел серый длинношерстный кот и с опаской следил за происходящим в кухне. Голос по радио бубнил что-то о загрузке информации с интернет-сайтов. Этот ровный голос, похожий на гудение пчелиного роя, усыпил бы кого угодно.

Джуд взглянул на радио, желая врезать по нему монтировкой и заткнуть проклятую штуку раз и навсегда. Но его взгляд зацепился за фотографию рядом с приемником, и Джуд

забыл обо всем. Со снимка восемь на десять дюймов в серебристой рамке Джуду улыбался Крэддок. В своем неизменном черном костюме с пуговицами размером с серебряный доллар, он поднял одну руку к черной шляпе, словно приветствовал гостя. Другая рука лежала на плече маленькой девочки, дочери Джессики, которая так походила на Анну высоким лбом и широко посаженными – голубыми глазами. На этой фотографии ее загорелое лицо не улыбалось – оно вовсе не имело выражения, как лицо, человека, ждущего, когда можно будет сойти с эскалатора. На лице девочки не отражалось ни единого чувства, что делало ее еще более похожей на Анну. На Анну в разгар приступа депрессии. Это удивительное сходство вызвало в душе Джуда смутное, но явственное беспокойство.

Джессика извивалась, отползая в сторону, – она хотела воспользоваться тем, что Джуд отвлекся, и отодвинуться: от него как можно дальше. Но он успел снова схватить ее за блузку, и еще одна пуговица отлетела в сторону. Теперь блузка совсем свалилась с плеч и повисла на поясе юбки. Джуд утер со лба пот. Он еще не закончил говорить.

– Анна никогда не признавалась, что подвергалась в детстве насилию. Но она так старательно избегала любых расспросов, что можно было кое о чем догадаться. В одном из последних писем ко мне она написала, что устала хранить секреты, что больше не может носить их в себе. На первый взгляд, эти слова можно счесть предсмертным посланием. Не сразу, но я понял, что она имела в виду на самом деле: она хотела снять бремя тайн со своей души. Хотела рассказать о том, как отчим вводил ее в транс и делал с ней что хотел. Он был хорошим гипнотизером – на некоторое время он заставлял ее забыть, что с ней произошло. Но полностью стереть воспоминания он не мог. Они всплывали каждый раз, когда на нее нападала депрессия. В конце концов, я думаю, она обо всем догадалась. Поняла, чем он занимается. Анна потратила много лет, чтобы убежать от него. Но я посадил ее на поезд в Тестамент, и она опять оказалась в его доме. Увидев, как он стар и близок к смерти, она решила, что отчим больше не представляет угрозы и ей не нужно бежать от него. А потом она пригрозила рассказать о том, что Крэддок делал с ней. Верно? Она говорила, что расскажет всем, подаст на него в суд. Вот почему он убил ее. Он снова ввел ее в транс, посадил в ванну и вскрыл ей вены. И смотрел, как она умирает, сидел рядом и ждал...

– Заткнись, не смей о нем говорить! – взвизгнула Джессика. – Та ночь была кошмаром. Она говорила отцу ужасные вещи. Она плюнула в него. Она пыталась убить его, столкнуть с лестницы. Его – слабого старика. Она угрожала всем нам. Она говорила, что заберет у нас Риз. Говорила, что обратится к тебе, что с помощью твоих денег и твоих адвокатов засадит папу за решетку.

– То есть ему ничего другого не оставалось делать, да? – прищурился Джуд. – Он, можно сказать, спасал свою Жизнь.

Лицо Джессики на миг исказилось каким-то чувством, Это длилось очень недолго, и Джуд сначала подумал, будто ему показалось. Но уголки ее губ действительно приподнялись и дернулись в грязной, знающей, отвратительной усмешке. Она села чуть прямее. Когда она снова заговорила, в тоне ее голоса слышались и лекторская нравоучительность, и медоточивые уговоры.

– Моя сестра была нездорова. Она не понимала, что происходит. Суицидальные наклонности отмечались у нее с ранней юности. Анна вскрыла себе вены – это не удивило никого, кто ее знал.

– Анна говорит иное, – возразил Джуд. Увидев недоуменное лицо Джессики Прайс, он добавил: – В последнее время у меня появилось множество знакомых с того света. Между прочим, с самого начала мне было не ясно: если ты хотела наслать на меня привидение, почему не ее? Если я виноват в смерти Анны, при чем тут призрак вашего отчима? Но старик преследует меня не из-за того, что сделал я, а из-за того, что сделал он.

– Да кем ты себя считаешь, чтобы обвинять моего отца в развращении детей? На сколько лет ты старше своей шлюхи? На тридцать? Сорок?

– Поаккуратнее, – предупредил ее Джуд и сильнее сжал монтировку.

– Отец заслужил то, чего просил у нас, – продолжала Джессика, не в силах

остановиться. – Я это всегда понимала. И моя дочь это понимает. Но Анна видела жизнь в грязном, ужасном свете. Она обращалась с папой как с насильником, хотя он не делал Риз ничего плохого. Даже испортила его последние дни, только чтобы понравиться тебе, чтобы ты снова позвал ее. И вот чем это закончилось понял? Не надо было совать нос в чужие дела и настраивать ее против семьи!

– О господи, – прошептала Мэрибет. – Если она действительно говорит то, что я слышу... Ничего более мерзкого я не знаю...

Джуд поставил колено между ног Джессики и левой рукой прижал ее к полу.

– Хватит. Еще одно слово о твоём прекрасном папочке, который так вас любил, и меня стошнит. Как от него избавиться? Скажи, как прогнать его, и мы уйдем отсюда. И все закончится.

Он не был уверен, что его последние слова – это правда.

– Где его костюм? – спросила Джессика.

– Какая, к черту, разница?

– Его нет, верно? Ты купил костюм покойника, но костюма больше нет – значит, от покойника тебе не избавиться. Товар обмену и возврату не подлежит. Особенно поврежденный и тем более утраченный товар. Все кончено. Ты мертвец. И ты, и твоя шлюшка. Он не остановится, пока вы оба не окажетесь в могиле.

Джуд наклонился, положил монтировку поперек ее шеи и надавил. Джессика стала задыхаться. Джуд сказал:

– Нет. Такой ответ меня не устраивает. Должен быть другой способ, а не то... Убери руки, дрянь! – Джессика цеплялась за пряжку его ремня. Его передернуло от этого прикосновения. Он отпрянул, убирая монтировку с ее горла, и женщина засмеялась.

– Ну же, давай. Ты уже снял с меня блузку. Разве тебе никогда не хотелось похвастаться, что ты делал это с обеими сестрами? – спросила она. – И подружке твоей наверняка интересно посмотреть.

– Не прикасайся ко мне.

– Надо же. Такой большой и крутой. Рок-звезда. Ты боишься меня, боишься моего отца, боишься себя. Хорошо. Ты и должен бояться. Ты скоро умрешь. От своей же руки. Я вижу метки смерти поверх твоих глаз. – Она бросила взгляд на Мэрибет. – И на твоих глазах тоже, красавица. Твой дружок сначала прикончит тебя, а потом и себя, ты сама знаешь. Хотела бы я посмотреть, как это произойдет. Хотела бы увидеть, как он это сделает. Надеюсь, он зарежет тебя. Искромсает твое поганое личико...

Монтировка вновь пережала горло Джессики. Теперь Джуд давил изо всех сил. Ее глаза вылезли из орбит, язык вывалился. Она пыталась привстать на локти. Он ткнул ее в грудную клетку, придавливая к полу. Череп Джессики стукнулся о пол.

– Джуд, – позвала его Мэрибет. – Джуд, не надо.

Он послушался, ослабил давление, позволил Джессике глотнуть воздуха – и она закричала. Она закричала впервые за все это время. Джуд снова надавил, и истошный вопль прервался.

– Гараж, – сказал он.

– Джуд.

– Закрой дверь гаража. Ее на улице услышат. Джессика попробовала вцепиться ему в лицо. Его руки были длиннее, поэтому он уклонился от скрюченных пальцев, превратившихся в когти, не отпуская монтировки.

– Еще раз заорешь, я забью тебя до смерти прямо здесь. Я сейчас убегу эту штуку с твоего горла. Советую тебе начать говорить. Советую тебе помочь нам, поняла? Ты можешь общаться с ним напрямую? Через доску «Ойя» или как-то еще? Ты можешь сама его вызвать?

Он снова рискнул и ослабил давление на монтировку. Джессика заорала во второй раз. Из ее горла вырвалась долгая пронзительная нота, перешедшая в хриплый смех. Кулак Джуда опустился в ее солнечное сплетение. Весь воздух вышел из ее легких, она мгновенно затихла.

– Джуд, – опять раздался голос Мэрибет. Она уходила, чтобы закрыть гараж, а теперь

вернулась.

– Потом.

– Джуд.

– Что? – спросил он, изворачиваясь в поясе, чтобы взглянуть на нее.

В одной руке Мэрибет держала блестящую, прямоугольной формы, сумочку Джессики Прайс. Она протянула ее Джуду, чтобы он посмотрел. Это была не сумочка, а коробка для школьных завтраков с глянцевой фотографией Хилари Дафф¹ на боку.

Джуд все еще смотрел на Мэрибет, не понимая, зачем она показывает ему коробку для завтраков, почему это так важно, когда раздался лай Бон. Громкий, изо всех сил, оглушительный лай. Джуд повернул голову, чтобы узнать, в чем дело. В тот же миг он услышал другой звук – резкий металлический щелчок, который ни с чем нельзя спутать. Кто-то взвел курок пистолета.

Девочка, дочь Джессики Прайс, вошла через стеклянную дверь с веранды. Откуда у нее взялся револьвер, Джуд не знал. Огромный кольт сорок пятого калибра с костяными инкрустациями и длинным дулом, такой тяжелый, что девочка еле удерживала его в руках. Капельки пота блестели над ее верхней губой. Она заговорила голосом Анны. Но еще сильнее Джуда поразило то, как спокоен был этот голос.

– Отойди от моей мамы, – сказала она.

Голос из радиоприемника спросил:

– Что является самым главным экспортным товаром Флориды? Апельсины, скажете вы. И ошибетесь.

Некоторое время слышался лишь этот голос. Мэрибет поймала Ангуса за ошейник и пыталась удержать его, что было непросто. Овчарка рвалась вперед, используя всю свою недюжинную мощь. Мэрибет пришлось упираться в пол обеими ногами, чтобы устоять. Ангус зарывал низко и сурово, это была бессловесная, но в высшей степени красноречивая угроза. Его рык взрывным лаем подхватила Бон.

Мэрибет заговорила первой.

– Здесь не нужен пистолет. Мы уходим. Джуд, пошли, Давай убираться отсюда. Берем собак и идем отсюда.

– Берегись, Риз! – крикнула Джессика. – Они пришли, чтобы убить нас.

Джуд встретился взглядом с Мэрибет и мотнул головой в сторону гаража.

– Уходи, – приказал он.

С хрустом – старые суставы – он поднялся с колен, опираясь о стол. Потом посмотрел на девочку: глаза в глаза поверх дула сорок пятого калибра, направленного ему в лицо.

– Я хочу забрать собаку, – проговорил он негромко. – И мы уйдем. Бон, ко мне.

А Бон по-прежнему лаяла, стоя между Джудом и Риз. Джуд рискнул сделать шаг вперед и протянуть руку к собаке.

– Не позволяй ему приближаться! – завопила Джессика. – Он захочет отобрать пистолет!

– Отойди, – сказала девочка Джуду.

– Риз, – обратился он к ней по имени, желая установить контакт и внушить ребенку хоть каплю доверия. Он тоже неплохо разбирался в психологии убеждения, не хуже Джессики. – Я кладу монтировку на стол. – Он поднял свое оружие так, чтобы девочка увидела его, и медленно опустил на столешницу. – Вот. Теперь у тебя есть пистолет, а я безоружен. Не волнуйся, мне просто нужно забрать свою собаку.

– Пойдем, Джуд, – настаивала Мэрибет. – Бонни сама побежит за нами. Надо уходить.

Мэрибет уже отошла к гаражу и смотрела на Джуда через коридор. Грозный рык Ангуса сменился лаем, который эхом звенел между высоким потолком и бетонным полом гаража.

– Иди ко мне. Бон, – позвал Джуд, но Бон игнорировала его. Более того, она возбужденно отпрыгнула в сторону Риз.

Девочка испуганно вскинула плечи. Она перевела револьвер на собаку, но через миг

снова направила дуло на Джуда.

Очень плавно Джуд сделал еще один шаг к Бон. Он уже почти дотянулся до ее ошейника.

– Не смей к ней приближаться! – взвился вопль Джессики.

Боковым зрением Джуд отметил какое-то движение: Джессика попыталась незаметно отползти в сторону. Джуд обернулся к ней, и тут она вскочила на ноги и бросилась на него. В ее руке блеснуло что-то гладкое и белое. Джуд не понимал, что это за предмет, пока он не вонзился в лицо – фарфоровый клинок, широкий осколок разбитой тарелки. Джессика целилась Джуду в глаза, но он успел отвернуться, и удар пришелся в щеку.

Джуд отбросил от себя Джессику, левым локтем ударив ее в челюсть. Потом он вытащил из щеки кусок тарелки и отшвырнул его на пол, одновременно второй рукой на шаривая монтировку. Нашел и с размаху опустил ее на шею Джессики. Услышал густой сочный звук и увидел, как Джессика выпучила глаза.

– Джуд, нет, нет! – закричала Мэрибет.

При звуке ее голоса Джуд развернулся на сто восемьдесят градусов и присел. Перед ним промелькнули белое неподвижное лицо девочки, широко раскрытые глаза, и в тот же миг оружие в ее руках выстрелило с оглушительным грохотом. Взорвалась стоявшая на одном из шкафчиков ваза с белыми камешками и искусственными орхидеями. В воздух взвились осколки стекла и камни.

Девочка попятилась. Пяткой она зацепилась за половику и чуть не упала. К ней подскочила Бон, но Риз успела выпрямиться. Когда собака уже столкнулась с девочкой, раздался второй выстрел.

Пуля вошла низко – в живот. Заднюю часть тела овчарки подбросило так, что она развернулась в воздухе и ударилась о дверцы шкафчика под раковиной. Глаза Бон выкатились из орбит, челюсти разверзлись. Изнутри нее, откуда-то из глубины пасти, выскочила черная дымчатая собака, жившая в ее теле – словно джинн вырвался из арабской лампы, – и понеслась через кухню, мимо девочки, на веранду.

Кот, неотрывно следивший за событиями со стола на веранде, при приближении черной собаки дико мяукнул. Серый мех на его загривке вздыбился. Когда черная собака легко опустилась на стол рядом с ним, кот рванулся вправо. Бон-тень игриво сжала челюсти там, где только что лежал кошачий хвост, затем прыгнула вслед за котом. В прыжке она пролетела через луч яркого утреннего света и исчезла.

Джуд смотрел туда, где мигом раньше видел невероятную тень собаки. Он был слишком поражен, чтобы действовать, он мог только чувствовать. А чувствовал он восторг перед увиденным чудом – восторг такой силы, что это переходило в шок. Нечто невообразимо прекрасное и вечное явилось Джуду. Он трепетал и преклонялся.

А потом он оглянулся на мертвое, пустое тело Бон. Живот ее являл ужасное зрелище – кровавое месиво разорванной плоти и синий комок вывалившихся кишок. Из неподвижной пасти свисал длинный узкий язык. Не верилось, что один выстрел мог так вывернуть ее тело. Казалось, что собаку распотрошили. Кровь была повсюду – на стенах, на мебели, на Джуде, она растекалась темной лужей по полу. Бон упала на пол уже мертвой. При виде собачьего трупа Джуд снова испытал шок, но уже совсем иного рода.

Мозг не успевал за происходящим. Джуд непонимающе уставился на Риз. Видела ли девочка собаку из черного дыма, промчавшуюся мимо нее? Он чуть не спросил ее об этом, но не смог произнести ни слова, вновь потеряв дар речи. Риз приподнялась на локтях и наставила на него черное дуло.

Никто не говорил и не двигался. В наступившей тишине слышался монотонный голос радиодиктора:

– В Йосемитском парке¹ из-за продолжительной засухи уже который месяц голодают дикие жеребцы. Эксперты выражают серьезные опасения: животные погибнут, если не будут приняты самые срочные меры. Твоя мать умрет, если ты не пристрелишь его. И ты умрешь.

Риз никак не показала, что услышала эти слова. Может быть, она их действительно не слышала, во всяком случае – не осознавала. Джуд глянул на радиоприемник. На фотографии, висящей рядом с ним, Крэдок по-прежнему держал руку на плече Риз, но теперь его глаза скрыли метки смерти.

– Не позволяй ему приближаться. Он хочет убить вас, – зудел радиоголос. – Убей его, Риз, убей его.

Нужно заставить радио замолчать, давно уже пора разбить его, думал Джуд. Он двинулся в ту сторону быстрее, чем следовало, и поскользнулся в луже крови Бон. С пронзительным скрипом каблук его ботинка выехал вперед. Джуд замахал руками, удерживая равновесие. Чтобы не упасть, он невольно сделал длинный шаг в сторону Риз. Глаза девочки раскрылись еще шире, она нервно вздрогнула. Джуд поднял правую руку вверх, жестом призывая ее успокоиться, уверяя, что он не желает ей вреда. А через мгновение понял, что в руке он сжимает монтировку и его жест выглядит недвусмысленно угрожающим.

Риз нажала на курок. Пуля ударилась о монтировку со звонким «дзинь», соскочила винтом по рукоятке и срезала половину указательного пальца Джуда. Горячий фонтан крови брызнул ему в лицо. Он повернулся и в изумлении воззрился на собственную руку, столь же пораженный исчезновением пальца, как совсем недавно был поражен волшебным появлением черной собаки. Этой рукой он брал аккорды. От пальца почти ничего не осталось. Оставшимися пальцами Джуд все еще сжимал монтировку. Он разжал кисть. Монтировка тяжело ударилась о кафельные плитки.

Мэрибет выкрикивала его имя, но ее голос звучал так далеко, словно она была где-то на улице. Джуд едва слышал ее сквозь звон в ушах. В голове ощущалась опасная легкость, хотелось присесть. Он не стал садиться. Он оперся левой рукой о кухонный прилавок и начал отходить назад, осторожно продвигаясь в направлении гаража.

В кухне резко пахло порохом и горячим металлом. Правую руку Джуд держал пальцами вверх, хотя обрубок указательного пальца кровоточил несильно. Кровь стекала по ладони на предплечье довольно медленно, и это удивило Джуда. Как и то, что боль его не особенно беспокоила. Даже не боль, а неприятная тяжесть, какое-то давление, засевшее в обрубке. Своего лица он не чувствовал вовсе. На полу оставались следы: цепочка крупных капель крови и красные отпечатки подошв.

С его глазами случилось что-то странное: все вокруг увеличилось и одновременно исказилось, будто ему на голову надели аквариум. Джессика Прайс сидела на коленях, сжимая обеими руками горло. Ее лицо покраснело и опухло, словно она страдала жестокой аллергией. Джуд чуть не рассмеялся. У кого нет аллергии на монтировку поперек горла? Потом он вспомнил, что за три дня умудрился покалечить обе руки, и с трудом поборол приступ истеричного смеха. Придется учиться играть на гитаре ногами.

Риз смотрела на него сквозь грязно-серое облако пороховых газов своими большими, испуганными, немного извиняющимися глазами. Револьвер лежал на полу рядом с ней. Джуд махнул ей перебинтованной левой рукой. Что означал этот жест, он и сам не знал. Наверное, Джуд давал понять, что он в порядке. Его беспокоила бледность Риз. Она больше не сможет жить как раньше, хотя в том, что произошло, не было ни капли ее вины.

Потом он почувствовал, что Мэрибет схватила его за руку и потащила из кухни. Они уже в гараже. Нет, уже не в гараже, а под раскаленным сиянием солнца. Ему на грудь легли передние лапы Ангуса. Джуд чуть не упал на спину.

– Ангус, фу! – кричала Мэрибет, но голос ее все еще доносился издалека.

Джуд больше не мог бороться с желанием присесть – прямо здесь, на подъездной дорожке – и подставить лицо горячему солнцу.

– Нет! – воскликнула Мэрибет, едва он начал опускаться на бетон. – Держись. В машину. Пошли.

Обеими руками она тянула его вверх, не давая опуститься на землю.

Он покачнулся сначала назад, потом вперед, почти упал на Мэрибет, смог закинуть руку ей через плечо, и вдвоем они поковыляли вниз к дороге – как пара обкурившихся юнцов на

выпускном балу, упрямо пытающихся танцевать. На этот раз он все-таки засмеялся. Мэрибет со страхом взглянула на него.

– Джуд. Помогай мне. Я не могу нести тебя. Если ты упадешь, нам не уйти отсюда.

Мольба в голосе девушки встревожила его. Джуд постарался выполнить ее просьбу. С тяжелым вздохом он пытался сконцентрироваться на своих ботинках, на том, как они сменяют друг друга. Да, с этим бетонным покрытием надо быть очень внимательным. Ощущение было такое, будто он напился и идет по трамплину – почва под ногами гнулась и вздувалась, небо опасно кренилось.

– В больницу, – выговорила Мэрибет между шагами.

– Нет. Ты знаешь почему.

– Тебе нужно...

– Не нужно. Кровь скоро остановится.

Кто отвечал ей? Удивительно спокойный голос, очень похожий на его собственный.

Джуд поднял голову и увидел перед собой «мустанг». Мир кружился перед его глазами калейдоскопом слишком зеленых дворов, цветочных клумб, белым от ужаса лицом Мэрибет. Она была так близко, что носом Джуд зарывался в темное облако ее пушистых волос. Он сделал глубокий вдох, втянул в себя знакомый сладкий аромат – и сморщился от воню горелого пороха и мертвой собаки.

Они обошли машину, и Мэрибет сбросила его на пассажирское сиденье. Потом она обежала машину еще раз, поймала за ошейник Ангуса и стала подтаскивать пса к водительской дверце.

Она пыталась открыть ее, когда из гаража с визгом выкатился пикап Крэдока, проскальзывая шинами по бетону и изрыгая жирные выхлопы. За рулем сидел сам мертвец. Грузовичок вышвырнуло с подъездной дорожки, понесло через газон. С громким треском машина снесла забор, перепрыгнула через тротуар и выскочила на дорогу.

Мэрибет отпустила Ангуса и бросилась животом на капот, буквально выскользнув из-под бампера пикапа, врезавшегося в бок «мустанга». От удара Джуда припечатало к дверце, а «мустанг» развернуло. Задней частью он выехал на середину дороги, а передом впрыгнул на тротуар, да так резко, что Мэрибет выбросило с капота на землю, словно катапультной. Столкновение сопровождалось хрустом смятой обвески пикапа и чьим-то пронзительным криком.

Битое стекло посыпалось на асфальт. Джуд пришел в себя и увидел, что рядом с «мустангом» стоит не пикап Макдермотта, а вишневый кабриолет Джессики. Пикапа нигде не было. То есть его не было с самого начала. Из руля вывалилось и надулось белое яйцо подушки безопасности. На водительском месте сидела Джессика.

Джуд понимал, что должен чувствовать тревогу, желание действовать, но его одолели сонливость и бездумность. Уши заложило, и он несколько раз сглотнул.

Джуд отлепил себя от дверцы и подумал, все ли в порядке с Мэрибет. Девушка сидела на тротуаре. Причин беспокоиться не было, она осталась цела. Правда, выглядела Мэрибет такой же ошалевшей, каким чувствовал себя Джуд. Она приходила в себя, растерянно мигая в солнечном свете. Ее подбородок пересекла широкая ссадина, волосы растрепались. Джуд снова посмотрел на кабриолет: окно со стороны водителя опущено или разбилось, оттуда торчит обмякшая кисть. Джессики не было видно – должно быть, съехала по креслу вниз.

Кто-то закричал. Похоже на голос ребенка. Это девочка плакала о своей матери.

в правый глаз Джуда вкатилась капля то ли пота, то ли крови. Не думая, он поднял руку, чтобы вытереть ее, и коснулся лба обрубком указательного пальца. Ощущение было такое, будто он приложился к раскаленному грилю. Боль пронзила руку до самой грудины, где распустилась и превратилась во что-то иное в недостаток воздуха, в ледяную щекотку под ребрами; ощущение одновременно и пугающее, и восхитительное.

Мэрибет неуверенно обошла вокруг «мустанга» и, нагнувшись, потянула за ручку дверцы.

Раздался скрежет покореженного металла. Потом она выпрямилась, держа в руках

нечто вроде огромного черного саквояжа. Из саквояжа что-то капало.

Нет, это не саквояж. Это Ангус. Сложив водительское кресло, Мэрибет опустила пса на заднее сиденье, потом села в машину сама.

Она завела машину. Джуд развернулся в кресле, желая и боясь увидеть, что с его собакой. Ангус тоже поднял на него глаза – влажные, блестящие, красные от лопнувших сосудов. Он тихо заскулил. Его задние лапы расплющило в лепешку. Из черного меха торчала красная кость.

Джуд перевел взгляд с Ангуса на Мэрибет: на ее исцарапанный подбородок, сжатые в тонкую линию губы. Бинты на обезображенной правой руке девушки промокли насквозь. Вот уж парочка безруких. Если так пойдет и дальше, они не сумеют и обнять друг друга.

– Ты посмотри на нас троих, – обратился он к Мэрибет. – Ну и зрелище.

Он закашлялся. Морозные иголки под ребрами таяли, но очень медленно.

– Я еду в больницу.

– Никакой больницы. Выезжай на трассу.

– Без помощи врачей ты умрешь.

– Я умру, если мы поедem в больницу. И ты тоже, кстати. Там Крэдок легко справится с нами. Пока Ангус жив, у нас есть шанс.

– Да что Ангус...

– Крэдок боится не его. Он боится той собаки, что находится внутри собаки.

– Что? Джуд, я не понимаю тебя.

– Поезжай. Я остановлю кровотечение. Это всего лишь палец. А ты выезжай на трассу. Там сверни на запад.

Джуд поднял правую руку, чтобы замедлить ток крови. Способность думать понемногу возвращалась к нему. Но думать о том, куда ехать, не было никакой необходимости. Осталось только одно место, куда они могли отправиться.

– И что там, черт возьми, на западе? – спросила Мэрибет.

– Луизиана, – сказал он. – Мой дом.

Аптечка первой помощи, что сопровождала их от самого Нью-Йорка, валялась на заднем сиденье. Джуд нашел в ней один рулон бинта, булавки и несколько обезбаливающих таблеток в плотных упаковках. Сначала он взялся за таблетки. Он разрывал упаковки зубами и глотал одну таблетку за другой, не запивая. Он съел все шесть штук, но этого не хватило. Свою руку он по-прежнему чувствовал как раскаленный кусок металла, который неторопливо, но методично плющили молотом.

Зато боль помогала справиться с сонливостью. Она был якорем для его сознания, веревочкой, соединяющей с миром реального с шоссе, с проносящимися мимо дорожными знаками, с гудением кондиционера.

Джуд не представлял, долго ли сумеет сохранить ясность мысли, и хотел поскорее объяснить Мэрибет, что надо делать. Он говорил сквозь стиснутые зубы, прерываясь и наматывая на искалеченную руку бинты, виток за витком.

– Ферма отца находится почти у самой границы штата, в Мурс-Корнере. Туда мы доберемся часа через три. За три часа я не потеряю столько крови, чтобы умереть. Он болен, не приходит в сознание. При нем старуха – моя тетка. Она фельдшер, кажется. Она смотрит за ним. Получает за это деньги. В доме есть морфин для него. И собаки. Его собаки. Помоему, у него... О, черт. О. Черт. Две собаки. Пастушьи овчарки, как мои. Здоровые твари.

Когда бинт закончился, он закрепил края булавками. Ногами стянул с себя сапоги и носки. Один носок, как варешку, натянул на кисть правой руки, второй обернул вокруг запястья и затянул достаточно туго, чтобы замедлить кровообращение, но не перекрыть его совсем. Разглядывая получившуюся тряпичную куклу, он прикидывал, можно ли брать аккорды без указательного пальца. Или проще опять поменять руки и брать аккорды левой, как в детстве? При этой мысли он снова рассмеялся.

– Прекрати, – сказала Мэрибет.

Джуд сжал зубы и заставил себя остановиться. Он и сам понимал, что смех выходит не веселый, а истерический.

– Как ты думаешь, она не сообщит в полицию, эта твоя тетка? Она не захочет позвать к тебе доктора?

– Не захочет.

– Почему?

– Мы ей не разрешим.

После этих слов Мэрибет долго молчала. Она вела «мустанг» ровно, автоматически обгоняла попутные машины по левой полосе, затем снова вставала в правый ряд, поддерживая скорость семьдесят миль в час. Руль она держала белой и сморщенной левой рукой. Правой рукой она больше не могла ничего делать.

Наконец Мэрибет произнесла:

– Как ты думаешь, чем все это кончится?

У Джуда не было ответа. Вместо него ответил Ангус – тихим жалобным стоном.

Джуд старался оглядываться назад и проверять, не гонятся ли за ними полиция, не преследует ли их Крэдок, но, во второй половине дня он прислонился головой к окну и прикрыл на миг глаза. Его гипнотизировало шуршание шин по асфальту: фамп-фамп-фамп. Кондиционер, раньше никогда не шумевший, время от времени начинал звучать как трещотка. Эти циклические перемены тоже производили гипнотический эффект: яростная вибрация вентилятора – тишина, вибрация – тишина.

На ремонт «мустанга» у Джуда ушли месяцы, а Джессика Макдермотт Прайс в один миг снова превратила его в никчемный кусок металла. Из-за этой женщины с Джудом случилось такое, что, по его мнению, бывало только с героями баллад в стиле «кантри»: машина сломана, собаки погибли, он вынужден покинуть свой дом и многократно нарушить закон. Это почти смешно. Кто бы мог подумать, что отстреленный палец и потеря полпинты крови так хорошо влияют на чувство юмора? Нет. Смешного тут мало. И смеяться сейчас нельзя. Джуд не хотел пугать Мэрибет. Он не хотел, чтобы она думала, будто он сходит с ума.

– Ты сходишь с ума, – сказала Джессика Прайс – Никуда ты не поедешь. Успокойся. Давай я принесу тебе чего-нибудь успокаивающего, и потом мы все обсудим.

Звук ее голоса заставил Джуда открыть глаза.

Он сидел в плетеном кресле возле стены полутемного коридора на втором этаже дома Прайсов. Он не поднимался на второй этаж, но ни на миг не усомнился в том, что находится именно там. Подсказкой служили фотографии, большие портреты в рамках, развешанные на панелях темного дерева. На одной карточке на фоне синего занавеса стояла Риз в возрасте примерно восьми лет – с широкой улыбкой, чтобы продемонстрировать скобки на зубах, со смешными ушами торчком.

Другой портрет был сделан раньше, его краски слегка выцвели. На нем запечатлен, прямой как палка, военный – капитан с квадратными плечами. Длинное узкое лицо, небесно-голубые глаза и широкий тонкогубый рот придавали ему почти фамильное сходство с актером Чарлтоном Хестоном. Взгляд Крэдока на снимке был рассеянным и вызывающим одновременно.

Слева от Джуда начиналась широкая лестница, ведущая из прихожей на второй этаж. Анна поднялась почти до середины пролета, следом за ней шла Джессика. На слишком бледном лице Анны горели два пятна румянца, из-под кожи на руках выпирали кости запястий и локтей, а одежда висела как на вешалке. Она больше не была девушкой-готом. Ни косметики, ни черного лака для ногтей, ни сережек или колец. Только белая майка, старые спортивные шорты и незашнурованные кроссовки. Волосы она, похоже, не расчесывала неделю. Растрепанная и истощенная Анна должна была бы выглядеть ужасно – но Джуду она казалась прекрасной. Такой же прекрасной, как в то лето, которое они провели в гараже, трудясь над «мустангом» в компании двух овчарок.

При виде ее Джуда захлестнули эмоции: потрясение, тоска и обожание, слитые воедино в невыносимом накале чувств. Может быть, чувства эти были чересчур сильны не только для

него, но и для окружающей реальности – мир по краям его поля зрения исказился и помутнел. Площадка перед лестницей превратилась в коридор из «Алисы в Стране чудес»: с одного конца слишком узкий, с маленькими дверями, куда пролез бы только кот, а с другого – слишком широкий, так что Крэдок на портрете вырос почти до натуральной величины. Голоса женщин на лестнице стали низкими и растянутыми до неузнаваемости. Так искажается звук на пластинке, если проигрыватель отключить от сети, оставив иглу на крутящемся диске.

Джуду хотелось позвать Анну. Больше всего на свете он желал подойти к ней, но мир вокруг него вдруг заходил ходуном, и он вжался в кресло, принуждая тело не двигаться. Через секунду зрение вернулось в норму, коридор выровнялся, и Джуд снова смог слышать разговор Анны и Джессики. Тогда он понял, что картина, которую он видит, очень хрупкая и он не должен нарушать существующий баланс. Нужно спокойно сидеть, не шевелиться, спрятать мысли и чувства. Нужно просто наблюдать.

Руки Анны сжались в маленькие худые кулачки, и в приступе гнева она стремительно зашагала вверх по лестнице. Джессика еле поспевала за сестрой. Споткнувшись, она ухватилась за перила, чтобы не упасть.

– Подожди, Анна! Стой! – крикнула Джессика и снова бросилась вверх, пытаясь поймать сестру за рукав. – У тебя истерика...

– Нет у меня никакой истерики, не трогай меня. – Анна вырвала руку из пальцев Джессики.

Наверху она развернулась лицом к старшей сестре. Та стояла двумя ступенями ниже, в светлой шелковой юбке и шелковой блузке цвета черного кофе. Икры Джессики напряглись, на шее проступили жилы. Она кривилась от избытка эмоций и казалась старой – словно ей не сорок лет, а пятьдесят с лишним – и напуганной. Бледная кожа приобрела сероватый оттенок, особенно на висках, а вокруг рта распустилась паутина морщинок.

– У тебя истерика, – повторила Джессика. – Ты видишь то, чего нет, у тебя ужасные фантазии. Ты не различаешь, где реальность, а где твоя выдумка. В таком состоянии ты никуда не можешь ехать.

Анна вскинула руку, сжимавшую какой-то конверт.

– Это тоже моя выдумка? Эти снимки – мои фантазии? – Она вынула из конверта «поляроиды», сложила их веером и швырнула в Джессику. – Бог мой! Ведь это твоя дочь. Ей одиннадцать лет.

Джессика Прайс отпрянула от россыпи глянцевых фотографий, летящих ей в лицо. Они рассыпались по ступенькам у ее ног. Джуд заметил, что один из снимков Анна не бросила, а спрятала обратно в конверт.

– Я отличаю реальность от выдумки, – повторила Анна. – Возможно, впервые в жизни.

– Папа, – слабым голосом позвала Джессика. Анна продолжала:

– Я уезжаю. И вернусь с адвокатами. Чтобы забрать Риз.

– Ты надеешься, что он поможет тебе? – Голос Джессики срывался от издевательской насмешки.

Кто «он»? До Джуда не сразу дошло, что речь идет о нем. Его отвлекала правая рука – она горела и чесалась, как от комариных укусов.

– Он поможет.

– Папа, – опять позвала Джессика, на этот раз громче.

Справа от Джуда приоткрылась одна из дверей, выходящих на площадку второго этажа. Он повернулся туда, ожидая увидеть Крэдока, но в узкую щель между дверью и косяком выплнула Риз – девочка с золотистыми волосами, как у Анны, непослушная прядь упала наискось на лицо. Жалость и щемящая боль переполнили Джуда при виде ее больших, полных непонимания и страха глаз. Порою детям приходится видеть тяжелые вещи, но то, что выпало на долю этой девочки, было гораздо страшнее.

– Так что имей в виду, Джесси: все, что вы тут вытворяли, выплывет наружу. Все, – настойчиво произнесла Анна. – Я рада. Я хочу рассказать об этом. Надеюсь, его посадят в

тюрьму.

– Папа! – взвизгнула Джессика.

И тогда распахнулась другая дверь, прямо напротив комнаты Риз, и в коридор шагнул высокий костлявый старик. Крэдок был черным силуэтом в полумраке, выделялись лишь его очки в роговой оправе, которые он надевал, судя по всему, очень редко. Линзы улавливали и фокусировали весь свет, что был в помещении, и в результате казалось, что они испускали зловещее розоватое сияние. Из-за спины Крэдока раздавалось потрескивание кондиционера – ровный циклический шум, удивительно знакомый.

– Что за крики? – спросил Крэдок скрипучим голосом.

– Папа, – заторопилась Джессика, – Анна хочет уехать. Говорит, что возвращается в Нью-Йорк к Джудасу Койну. И она хочет обратиться к его адвокатам...

Анна через коридор смотрела на отчима. Джуда она не видела. На ее щеках горели две темные гневные розы. Она дрожала.

– ...обратиться к адвокатам, в полицию, рассказать, что ты и Риз...

– Здесь Риз, – перебил ее Крэдок. – Успокойся. Успокойся.

– ...и она... она нашла фотографии, – запинаясь, закончила Джессика и впервые за все это время глянула на дочь.

– Фотографии? – переспросил Крэдок, ничуть не смутившись. – Анна, малышка. Ну зачем ты так себя взвинтила? Ты расстроена, уже поздно. Куда ты пойдешь в такой час, девочка моя? Сейчас ночь. Давай-ка сядем рядышком, и ты мне расскажешь, что тебя волнует. Может, я смогу тебя как-то успокоить. Дай мне хотя бы полшанса, и я помогу тебе.

Анна вдруг напряглась и не сразу смогла ответить. Большими испуганными глазами она посмотрела сначала на Крэдока, потом на Риз и, наконец, на сестру.

– Держи его подальше от меня, – выговорила она с трудом. – Не то я убью его.

– Ей нельзя уезжать, – убеждала отчима Джессика. – Еще рано.

Рано? Что бы это значило? Джуд недоумевал. Или Джессика намеревалась еще что-то обсудить? Джуду казалось, что их разговор уже закончен. Крэдок бросил взгляд на Риз.

– Иди к себе. Риз. – При этих словах он положил ладонь на голову девочки, словно успокаивая ее.

– Не прикасайся к ней! – выкрикнула Анна.

Рука Крэдока дернулась, застыла в воздухе над волосами Риз, потом опустилась вниз, повиснув вдоль его худого тела.

И что-то изменилось. В темном коридоре Джуд не видел лица Крэдока, но ему показалось, что он различил какое-то почти неуловимое движение тела, перемену в осанке, в наклоне головы, в постановке ног. Так человек готовится к тому, чтобы схватить змею.

Затем Крэдок снова обратился к Риз, но глаз от Анны не отвел:

– Иди к себе, маленькая. Взрослым надо поговорить.

Наступает ночь – время для взрослых, не для детей.

Риз посмотрела через коридор на Анну и на мать. Анна ответила на ее взгляд едва заметным кивком.

– Иди, Риз, – успокоила она девочку. – У нас взрослый разговор.

Голова Риз скрылась в комнате, дверь захлопнулась. Почти сразу послышался приглушенный стенами рев музыки: артиллерия ударников, визг гитарных струн – или сходящего с рельсов поезда, – а следом ликующие детские голоса, орущие в некоем подобии гармонии. Да это римейк его собственной песни – «Поставь себя на свое место»

Крэдока перекосило при первых же нотах, пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Опять он, – прошепел старик себе под нос.

Крэдок направился от своей комнаты к площадке, где стояли его приемные дочери, и Джуда поразил один странный эффект. Через широкое окно на фронтоне дома на лестницу падали лучи угасающего заката. Когда Крэдок приблизился к дочерям, его лицо оказалось на свету: проявились тонкие черты, стали видны высокие скулы, глубокие складки вокруг рта. А вот линзы очков, наоборот, потемнели и спрятали его глаза за кружками

непроницаемой черноты.

Старик заговорил, обращаясь к Анне:

– С тех пор как ты уехала от того человека, ты сама не своя. Не знаю, что на тебя нашло, дорогая моя Анна. У тебя бывали тяжелые времена – кому, как не мне, знать об этом? Но этот Койн словно включил твою депрессию и повернул ручку громкости до упора. Теперь она кричит так громко, что ты не слышишь за нею меня, когда я пытаюсь утешить и успокоить тебя. Видеть не могу, как ты несчастна и растеряна!

– Я не растеряна, и я не твоя дорогая. Повторяю, если подойдешь ко мне ближе чем на четыре фута, пеняй на себя!

– Десять минут, папочка! – попросила Джессика.

Нетерпеливым взмахом руки Крэдок заставил ее замолчать.

Анна бросила взгляд на сестру, потом снова на Крэдока.

– Вы оба сильно ошибаетесь, если думаете, будто удержите меня силой.

– Никто не собирается принуждать тебя, – мягко возразил Крэдок, делая шаг в сторону Анны – как раз мимо Джуда.

Изборожденное морщинами лицо было бледным, на восковой коже резко выделялись веснушки. Он не столько шагал, сколько волочил ноги, перекошенный каким-то дефектом позвоночника. После смерти он выглядел гораздо лучше.

– Ты думаешь, Койн пойдет тебе навстречу и сделает то, о чем ты попросишь? – продолжал Крэдок. – Если я правильно помню, ваши отношения закончились тем, что он вышвырнул твою задницу на улицу. На письма он не отвечает – или я не прав? Раньше он не пожелал тебе помочь – почему ты решила, что сейчас что-то изменится?

– Он не знал, как мне помочь. Я сама не знала. А теперь знаю. Я расскажу ему, что ты сделал. Он поймет, что тебя нужно упрятать за решетку. И он найдет на тебя столько юристов, что ты мигом окажешься в тюрьме. – Она прищурилась в сторону Джессики. – И она тоже. Если не попадет в приют для умалишенных. Мне все равно – главное, чтобы ее держали подальше от Риз.

– Папа! – не выдержала Джессика, но Крэдок лишь коротко мотнул головой: помолчи.

– Вряд ли он согласится встретиться с тобой. Он и дверь тебе не откроет. Он, небось, давно нашел себе другую. Вокруг рок-звезд тучами выются девицы, готовые задрать юбку! Ты не можешь предложить ему ничего такого, чего нет у других. Разве что головную боль из-за твоих депрессий.

При этих словах лицо Анны исказилось страданием. Она поникла – как бегун, обессиленный и измученный после длинной дистанции.

– Мне все равно, есть у него кто-то другой или нет. Он мой друг, – сказала она тонким голосом.

– Он не поверит тебе. Тебе никто не поверит, потому что здесь нет ни слова правды, моя дорогая. Ни слова. – Крэдок сделал еще один шаг. – Анна, ты опять все перепутала.

– Вот именно, – горячо подхватила Джессика.

– Даже эти снимки – совсем не то, что ты думаешь. Я тебе объясню, если ты позволишь. Я помогу тебе, если...

Но он подошел слишком близко. Анна прыгнула на него. Одной рукой она сдернула с него роговые очки и сдавила их, ломая хрупкую оправу. Другую руку, все еще сжимавшую конверт, Анна уперла в грудь старика и толкнула его. Крэдок пошатнулся и вскрикнул. Левая лодыжка подогнулась, он повалился на пол. Ему повезло – он упал не на ступеньки, а в противоположную от лестницы сторону. Значит, Джессика говорила неправду – Анна не сталкивала отчима с лестницы.

Крэдок приземлился на свой тощий зад с грохотом, от которого содрогнулся весь коридор и подпрыгнули картины на стенах. Тем не менее он сразу же попытался подняться, но Анна приставила к его плечу ногу и придавила старика к полу. Девушку трясло.

Джессика с визгом преодолела верхние ступеньки, обогнула сестру и упала на колени рядом с отцом.

Джуд не выдержал и стал подниматься с кресла. Он больше не мог оставаться безучастным зрителем. Мир вокруг него, как он и ожидал, завибрировал и исказился. Джуду казалось, что он видит отражение на поверхности огромного подвижного мыльного пузыря.

Уши заложило. Голова отдалилась от ног на целые мили. Он сделал пробный шаг, чувствуя необыкновенную легкость, почти невесомость. Наверное, так ощущают себя аквалангисты, шагающие по дну океана. Продвигаясь по коридору, он усилием воли заставил окружающее пространство вернуться в нормальное состояние, и пространство послушалось. (Выходит, воля Джуда кое-что значила.) Итак, если соблюдать осторожность, в этом мыльном пузыре можно ходить, не повреждая его.

Все сильнее болели руки – обе, не только правая. Джуду казалось, что они опухли до размера боксерских перчаток. Боль накатывала ритмичными волнами в такт пульсу, как катятся шины по асфальту: «фамп-фамп-фамп». Она сливалась с потрескиванием и жужжанием кондиционера в комнате Крэдока, создавая на периферии сознания убаюкивающий хор бессмысленных звуков.

Его переполняло желание крикнуть Анне, чтобы она уходила отсюда, бежала по лестнице вниз и дальше из дома. Но Джуд был уверен, что нельзя вмешаться в эту сцену, не порвав тонкую ткань сна. Прошное осталось в прошлом. Он не мог изменить то, что видел сейчас, как не мог спасти Рут, сестру Бэмми. Нельзя ничего изменить, но можно увидеть.

Джуд не понимал, зачем вообще Анна поднялась на второй этаж. Может, хотела бросить в сумку что-то из одежды перед уходом из дома? Она не боялась ни отца, ни Джессики. Она думала, что они больше не имеют над ней власти, – ах эта прекрасная, трогательная, фатальная самоуверенность!

– Я сказала, не подходи ко мне, – произнесла Анна.

– Ты делаешь это ради него? – спросил Крэдок. До этого момента он говорил с мягким южным акцентом, теперь же в его речи не осталось никакой мягкости. – Это часть сумасшедшего плана по его возвращению? Ты надеешься, он посочувствует тебе, когда ты приползешь к нему, вся в соплях, и расскажешь, что твой папочка заставлял тебя делать ужасные вещи и разрушил твою жизнь? Небось, не терпится похвастаться, как ты грубила мне, как ты толкнула меня на пол? Меня – старика, который заботился о тебе, когда ты болела, и защищал тебя от самой себя, когда ты теряла разум. Думаешь, он бы гордился тобой, если бы сейчас стоял здесь и смотрел, как ты набросилась на меня?

– Нет, – ответила Анна. – Думаю, он бы гордился мной, если б увидел вот это. – Она наклонилась и плюнула отчиму в лицо.

Крэдок скривился, потом издал сдавленный вопль, будто в глаз ему попал яд. Джессика завозилась, приподнимаясь, ее пальцы превратились в когти. Но Анна успела схватить сестру за плечо и свалила ее па пол рядом с отчимом.

Она стояла над ними, и ее била дрожь, но уже не так сильно, как минутой раньше. Джуд рискнул дотянуться до ее плеча, положил на него левую перебинтованную руку и легонько сжал пальцы. Наконец-то он осмелился прикоснуться к ней. Анна вроде бы ничего не заметила. Реальность изогнулась на миг, когда его рука опустилась на плечо Анны, но он сумел вернуть все в норму, сконцентрировавшись на фоновых звуках, на музыке этого мгновения – «фамп-фамп-фамп», треск и жужжание.

– Молодец, Флорида, – вырвалось у него.

Слова прозвучали прежде, чем он успел остановить их. Но мир не исчез.

Анна презрительно кивала головой – вверх и вниз, вверх и вниз.

– А я вас боялась, – произнесла она устало.

Девушка повернулась, выскользнув из пальцев Джуда, и пошла в другой конец коридора. Должно быть, в свою комнату. Дверь за ней закрылась.

Джуд услышал, как рядом что-то капнуло, и взглянул вниз. Носок, обернутый вокруг правой ладони и пальцев, насквозь пропитался кровью, и она капала вниз. Серебряные пуговицы на груди его черного пиджака блеснули в последнем солнечном отблеске дня. Надо же, Джуд до сих пор не замечал, что одет в костюм покойника. Действительно, сшито как на

него. И тут сам собой нашелся ответ на вопрос, которым Джуд ни на секунду не задавался: как он оказался в этом доме и стал свидетелем того, чего он в реальности не видел. Он ведь купил и костюм покойника, и самого покойника, то есть завладел призраком. А значит, ему принадлежало и прошлое мертвеца. Сцена в доме Крэдока тоже досталась Джуду.

Джессика сидела на корточках рядом с отчимом. Они оба тяжело дышали, глядя на закрытую дверь в спальню Анны. Джуд слышал, как за дверью открывались и закрывались ящики, как хлопнула дверца шкафа.

– Темнеет, – прошептала Джессика. – Наконец-то темнеет.

Крэдок кивнул. На его лице, прямо под левым глазом, вспухла царапина – это Анна поранила его ногтем, срывая очки. Кровь, как слеза, бежала вдоль его носа. Он стер ее тыльной стороной ладони, оставив на щеке красное пятно.

– Что ты придумала? – спросил Крэдок. Он говорил тихо, почти шепотом, голос его прерывался от сдерживаемой ярости.

Она разрешила мне пару раз загипнотизировать ее, – ответила Джессика таким же приглушенным голосом. – Чтобы лучше спать. И я внушила ей кое-что.

В комнате Анны все стихло. Потом Джуд четко различил стеклянное «дзинь», стук бутылки о стакан, а затем бульканье.

– Что? – спросил Крэдок.

– Я сказала ей, что с наступлением темноты хорошо бы чего-нибудь выпить. Я сказала, что это награда за прожитый день. Бутылку она держит в верхнем ящике комода.

В спальне Анны установилась долгая, пугающая тишина.

– Ну и что?

– Я добавила в джин фенobarбитала, – закончила Джессика. – Теперь у нее нет проблем со сном!

Что-то стукнуло о деревянный пол в комнате Анны. Словно упал стакан.

– Молодец, – выдохнул Крэдок. – Я знал, что у тебя припасено кое-что на черный день.

– Папочка, – сказала Джессика, – ты должен заставить ее забыть... снимки, которые она нашла. Пусть она забудет все. Все, что было. Ты должен заставить ее забыть.

– Не могу, – мрачно признался Крэдок. – Уже давно я ничего не могу с ней поделать. Когда она была моложе... когда она больше доверяла мне. Может быть, ты... – Джессика затрясла головой:

– Погружать ее на такую глубину я не в силах. Она не дает мне – а я пробовала. Когда я в последний раз гипнотизировала ее, я задала ей несколько вопросов про Джудаса Койна. О чем она писала ему, говорила ли она ему про... про тебя. Но как только я заходила слишком далеко, как только спрашивала что-нибудь, о чем ей не хочется говорить, она начинала петь одну из его песен. Вроде как сдерживала меня. Ничего подобного я не встречала.

– Это Койн на нее повлиял, – повторил свой вывод Крэдок, кривя губы. – Он уничтожил ее. Уничтожил. Настроил против нас. Он использовал ее в своих целях, разрушил ее мир, а потом отослал домой, чтобы она разрушила наш мир. С тем же успехом он мог бы прислать нам по почте бомбу.

– Что же делать? Должен быть способ остановить ее. Ее нельзя отпускать в таком состоянии. Ты слышал, что она говорит. Она заберет у меня Риз. Она и тебя заберет. Они арестуют тебя и меня, и мы больше никогда друг друга не увидим, только в суде.

Дыхание Крэдока восстановилось, на лице не осталось ни следа недавней ярости и бессилия. Их сменила мрачная враждебность.

– В одном ты абсолютно права, девочка. Отпускать ее нельзя.

Джессика не сразу поняла, на что намекает ее приемный отец. Она озадаченно нахмурилась:

– Что?

– Все знают нашу Анну, – стал пояснять свою мысль Крэдок. – Знают, как она несчастна. Все знают, чем это закончится: рано или поздно она вскроет себе вены в ванне.

Джессика затрясла головой. Она хотела встать на ноги, но Крэдок поймал ее руку, потянул вниз, заставил снова опуститься на колени.

– Джин и снотворное нам на руку. Эти люди так и поступают: опрокинут пару стаканов, проглотят пару таблеток – чтобы было проще сделать это. Убить себя. Они борются со страхом и гасят боль.

Джессика все еще качала головой. Глаза, полные страха, стеклянные, смотрели мимо Крэдока: она его больше не видела. Из горла вырывалось частое сильное дыхание. Крэдок заговорил снова – спокойно и ровно:

– Перестань, Джессика. Успокойся. Ты хочешь, чтобы Анна забрала Риз? Хочешь провести десяток лет на казенных харчах? – Он сильнее сжал ее запястья и притянул ближе к себе, говорил ей прямо в лицо. Наконец ее глаза сфокусировались, и она перестала мотать головой.

Но Крэдок не останавливался: – Это не наша вина. Во всем виноват Койн. Он загнал нас в угол, слышишь? Он прислал к нам чужого человека, который хочет разорвать нас на части. Не знаю, что случилось с нашей Анной. Я не помню, когда в последний раз видел ее. Та Анна, что росла вместе с тобой, мертва. Койн убил ее. Для меня ее больше нет. Поверь мне. Но я научу его, как ломать семьи других людей. Ш-ш-ш, ну все, все. Дыши ровнее. Слушай мой голос. Мы справимся. Я помогу тебе совершить это, как помогал каждый раз, что бы с тобой ни случалось. Доверься мне снова. Сделай глубокий вдох. Еще один. Лучше?

Ее серо-голубые глаза расширились – она впадала в транс. Один долгий свистящий выдох сменялся другим.

– У тебя получится, – внушал ей Крэдок. – Я знаю, у тебя получится. Ради Риз ты сделаешь все, что будет нужно.

Джессика отвечала:

– Я попробую. Но ты должен сказать мне, что делать. Говори. Я не могу думать.

– Это ничего. Я буду думать за нас обоих, – успокоил ее Крэдок. – Тебе ничего не нужно делать. Просто пойди и набери ванну.

– Да. Хорошо.

Джессика снова стала подниматься на ноги, но Крэдок не отпустил ее. – А потом спустись и принеси мой маятник. Пригодится, чтобы резать вены.

После этого он разжал пальцы. Джессика так подскочила, что не устояла на ногах, оперлась рукой о стену и замерла, глядя на отчима изумленными глазами. Потом медленно повернулась, как во сне, открыла дверь слева от себя и вошла в отделанную белым кафелем ванную.

Крэдок оставался на полу до тех пор, пока не послышался звук бегущей воды. Только потом он нашел в себе силы подняться на ноги и встал рядом с Джудом, буквально плечом к плечу.

– Ах ты, старый ублюдок, – пробормотал Джуд.

Мир в мыльном пузыре заколыхался и исказился. Джуд стиснул зубы и вернул ему прежнюю форму.

Губы Крэдока, тонкие и бледные, растянулись в горькую отвратительную гримасу. Он двинулся к комнате Анны медленно, слегка покачиваясь – падение не прошло для него бесследно. Он открыл дверь. Джуд последовал за ним.

В спальне Анны было два окна. Оба они выходили не на ту сторону, где недавно село солнце, а на восток. Там уже настала ночь, погружающая комнату в синие тени. Анна сидела на самом краю кровати, между ее кроссовок валялся стакан. На одеяле лежала раскрытая сумка, откуда выглядывало наспех собранное белье и рукав красного свитера. Улыбающееся лицо Анны ничего не выражало, кисти рук лежали на коленях, остекленевшие глаза уставились в невозможно далекую точку. Светлый конверт с фотографией Риз – доказательство – выпал из разжатых пальцев, забытый и ненужный. Смотреть на Анну было больно. Джуд сел на кровать рядом с ней. Под его весом скрипнули пружины, но никто ничего не заметил – ни Анна, ни Крэдок. Левой ладонью Джуд накрыл правую руку Анны и

заметил, что его рана снова кровоточит. Когда это началось? Теперь он едва мог шевельнуть левой рукой, такой она стала тяжелой и болезненной. Грязные мокрые бинты съехали и почти сваливались.

Крэддок остановился напротив младшей приемной дочери, склонился над ней с задумчивым видом.

– Анна? Ты слышишь меня? Слышишь мой голос? Та продолжала улыбаться и ответила не сразу. Она моргнула и переспросила:

– Что? Ты что-то сказал, папа? Я слушала Джуда. По радио. Это моя любимая песня.

Крэддок сжал губы так, что они побелели.

– Опять он, – сказал старик, будто выплюнул.

Взяв конверт за уголок, он осторожно поднял его с колен Анны.

С конвертом в руке Крэддок выпрямился и повернулся к окну, чтобы опустить шторы.

– Я люблю тебя, Флорида, – сказал Джуд.

От его слов спальня закачалась, мыльный пузырь угрожающе раздулся, готовый лопнуть, потом снова уменьшился в размере.

– И я люблю тебя, Джуд, – тихо ответила Анна.

Крэддок стоял к ней спиной. Он услышал эти слова, вздрогнул и обернулся, недоумевая, с кем говорит дочь. Потом злобно сощурился и сказал:

– Скоро вы снова будете вместе. Ты этого хотела? Папочка поможет тебе. Папочка отправит вас навстречу друг другу так быстро, как только сможет.

– Будь ты проклят! – выпалил Джуд.

На этот раз комната так набухла и растянулась, что, как Джуд ни старался сосредоточиться на «фамп-фамп-фамп», вернуть прежнее состояние он не сумел. Стены навалились на него, потом отступили, будто простыни, сохнувшие на ветру.

В спальне вдруг стало тепло и душно, запахло бензином и псиной. За спиной у Джуда раздался жалобный визг, и он обернулся к Ангусу, лежавшему там, где только что была сумка Анны. Пес дышал с трудом, его глаза пожелтели и заплыли. Из согнутой лапы торчал острый красный обломок кости.

Джуд оглянулся на Анну – теперь это была Мэрибет. С грязным напряженным лицом она сидела на кровати около Джуда.

Крэддок опустил одну штору, и в спальне стало темнее. Во втором окне Джуд видел зеленые газоны, бегущие вдоль трассы, пальмы, мусор в траве, знак ограничения скорости. В ушах у него не смолкало ровное «фамп-фамп-фамп». Кондиционер трещал, жужжал, опять трещал. Джуд удивился: почему он до сих пор слышит кондиционер Крэддока? Комната старика находилась в другом конце коридора. Вдруг что-то застучало, как метроном. А, это Мэрибет включила указатель поворота.

Крэддок перешел ко второму окну, и Джуд больше не видел трассу. Вторая штора опустилась и погрузила спальню Анны во мрак. Наконец-то настала ночь.

Джуд посмотрел на Мэрибет, на ее плотно сжатые челюсти, на левую руку, держащую руль. На торпеде мигала лампочка поворотника, и он открыл рот, чтобы сказать что-то... он не знал что... что-то вроде...

– Что ты делаешь? – Джуд не узнал свой голос: какое-то хриплое карканье. Мэрибет собиралась съезжать с трассы, она уже перестроилась и почти подъехала к повороту. – Это не тот выезд.

– Я тебя уже пять минут трясу, не могу добудиться. Думала, ты в коме. А здесь как раз больница.

– Поезжай прямо. Я проснулся.

В последний момент она успела вывернуть обратно на шоссе, сзади раздались негодующие гудки.

– Как дела, Ангус? – спросил Джуд, оборачиваясь назад.

Он протянул руку и прикоснулся к лапе, и на миг взгляд Ангуса стал осмысленным. Его челюсти шевельнулись. Из пасти вывалился язык и мазнул по пальцам Джуда.

– Хороший мальчик, – шепнул Джуд. – Хороший мальчик.

Чуть погодя он повернулся обратно, уселся в кресле поудобнее. У куклы-носка на его правой руке появилось красное лицо. Джуду срочно требовалось заглушить боль, и он подумал, что найдет что-нибудь подходящее на радио: «Скинирд»¹ или на худой конец «Блэк краус»². Он включил приемник и прошелся по каналам: эфирные шумы, потом пульсация кодированной военной трансмиссии и, наконец, Хэнк Уильямс Третий, или просто Хэнк Уильямс³. Джуд сомневался, поскольку прием был слишком слабый, а потом...

Потом он нашел станцию с очень чистым приемом: Крэддок.

– Никогда бы не подумал, что у тебя такой запас прочности. – Дружелюбный и близкий голос шел из динамиков, встроенных в дверцы автомобиля. – Не сдаешься, и все тут. Обычно мне это нравится. Но наше с тобой дело – далеко не обычное, ты понимаешь. – Крэддок рассмеялся. – Да, люблю прокатиться после обеда с опущенным окошком. Садись в машину и едешь. Неважно куда. Подойдет любой пункт назначения. Знаешь, многие люди думают, будто они не знают слова «сдаюсь», но они ошибаются. Большинство, если им правильно внушить, на глубоком уровне, да помочь не много соответствующим препаратом, если ввести их в состояние полного транса и сказать, что они горят заживо, – знаешь, как они поступят? Они будут орать и просить воды, пока не охрипнут. Они все сделают, лишь бы потушить этот огонь. Все, что угодно. Такова человеческая природа. Но есть люди – в основном дети и психи, – на которых не действуют доводы рассудка, даже в трансе. Анна была и ребенком, и сумасшедшей, упокой Господь ее душу. Я пытался заставить свою дочь забыть о том, что ее огорчало. Она была хорошей девочкой. Я страдал, глядя, как она терзала себя – даже когда она терзала себя из-за тебя. Но заставить ее забыть все, чтобы она начала жизнь с чистого листа, я не мог, хотя тогда она бы избавилась от боли. Некоторым нравится страдать. Неудивительно, что она полюбила тебя. Ты точно такой же. Я хотел быстро покончить с тобой, но ты уперся и предпочел растянуть это на неделю. Не понимаю зачем. Наверное, ты и сам не понимаешь. Ведь тебе тоже ясно: когда пес у тебя за спиной сдохнет, сдохнешь и ты. И это будет не легкая смерть, как могла бы быть. Три дня ты жил собачьей жизнью и подохнешь теперь как собака, а вместе с тобой – и твоя двухдолларовая сучка...

Мэрибет выключила радио. Оно тут же включилось снова.

– ...ты решил, что можно настроить мою девочку против меня, и не придется отвечать за...

Джуд поднял ногу и вдавил каблук черного ботинка в приборную панель. Голос Крэддока потерялся в треске пластика и оглушительном взрыве нижних частот. Джуд еще раз пнул радиоприемник, окончательно загубив панель. Все смолкло.

– Помнишь, я говорил тебе, что призрак пришел к нам не для того, чтобы разговаривать? – спросил Джуд у Мэрибет. – Беру свои слова обратно. В последнее время мне кажется, что он только болтовней и занимается.

Мэрибет не ответила. Через полчаса Джуд велел ей свернуть на следующем выезде с трассы. Они оказались на двухполосном шоссе, по обеим сторонам которого рос южный, почти тропический лес. Он подступал так близко к проезжей части, что местами ветви образовывали сплошной шатер над дорогой. «Мустанг» миновал закусочную, закрытую уже тогда, когда Джуд был ребенком. Над дорогой вырос гигантский экран кинотеатра под открытым небом. Сквозь дыры на экране проглядывало небо. Показывали медленно плывущие клубы грязно-серого дыма. Машина катилась дальше – мимо мотеля, давно заброшенного и погребенного под наступающими джунглями, мимо заправочной станции (пока она была единственным работающим предприятием на этом шоссе). Перед заправкой сидели два загорелых толстяка и смотрели на дорогу. Они не улыбнулись, не помахали рукой и вообще никак не показали, что видят проезжающий «мустанг». Один из них нагнулся и сплюнул в придорожную пыль.

Джуд сказал Джорджии, что надо повернуть налево, и дальше их путь пролегал через невысокие холмы. Вечернее освещение было странным – все окрасилось в тусклый красноватый цвет, ядовитый и какой-то предштормовой. Тот же цвет Джуд видел, закрывая глаза. Это цвет головной боли. До заката было еще далеко, но казалось, что уже темнеет. На западе толпились тучи с темными грозными животами. Ветер стегал макушки пальм и раскачивал бороды испанского мха, свисающие с низких дубовых сучьев.

– Здесь, – объявил Джуд.

Мэрибет заехала на длинную подъездную грунтовую дорогу. Ветер усиливался. Он задул резкими порывами и бросил на лобовое стекло горсть тяжелых дождевых капель. Они отбили яростную дробь, и Джуд стал ждать продолжения, но его не последовало.

Дом стоял на вершине полого холма. Джуд не был здесь более трех десятков лет и вплоть до этого момента не осознавал, как сильно его загородный особняк в Нью-Йорке похож на дом его детства. Сначала ему почудилось, будто он совершил прыжок в будущее на десять лет и оказался перед своим нью-йоркским домом – теперь запущенным и пустующим, оставленным медленно умирать в одиночестве. Огромное старое здание было серого мышиного цвета, крытое черным гонтом. Куски кровли кое-где завернуло ветром, а где-то и вовсе унесло. Когда они подъехали совсем близко, Джуд увидел, как очередной порыв подхватил черный квадратный лист, оторвал от крыши и понес в небо.

С одной стороны дома стоял покосившийся курятник. Его сетчатая дверь распахнулась на ветру и с громким стуком – как выстрел – захлопнулась. В окне первого этажа было выбито стекло, на его месте трепетал полупрозрачный пластик.

Грунтовка, ведущая к дому, заканчивалась петлей. Мэрибет описала круг, и «мустанг» остановился, направив фары в ту сторону, откуда приехал. Мэрибет и Джуд еще смотрели на дорогу, когда там появился грузовик Крэддока.

– О господи, – произнесла Мэрибет.

Она выскочила из «мустанга» и пошла вокруг машины к дверце Джуда.

Светлый грузовик притормозил у подножия склона, потом покатился вверх, к дому. Мэрибет распахнула дверцу, и Джуд чуть не выпал из автомобиля. Она потянула его за руку.

– Вставай. Пойдем в дом.

– Ангус... – пробормотал он, оглядываясь на собаку. Голова Ангуса лежала на передних лапах. Пес устало смотрел на Джуда покрасневшими влажными глазами.

– Он умер.

– Нет, – не поверил Джуд. Она ошибалась. – Как ты, малыш?

Ангус не отводил от него скорбного взгляда и не двигался. В салон ворвался ветер, завертел и сбросил с сиденья пустой бумажный стаканчик, взьерошил Ангуса против шерсти. Пес не возражал.

Казалось абсолютно невозможным, чтобы Ангус вот так тихо умер, без предупреждения и без шума. Несколько минут назад он был жив, Джуд знал это. Он стоял в грязи рядом с «мустангом», уверенный, что если подождать еще немного, то Ангус шевельнется, вытянет лапы и поднимет голову. Но Джуда куда-то тянула Мэрибет. У него не осталось сил сопротивляться, и пришлось идти за ней, чтобы не упасть.

За несколько шагов до крыльца Джуд рухнул на колени. Он не знал почему. Одну руку он закинул на плечи Мэрибет, другой обхватил ее за талию, и она со стоном, стиснув зубы, подняла его на ноги. Тем временем к дому подъехал пикап призрака. Джуд слышал, как за спиной шуршат по гравию шины.

– Привет, парень! – окликнул его Крэддок через опущенное водительское окошко.

У двери в дом Джуд и Мэрибет остановились и оглянулись назад.

Грузовичок стоял возле «мустанга», двигатель тихо урчал на холостом ходу. За рулем сидел Крэддок – как всегда, в своем тесном черном костюме с серебряными пуговицами, высунув левую руку в окно. Лицо его скрывали сгущающиеся сумерки.

– Это твой дом? – спросил Крэддок и рассмеялся. – И как только ты решился уехать

отсюда? – Снова ядовитый смех.

Из руки мертвеца, высунутой в окно, выпал полумесяц. Он повис на поблескивающей цепочке, медленно раскачиваясь.

– Ты перережешь ей глотку. И она будет рада – рада, что все закончится. Не стоило тебе связываться с молоденькими девочками, Джуд.

Джуд взялся за дверную ручку, и Мэрибет в тот же миг нажала на дверь плечом. Они ввалились в темноту прихожей. Мэрибет ногой закрыла дверь. Джуд украдкой выглянул в окошко у двери: пикапа на улице не было, только «мустанг». И опять Мэрибет схватила его за плечи и развернула, заставляя двигаться.

Они пошли по коридору бок о бок, поддерживая друг друга. Мэрибет задела бедром какой-то столик и опрокинула его, столик со стуком повалился на пол вместе со стоявшим на нем телефоном. Телефонная трубка соскочила с рычагов и отлетела в сторону.

Коридор заканчивался дверью в кухню. Оттуда пробивался свет. Это был единственный источник света в доме, попавшийся им на пути. Снаружи все окна казались темными, а внутри Джуд и Мэрибет двигались в полумраке. Черным провалом зияла лестница на второй этаж.

Из кухни вышла пожилая женщина в очках, с белыми кудряшками, в блузке из ткани в цветочек. Синие удивленные глаза, увеличенные линзами, казались комически огромными. Джуд узнал Арлин Уэйд с первого взгляда, хотя уже не помнил, когда видел ее в последний раз. В любом случае, тогда выглядела она точно так же, как сейчас: сухопарая, вечно как будто напуганная, старая.

– Кто тут? – раздался ее голос. Правой рукой она взялась за крестик, висящий у нее на шее. Когда Джуд и Мэрибет приблизились, она отступила, чтобы дать им пройти. – Бог мой, Джастин! Во имя Иосифа и Марии, что с тобой случилось?

Кухня была желтой. Желтый линолеум, желтая плитка на стенах, занавески в желтую и белую клетку, тарелки с рисунком из желтых маргариток в сушилке над раковиной. Глядя на эту желтизну, Джуд припомнил песню группы «Колдплэй» – несколько лет назад она была настоящим хитом. В ней пелось как раз о том, что все вокруг желтое.

Учитывая то, как дом выглядел снаружи, было очень странно найти в нем такую веселую и уютную кухню. В детстве на кухне никогда не бывало уютно. Мать Джуда проводила здесь почти все свое время: чистила картошку, мыла бобы, в каком-то ступоре смотрела дневные телепередачи.

Ее онемение, эмоциональное истощение лишали кухню цвета и превращали ее в такое место, где хотелось говорить очень тихо, а лучше – вообще молчать. В те годы это было унылое помещение, где беготня и крики так же неуместны, как в похоронном бюро.

Однако мать умерла тридцать лет назад, и теперь здесь распоряжалась Арлин Уэйд. Она жила в доме уже больше года и, когда не спала, почти всегда находилась именно здесь. Она согрела кухню своим присутствием, каждодневными хлопотами, разговорами по телефону с подругами, пирогами для родственников, заботами об умирающем старике. Кухня стала даже слишком уютной. От ее тепла у Джуда закружилась голова, вдруг стало душно.

Мэрибет повела его к кухонному столу. Он почувствовал, как в правый бицепс впился костяной коготь. Это Арлин взяла его за руку, и он удивился силе ее пальцев.

– У тебя носок на руку надет, – констатировала она.

– Ему оторвало палец, – пояснила Мэрибет.

– Тогда что вы тут делаете? – спросила Арлин. – Нужно везти его в больницу.

Джуд упал на стул. Удивительно, но ему все еще казалось, что он двигается. Перед глазами медленно проплывали стены кухни, стул скользил вперед, как на карусели в парке аттракционов: «Необыкновенное путешествие мистера Джуда». Рядом села Мэрибет, толкнув коленями его ногу. Она дрожала. Лицо блестело от пота, волосы разметались в беспорядке, спутались и неопрятными прядями прилипли к щекам, вискам, шее.

– А где собаки? – спросила Мэрибет.

Арлин, пристально щурясь в сползшие на нос очки, начала разматывать носок,

стягивающий запястье Джуда. Если вопрос и показался ей странным или неуместным, виду она не подала, сосредоточившись на своем занятии.

– Мой пес – вон там, – ответила она, кивнув головой в угол кухни. – И как вы уже заметили, он ревниво меня охраняет. Очень бойкий старичок. С ним лучше не ссориться.

Джуд и Мэрибет посмотрели в угол. На подушке в плетеной корзине сидел толстый старый ротвейлер. Корзинка была ему маловата, и с одного края торчал розовый лысый собачий зад. Пес приподнял морду, посмотрел на гостей слезящимися больными глазами, потом снова положил голову на лапы и тихо вздохнул.

– Тебе, случайно, не собака палец откусила, а, Джуд? – спросила Арлин. – Ты поспорил с каким-нибудь псом?

– А где отцовские овчарки? – спросил он вместо ответа.

– Он уже давно не в состоянии держать собак. Клинтона и Разера я отдала соседям. – Она сняла носок и охнула при виде того, что раньше было повязкой. Бинты насквозь пропитались кровью. – Ты что, соревнуешься с отцом, кто быстрее помрет? – Не снимая бинтов, Арлин положила кисть Джуда на стол, чтобы внимательно осмотреть ее. Потом заметила, что у него забинтована и левая рука. – На той руке тоже не все части целы?

– Нет. Там просто глубокий порез.

– Я вызову «скорую помощь», – заявила Арлин и сняла трубку с настенного аппарата. Трубка громко и часто запищала, и Арлин тут же положила ее обратно на рычаг. – Вы скинули трубку с рычага на телефоне в прихожей, – обвинительным тоном произнесла она и удалилась, чтобы исправить содеянное гостями.

Мэрибет смотрела на руку Джуда. Он приподнял кисть – на столе остался кровавый отпечаток – и медленно опустил ее обратно.

– Зря мы сюда приехали, – сказала она.

– Все равно деваться больше некуда.

Она повернула голову и посмотрела на толстого ротвейлера Арлин.

– Скажи мне, что он сумеет нам помочь.

– Ладно. Он сумеет нам помочь.

– Правда?

– Нет.

Мэрибет устремила на Джуда вопросительный взгляд.

– Извини, – сказал он. – Возможно, насчет собак я ошибся. Дело в том, что годится не любая собака, а только моя. Ты когда-нибудь слышала о том, что у каждой ведьмы есть черный кот? Ангус и Бон были моими черными котами. Их никто не заменит.

– Когда ты понял это?

– Четыре дня назад.

– А почему не сказал мне?

– Надеялся, что истеку кровью до того, как Ангус... так поступит. Тогда бы у тебя все прошло. Призрак оставил бы тебя в покое, поскольку его задача была бы выполнена. Если бы голова моя работала лучше, я не стал бы так тщательно перевязывать руку.

– Думаешь, все будет в порядке, если ты умрешь у меня на руках? Думаешь, все будет в порядке, если мы дадим призраку то, что он хочет? Да пошел ты к черту! По-твоему, я проехала полстраны, чтобы посмотреть, как ты убиваешь себя? Пошел к черту!

В кухне появилась озабоченная Арлин. То ли досада, то ли задумчивость, а может, то и другое вместе заставили ее нахмуриться.

– С телефоном творится что-то странное. Почему-то нет гудка. Вместо этого в трубке слышна какая-то местная радиостанция. Передача для фермеров, что ли. Про то, как закалывать животных или потрошить, я уж не поняла. Наверное, ветром порвало провод.

– У меня есть мобильный... – начала Мэрибет.

– У меня он тоже есть, – не дала ей договорить Арлин. – Но в нашем захолустье нет ни одной антенны. Давай сначала уложим Джастина в постель, и я взгляну, что можно сделать с его рукой. А потом доеду до соседней фермы и оттуда позвоню.

Без предупреждения она сжала пальцами запястье Мэрибет, поднесла к очкам левую перебинтованную руку девушки. От многочисленных пятен сухой крови повязка стала жесткой и коричневой.

– Да чем же вы двое занимались? – спросила Арлин.

– У меня большой палец... – проговорила Мэрибет.

– Ты пыталась обменять его на указательный палец Джастина, что ли?

– Туда попала инфекция.

Арлин оставила перебинтованную руку и обратила внимание на вторую ладонь Мэрибет – без повязки, неестественно белую и всю в морщинах.

– Никогда не видела подобной инфекции. Заражены обе руки? Что-нибудь еще?

– Нет.

Арлин приложила руку ко лбу Мэрибет.

– Да ты вся горишь. Бог мой. Что один, что другая – оба хороши. Ты можешь отдохнуть в моей комнате, деточка. А я устрою Джастина в комнате его отца. Пару недель назад мы перенесли туда вторую кровать, чтобы я могла ночевать там и присматривать за ним ночью. Давай, большой мальчик. Нужно сделать еще несколько шагов. Поднимайся.

– Если хочешь, чтобы я сдвинулся с места, лучше сразу вези сюда тачку, – предупредил Джуд.

– В комнате твоего отца есть морфин.

– Ладно, – согласился Джуд и оперся левой рукой о стол, с трудом отрывая себя от стула.

Мэрибет подскочила и взяла его под локоть.

– А ты куда? – спросила Арлин. Она мотнула головой куда-то в сторону ротвейлера. За ним виднелась открытая дверь, ведущая в бывшую комнатку для шитья, теперь превратившуюся в маленькую спальню. – Лучше приляг. С ним я справлюсь.

– Да, – сказал Джуд Мэрибет. – Арлин справится.

– Что будем делать с Крэдкоком? – спросила Мэрибет.

Она стояла прямо перед ним, и Джуд наклонился, прижался лицом к ее волосам и поцеловал в макушку.

– Не знаю, – признался он. – Черт возьми, я бы все отдал, лишь бы тебя сейчас не было здесь. Почему ты не ушла? Почему ты не убежала, когда у тебя еще был шанс? Почему ты ведешь себя, как упрямая заноза?

– Я с тобой уже девять месяцев, – ответила она и, встав на цыпочки, обняла Джуда за шею, потянулась губами к его губам. – Наверное, от тебя и научилась.

И они замерли в объятиях друг друга.

Когда Джуд отпустил Мэрибет, Арлин помогла ему повернуться и повела через кухню в заднюю комнату, которая раньше была спальней Джуда. Он не ожидал этого – думал, что ему предстоит подняться на второй этаж, в хозяйскую спальню.

Но, конечно, отец лежал на первом этаже. Джуд припомнил: Арлин упоминала в одном из телефонных разговоров, что перевела Мартина в бывшую комнату сына. Ей стало трудно все время подниматься и спускаться по лестнице.

Джуд бросил на Мэрибет еще один, последний взгляд. Она стояла в дверях спальни Арлин и блестящими измученными глазами смотрела на него. Он и Арлин уходили, оставляя ее одну. Ему очень не нравилось, что Мэрибет будет так далеко от него, в темном лабиринте отцовского дома. Джуд подумал, что они, возможно, никогда больше не найдут дорогу друг к другу.

Стены темного и узкого коридора, ведущего в его старую спальню, заметно покосились. Джуд заметил (и вспомнил) дверь, затянутую ржавой, местами рваной сеткой. Сейчас она была заколочена гвоздями, а раньше вела в загон для свиней. К своему удивлению, за сеткой Джуд увидел трех свиней среднего размера. Они пристально следили за идущими мимо Арлин и Джудом, поворачивая добродушные и умные морды.

– Свиньи? До сих пор? Кто за ними смотрит?

– А ты как думаешь?

– Может, пора продать их?

Она пожала плечами, потом сказала:

– Твой отец всю жизнь держал свиней. Наверное, я оставила их, чтобы они напоминали ему о том, кто он такой. – Она подняла на Джуда глаза: – Считаешь меня старой идиоткой?

– Нет, – честно ответил Джуд.

Арлин толкнула дверь в бывшую комнату Джуда, и они шагнули в духоту, так сильно пропахшую ментолом, что на глазах у Джуда выступили слезы.

– Погоди, – сказала Арлин. – Я уберу свое шитье.

Она оставила его ждать, прислонившись к косяку, и торопливо просеменила к узкой кровати у левой стены. Напротив стояла вторая, точно такая же кровать. На ней лежал отец Джуда.

В узкие щели между веками виднелась лишь мутная белизна глазных яблок. Рот разинут. Руки – костлявые крючья с желтыми острыми кривыми ногтями – лежали на груди. Он всегда был худощавым и жилистым. Теперь он потерял, по оценке Джуда, около трети своего веса, в нем осталось не более сотни фунтов. Щеки превратились в темные провалы. Несмотря на тонкий свист дыхания в горле, казалось, что отец уже мертв. На подбородке засохли белые полосы. Значит, Арлин все еще бреет его. На ночном столике стояла чашка с остатками пены и кисточкой на деревянной ручке.

Джуд не видел отца тридцать четыре года, и при взгляде на него – истощенного, страшного, заблудившегося в собственном сне о смерти – почувствовал головокружение. То, что Мартин еще дышал, делало эту картину еще ужаснее. Было бы проще, если бы отец уже умер. Джуд ненавидел его так долго, что не был готов испытать другие эмоции. Жалость. Ужас. Ведь ужас коренится в сочувствии, в понимании, каково выносить подобные страдания. Джуд не ожидал, что способен проявить понимание или сочувствие к человеку на кровати.

– Он видит меня? – спросил он.

Арлин посмотрела через его плечо на Мартина.

– Сомневаюсь. Он давно не реагирует на зрительные образы. Конечно, говорить он перестал еще раньше, несколько месяцев назад, но до последнего времени он то кривил лицо, то делал какой-нибудь знак, если чего-то хотел. Ему нравилось, когда я его брила. Поэтому я продолжаю это делать – каждый день. Ему нравилось чувствовать горячую воду на лице. Может, нравится до сих пор. Не знаю. – Она помолчала, глядя на тощее сипящее тело старика. – Мне жаль, что он умирает, но после определенного момента поддерживать жизнь еще хуже. Я уверена в этом. Наступает время, когда смерть требует своего.

Джуд кивнул:

– Смерть требует своего. Верно.

Он обратил внимание на то, что Арлин держала в руках: коробку с шитьем, которую она взяла с ближней кровати. Когда-то это принадлежало его матери – большая желтая конфетная коробка в форме сердца, одна из тех, что дарил ей отец, наполненная наперстками, иглками и нитками. Арлин нажала на крышку, плотно ее закрыла и поставила на пол между койками. Джуд опасливо наблюдал за коробкой, но никаких угрожающих действий с ее стороны не последовало.

Арлин вернулась и за локоть подвела его к пустой кровати. Лампа на длинной складной ножке была прикручена к прикроватной тумбочке. Арлин повертела лампу – ржавые соединения закрипели – и нажала на выключатель. Яркий свет, брызнувший из-под абажура, заставил Джуда зажмуриться.

– А теперь давай взглянем на твою руку.

Она подтащила к кровати низкую табуретку, уселась на нее и с помощью пинцета стала разматывать мокрую марлю. Когда она отлепила от его кожи последний слой, всю кисть словно окунули в ледяную воду, а утеранный палец – невероятно защипало, будто в него вцепилась целая армия муравьев.

Арлин несколько раз вонзила в его рану иглу шприца, Джуд матерился. Потом кисть и запястье постепенно затопил благословенный холод. Он побежал по венам, превращая Джуда в снеговика.

В комнате потемнело, потом снова стало светло. Пот на его теле быстро остывал. Он лежал на спине. Он не помнил, когда лег. В правой руке ощущалось какое-то невнятное давление или потягивание. Когда Джуд понял, что Арлин что-то делает с обрубком его пальца – сшивает или соединяет скрепками, – он успел лишь проговорить: «Сейчас вырвет». Он боролся с приступом рвоты, пока Арлин подкладывала ему под щеку резиновый сосуд, а потом повернул голову, и его стошнило.

Закончив, Арлин положила правую руку Джуда ему на грудь. Обернутая милей бинтов, кисть увеличилась в три раза и превратилась в маленькую подушку. Джуда клонило в сон. В висках пульсировала боль. Арлин направила резкий яркий свет ему в глаза и наклонилась, чтобы осмотреть порез на щеке. Потом нашла широкий пластырь телесного цвета и аккуратно приклеила на лицо Джуда.

Она сказала:

– Из тебя вытекло очень много. Ты хоть знаешь, какое теперь заливать топливо? Мне надо сказать «скорой помощи», что им привезти с собой.

– Проверь, как там Мэрибет. Пожалуйста.

– Как раз собиралась.

Он закрыл глаза, а когда открыл, то не представлял себе, сколько минут прошло – одна или шестьдесят. Отцовский дом был погружен в покой и тишину, не раздавалось ни звука, кроме внезапного порыва ветра, потрескивания бревен, барабанной дробы дождя по стеклу. Сумела ли Арлин дозвониться до «скорой»? Заснула ли Мэрибет? Где Крэдок – уже в доме? Сидит под дверью? Джуд повернул голову и увидел, что на него смотрит отец.

Нижняя челюсть отца безвольно висела, оставшиеся зубы потемнели от никотина, десны воспалились. В бледно-серых глазах Мартина застыла растерянность. Двух мужчин разделяло четыре фута голого пола.

– Тебя здесь нет, – просипел Мартин Ковзински.

– Я думал, ты не можешь говорить, – сказал Джуд. Отец медленно закрыл и открыл глаза. Никак не показал, что услышал сына.

– Когда я проснусь, тебя здесь не будет.

В его интонации слышалась надежда. Он слабо закашлялся. Из рта полетела слюна, грудь при каждом болезненном вздохе глубоко западала, будто он выкашливал свои внутренности и понемногу сдувался.

– А вот здесь ты ошибаешься, – сказал ему Джуд. – Это ты мой дурной сон, а не наоборот.

Мартин продолжал смотреть на него с тупым удивлением и лишь несколько секунд спустя перевел взгляд на потолок. Джуд через силу наблюдал за ним: больной старик на армейской койке, дыхание с хрипом прорывается из горла, на подбородке засохшая пена.

Вскоре веки отца сомкнулись. А вслед за ним – и веки Джуда.

Он не знал, что разбудило его, но в какой-то момент вдруг вынырнул из сна и увидел, что в ногах кровати стоит Арлин. Сколько времени она так провела, было неясно. С ее ярко-красного плаща стекали блестящие дождевые капли. На старом худом лице застыло бесстрастное выражение, почти как у робота. Джуд не сразу понял это выражение, но через пару секунд интерпретировал его как страх. Он гадал, вернулась ли она или еще не уезжала.

– У нас нет света, – сказала она.

– Да?

– Я выходила на улицу, а когда вернулась, света уже не было.

– А-а.

– Возле дома стоит чей-то пикап. Просто стоит, и все. Какого-то непонятного цвета – никакого. Кто внутри, не видно. Я подошла к нему, чтобы посмотреть, кто это, попросить

вызвать «скорую», а потом испугалась. Испугалась того, кто там сидит, и вернулась.

– Лучше держаться от него подальше. – Арлин продолжала, словно не слышала Джуда:

– А дома оказалось, что электричества нет и в телефоне выступает какой-то сумасшедший. Теперь он несет что-то насчет славного пути – наверное, сектант. В гостиной вдруг заработал телевизор. Сам. Я знаю, что это невозможно, ведь в доме нет электричества. Но он заработал. Показывали новости. О тебе. Обо всех нас. О том, что мы умерли. Показали ферму и все прочее. Мое тело накрыли простыней. Они не говорили, что это я, но я заметила мой браслет на руке. Дом огородили желтой лентой. И Деннис Уолтеринг сказал, что это ты убил нас.

– Это неправда. Ничего этого не произойдет.

– Потом я не выдержала. Выключила телевизор. А он снова включился. Я снова выключила его и выдернула шнур из розетки. Это помогло. – Она замолчала, потом добавила:

– Мне надо идти, Джуд. Нужно позвонить от соседей, вызвать «скорую помощь». Надо идти... Только я боюсь объезжать тот пикап. Кто в нем?

– Тебе лучше не знать. Возьми мой «мустанг». Ключи в зажигании.

– Спасибо, не надо. Я видела, что там на заднем сиденье. О-о. Я лучше поеду на своей машине.

– Главное – держись подальше от пикапа. Объезжай его по газону, дави забор, если надо. Все, что угодно, но не приближайся к нему. Ты проверяла, как там Мэрибет?

Арлин кивнула.

– Ну и как?

– Спит. Бедное дитя.

– Да.

– Я пошла, Джастин.

– Будь осторожна.

– Я беру с собой своего ротвейлера.

– Хорошо.

Она сделала полшага к двери, но остановилась и спросила:

– Помнишь, мы с дядей Питом возили тебя в «Диснейленд», когда тебе было семь лет?

– Нет.

– Я ни разу не видела, чтобы ты улыбался – только в тот раз, когда забрался на спину слона и поехал по кругу. Я тогда обрадовалась. Раз ты умеешь улыбаться, думала я, у тебя есть шанс стать счастливым. И я очень жалела, что ты вырос таким. Таким несчастливым. Все время носишь черное и поешь ужасные вещи. Как я за тебя переживала. Куда подевался тот мальчик, что улыбался мне с карусели?

– Он умер. Я его призрак.

Она кивнула и пошла к двери. Взмахнула рукой, прощаясь, и исчезла во мраке коридора.

Джуд остался лежать. Он напряженно прислушивался к дому: к тому, как поскрипывали стены под порывами ветра, как барабанил по ним дождь. Раздался короткий резкий звук. Наверное, это вышла Арлин. А может быть, хлопнула дверь курятника.

Кроме жжения в щеке, пронзенной осколком, Джуд не испытывал сильной боли. Он дышал медленно и ровно. И смотрел на дверь, откуда ожидал появления Крэдока. Он не отрывал от нее взгляда – пока не услышал тихое постукивание справа от себя.

Пришлось посмотреть, что там. А там была большая желтая коробка в форме сердца. Стук раздавался оттуда. Потом коробка дернулась, словно по ней ударили снизу. Проползла по полу несколько дюймов и подпрыгнула снова. Зашевелилась крышка и после нескольких судорожных движений приподнялась с одного края.

Из коробки высунулись четыре костлявых пальца. Затем показался большой палец, и крышка окончательно снялась с коробки и стала подниматься вверх. Ее выталкивал Крэдок, вылезающий из коробки, как из отверстия в полу – отверстия в форме сердца. Крышка лежала на его голове смешной дурацкой шляпой. Он снял ее, отбросил в сторону, потом

одним рывком вытащил себя из коробки до пояса. Для человека, не только весьма пожилого, но и мертвого, это было удивительно атлетическое движение. Он оперся коленом об пол, вылез полностью и встал на ноги. Складки на его черных брюках оставались идеально ровными.

В загоне завизжали свиньи. Крэдок запустил длинную черную руку в бездонную коробку, поискал там что-то на ощупь, нашел и вытащил свою шляпу, надел ее на голову. Перед его глазами плясали черные каракули. Крэдок обернулся к Джуду, и его губы растянулись в улыбке.

– Что тебя так задержало? – спросил Джуд.

– Вот мы и вместе, ты и я. Но не на дороге, – сказал покойник. Его губы двигались беззвучно, голос существовал только в голове Джуда. В полумраке слабо поблескивали на черном костюме серебряные пуговицы.

– Да, – ответил Джуд. – Покатались, хватит.

– Все еще полон задора. Просто удивительно. – Крэдок положил костлявую ладонь на ногу Мартина, провел по ней несколько раз поверх простыни. Мартин лежал с закрытыми глазами, но из разинутого рта вырывался высокий сиплый свист дыхания. – Тысяча миль позади, а ты все еще поешь старую песню.

Рука Крэдока скользила по груди Мартина. Сам призрак как будто не замечал, что делает. Он ни разу не взглянул на старика, с трудом ловившего последние в своей жизни глотки воздуха.

– Мне твоя музыка никогда не нравилась. Анна слушала ее на такой громкости, что у нормального человека уши отваливались. Ты знаешь, что этот свет и ад соединяет дорога? Я ездил по ней. Много раз. Так вот, на той дороге ловится только одна радиостанция, и там всегда передают одну и ту же музыку: твою. Должно быть, дьявол так наказывает грешников. – Он засмеялся.

– Оставь девушку.

– О нет. Она будет сидеть между нами, когда мы пустимся в путь по ночной дороге. Она зашла вместе с тобой слишком далеко. Теперь мы не можем оставить ее.

– Говорю тебе, Мэрибет не имеет к этому никакого отношения.

– Запомни, сынок: не ты мне говоришь, а я тебе. Ты задушишь ее, а я буду смотреть. Повтори. Расскажи мне, как все будет.

Джуд подумал: «Ни за что». Но, еще додумывая эту мысль, произнес:

– Я задушу ее. А ты будешь смотреть.

– Вот теперь твоя песня мне нравится.

Джуд вспомнил о песне, которую сочинил в том мотеле в Виргинии. Вспомнил, как его пальцы сами находили нужные аккорды, вспомнил чувство покоя и умиротворения, охватившего его, когда он перебирал струны. Ощущение порядка и контроля, отстраненность от остального мира, уединение за невидимой стеной звука. Как там говорила Бэмми? Мертвые побеждают, когда ты сдаешься. И Джессика Прайс в его видении сказала, что Анна пела, находясь в трансе. Пела, чтобы с ней не делали того, чего она не хочет, чтобы отгородиться от голосов, которые не желала слышать.

– Вставай, – велел призрак. – Хватит отдыхать. У тебя важное дело. Девчонка ждет.

Но Джуд уже не слышал мертвеца. Он изо всех сил сосредоточился на музыке, звучащей у него в голове. Он слышал песню такой, какой она должна быть – записанная его группой, с мягким звоном цимбал и медленным глубоким пульсом бас-гитары. Мертвый старик что-то говорил, но Джуд обнаружил, что можно почти полностью игнорировать его, если думать о своей новой песне.

Он вспомнил о радиоприемнике в «мустанге» – старом приемнике, который он заменил на новый аудиоплеер. Та магнитола со стеклянной панелью принимала только средние волны. Когда ее включали, она горела неземным зеленым светом, превращая салон автомобиля в аквариум. Джуд представил себе, как из этого приемника льется его песня, слышал собственный голос, выкрикивающий слова под вибрирующий звук гитары. Это было

на одном канале. На другом звучал голос покойника. Далекая южная полуночная радиостанция «Послушаем во имя Иисуса» ловилась совсем плохо, пробивались лишь обрывки речей, одно-два слова, а остальное терялось в волнах помех.

Крэддок приказал ему встать. Через мгновение Джуд осознал, что не выполнил команды.

– Я сказал, вставай!

Джуд начал подниматься – но остановил себя. Он вообразил, как откинул водительское сиденье и вытянул ноги в открытое окно. По радио передавали его песню, в теплой летней ночи стрекотали насекомые. Он и сам что-то напевал. Тихо, сбивчиво, с паузами, однако узнаваемо: он напевал свою новую песню.

– Ты слышишь, что я говорю тебе, сынок? – спросил мертвец.

Джуд понял смысл вопроса по движению губ Крэддока: его артикуляция была очень четкой. Но Джуд ничего не слышал.

– Нет, – ответил он.

Верхняя губа Крэддока поползла вверх. Его рука по-прежнему лежала на теле отца Джуда – она передвинулась с груди Мартина на горло. О стены дома забился ветер, в оконные рамы плеснул дождь. Потом порыв стих, и в наступившей тишине стали слышны слабые стоны Мартина Ковзински.

Джуд на время забыл об отце, уйдя в вариации воображаемой песни, но стоны напомнили ему о Мартине. Он взглянул на отца. Тот широко раскрытыми глазами, полными смертельного ужаса, снизу вверх уставился на Крэддока. Крэддок тоже смотрел на старика. Его хищная ухмылка смягчилась, на сухом костистом лице появилось задумчивое выражение.

Отец заговорил – монотонным голосом, сильным от долгого молчания.

– Это посланник. Посланник смерти.

Призрак обратил на Джуда черные пятна глаз. Губы Крэддока зашевелились, и на миг его слова пробились сквозь песню.

– Значит, ты можешь отгородиться от меня, – говорил Крэддок. – А вот он не может.

Крэддок склонился над отцом Джуда и положил ладони Мартину на лицо – справа и слева от носа. Дыхание Мартина стало прерывистым, паника не давала ему как следует вдохнуть, он забывал выдыхать. Веки трепетали. Покойник склонился еще ниже и припал губами ко рту Мартина.

Отец вжался в подушку, уперся пятками в постель, отодвигаясь, как будто от Крэддока можно спрятаться в постели. Он сделал последний отчаянный вдох – и всосал привидение в себя. Это произошло мгновенно и походило на то, как фокусник продергивает сквозь кулак шарф, заставляя его исчезнуть. Крэддок сморщился куском полиэтиленовой пленки, втягиваемым в раструб пылесоса. Последними в горле Мартина исчезли начищенные черные ботинки. Шея несчастного старика растянулась и набухла, вспучилась, как тело змеи, проглотившей кролика, но Крэддок скользнул ниже по горлу, и шея вернулась в нормальное состояние – снова стала тощей, морщинистой и дряхлой.

Отец давился, кашлял, снова давился. Его таз оторвался от кровати, спина выгнулась. Это помимо воли напомнило Джуду оргазм. Глаза Мартина вылезали из орбит. Между зубами мелькал кончик языка.

– Выплюнь его, отец, – сказал Джуд.

Отец его, похоже, не услышал. Он упал на постель, потом снова выгнулся, словно на нем кто-то сидел, а Мартин пытался сбросить его. Из горла неслись всхлипывающие сдавленные звуки. Посередине лба вздулась синяя артерия, губы растянулись в каком-то собачьем оскале.

А затем он мягко опустил свое тело на смятую постель. Пальцы, только что сжимавшие простыни, медленно разжались. Глаза вспыхнули жутким алым цветом – это взорвались кровяные сосуды, окрасив глазные белки, – и без выражения уставились в потолок. Кровь показалась и на его губах.

Джуд вглядывался в отца, напряженно пытаясь понять: дышит ли он. Он слышал, как дом сопротивляется ветру. Слышал, как колотит по стене дождь.

С большим трудом Джуд сел на кровати, потом повернулся, готовясь опустить ноги на пол. Он не сомневался, что отец умер. Умер человек, который раздробил его кисть дверью и приставил ружье к груди матери; который правил этим домом с помощью кулака, ремня и злобного смеха; которого Джуд не раз хотел убить. Но зрелище смерти Мартина не прошло для Джуда бесследно. Внутри все болело, словно его снова вырвало. Словно из его тела насильно извлекли нечто такое, с чем он не хотел расставаться. Наверное, это была ненависть.

– Отец? – произнес Джуд. Он знал, что никто ему не ответит.

Джуд поднялся на ноги, покачиваясь и борясь с головокружением. Сделал один неуверенный, старческий шаг вперед, оперся перевязанной левой рукой о тумбочку, чтобы не упасть. Ему казалось, что в любой момент ноги его не выдержат и подогнутся.

– Отец? – позвал он снова.

Отец вдруг повернул к нему голову и посмотрел на Джуда своими ужасными алыми глазами.

– Джастин, – выдавил он. И улыбнулся. Видеть улыбку на его изможденном лице было страшно. – Мальчик мой. Я в порядке. Все хорошо. Подойди ко мне. Давай, обними же меня.

Джуд пошатнулся и сделал шаг не к отцу, а назад. Ответить сразу он не мог, ему не хватало воздуха. Когда к нему вернулся дар речи, он сказал:

– Ты не отец.

Мартин разлепил губы, обнажив воспаленные десны и редкие испорченные зубы. Капля крови выкатилась из его левого глаза, прочертила на скуле ломаную линию. В видении Джуда о последнем вечере Анны из глаза Крэдока выкатилась точно такая же кровавая слеза.

Отец сел на кровати и потянулся к чашке с остатками пены для бритья. Его пальцы сомкнулись на деревянной ручке старой бритвы. Джуд не знал, что она лежала там, за белой чашкой. Джуд отступил еще на шаг. Его икры уперлись в край кровати, и он плюхнулся на одеяло.

А отец уже встал, откинув простыню. Он двигался быстрее, чем ожидал Джуд. Быстро и резко, как ящерица: на секунду замирал, а в следующий миг молниеносно, почти неуловимо менял положение тела. Кроме белых грязных трусов, на нем ничего не было. Его старческая грудь обвисла двумя трясущимися мешочками, покрытыми курчавыми снежно-белыми волосами. Мартин шагнул вперед, опустил ногу на желтую коробку в форме сердца и смял ее.

– Иди ко мне, сынок, – сказал отец голосом Крэдока. – Папочка покажет тебе, как надо бриться.

Он перегнул руку в запястье, и бритва раскрылась, блеснув зеркальной поверхностью, в которой Джуд на мгновение увидел собственное потрясенное лицо.

Мартин прыгнул на Джуда, замахнувшись бритвой, но Джуд успел просунуть ногу между щиколотками старика. Одновременно он отпрянул в сторону с ловкостью, которой не ожидал от себя в подобном состоянии. Мартин упал лицом вперед, и Джуд почувствовал, что лезвие через ткань рукава чиркнуло по его бицепсу – как по маслу, не встретив ни малейшего сопротивления. Потеряв равновесие, Джуд перелетел через низкую железную спинку кровати и рухнул на пол.

В комнате было тихо, слышалось только шумное дыхание противников и вой ветра под крышей. Отец поднялся на ноги и бросился за Джудом – довольно резво для человека, перенесшего несколько сердечных приступов и прикованного к постели уже три с лишним месяца. Но Джуд уже выползал из комнаты.

Он добрался до середины коридора, почти до двери в загон для свиней. Животные прижались к металлической сетке, толкаясь, чтобы отвоевать место с наилучшим обзором. Их восторженный визг на секунду отвлек Джуда, а когда он обернулся, над ним уже стоял

Мартин.

Он коршуном налетел на Джуда и замахнулся, намереваясь вонзить бритву ему в лицо. В пылу борьбы Джуд забылся и правой рукой хватил отца в подбородок с такой силой, что голова старика с хрустом откинулась за спину. Джуд заорал. Огненный разряд боли пронзил его покалеченную руку и через кости ворвался в предплечье мощнейшим электрическим ударом.

Придя в себя быстрее, чем отец, Джуд толкнул его в затянутую сеткой дверь. Мартин ударился о ржавые пружины. Раздался треск, и нижний квадрат сетки, вырванный из деревянной рамы, провалился внутрь. Вслед за ним в загон упал Мартин. Свиньи шарахнулись в стороны. От двери в загон раньше вели ступени, но их больше не было, поэтому Мартин рухнул с высоты в два фута. До Джуда донесся глухой звук падения.

Мир вокруг заколебался, потемнел, почти исчез.

«Нет, – подумал Джуд. – Нет, нет, нет».

Он цеплялся за сознание, как человек, которого увлекает на дно темная вода, тянется вверх, пока в легких не закончится воздух.

Мир снова прояснился. Искра света в самой его середине росла и ширилась, гася серые призраки уже сгущавшихся теней. К Джуду вернулось зрение. В коридоре было тихо. В загоне похрюкивали свиньи. На лице Джуда был нездоровый пот.

Он позволил себе немного отдохнуть. В ушах звенело. В руке тоже звенело. Он сосредоточился, оттолкнулся пятками от пола, чтобы дотянуться до стены, и сел, опираясь на нее. Пришлось снова сделать паузу и передохнуть.

Наконец он встал на ноги. Это ему удалось, только когда он сообразил, что можно скользить спиной по стене вверх. Он заглянул в загон через разрыв в сетке, но отца не увидел. Должно быть, тот лежал под самой стеной.

Джуд пошатнулся и схватился за деревянную раму двери, чтобы не свалиться вслед за отцом. Ноги его неудержимо дрожали. Он наклонился вперед, желая убедиться, что Мартин лежит на земле со сломанной шеей. И в этот миг перед ним вырос отец и схватил его за ногу.

Джуд закричал, пнул отца другой ногой и инстинктивно отпрянул. И тут же, как на льду, он потерял равновесие, отчаянно и глупо замахал руками и упал. Он все же умудрился высвободить ногу, и по инерции его понесло по коридору в сторону кухни.

Через прореху в сетке Мартин вылез в коридор и на четвереньках пополз к Джуду, распростертому на полу лицом вверх. Перед глазами Джуда возникло его лицо, поднялась и опустилась тощая рука, мелькнула серебристая молния. Джуд успел подставить левую руку, и опасная бритва полоснула его предплечье, задев кость. В воздух взметнулась кровь. Снова кровь.

Ладонь левой руки Джуда была забинтована, но пальцы оставались свободными, торчали из повязки как из беспалой перчатки. Отец снова поднял бритву, готовясь к удару, но Джуд опередил его и всадил два пальца в горящие красным огнем глаза Мартина. Старик взвыл, откинулся назад, пытаясь отодвинуться от Джуда. Он продолжал размахивать бритвой, но до лица Джуда его оружие не доставало. Джуд наседал, загибая голову старика назад, и глядел на вытянувшееся горло в ожидании, когда же сломается хребет этого ублюдка.

Он чувствовал, что силы его на пределе, когда в шею отца вонзился кухонный нож.

Мэрибет стояла в десяти футах от них, возле плиты, над которой был прибит магнитный держатель для ножей. Дыхание вырывалось из ее груди истерическими всхлипами. Отец повернул к ней голову. В крови, выступившей вокруг лезвия, пенились пузырьки воздуха. Мартин потянулся к рукоятке, сомкнул вокруг нее пальцы, пошевелил ножом. Из его горла раздался громкий булькающий звук. Мартин повалился на бок.

Мэрибет схватила второй широкий нож, потом еще один. Первый она взяла за кончик лезвия и швырнула в спину Мартина, попытавшегося подняться. Нож вошел в плоть с гулким хрустом, как в спелую дыню. Мартин только выдохнул. Мэрибет двинулась к нему с третьим ножом в руках.

– Не подходи, – предупредил ее Джуд. – Он просто так не умрет.

Но Мэрибет не слышала. Через секунду она стояла над Мартином. Тот поднял на нее глаза, и она всадила лезвие ему в лицо. Нож вошел в одну щеку рядом с губами и вышел через другую, удлинив рот старика в два раза.

В то мгновение, когда она метнула нож, Мартин атаковал ее, выбросив вперед правую руку с зажатой в ней бритвой. Лезвие нарисовало красную линию поперек бедра девушки, над правым коленом, и ее нога подогнулась.

Мэрибет оседала на пол, а Мартин с ревом поднялся с пола и встал на ноги. Почти идеальным приемом он ударил Мэрибет в живот, и она отлетела на кухонные тумбы. Она успела бросить в Мартина четвертый нож, который вошел в его плечо по самую рукоятку. С тем же успехом она могла поразить ствол дерева.

Она соскользнула на пол, и сверху на нее бросился отец – весь в ручьях крови, что хлестала из раны на шее. Он опять взмахнул опасной бритвой.

Мэрибет схватилась за горло, прижала к нему ладонь правой больной руки. Между ее пальцев била кровь. На белой шее растянулась широкая и наглая черная ухмылка пореза.

Девушка перевернулась на бок, стукнувшись головой о пол. Она смотрела мимо Мартина – на Джуда. Лицо ее лежало в луже густой алой крови.

Отец упал на четвереньки. Одной рукой он все еще держался за рукоятку ножа, торчавшего из его шеи, ощупывал пальцами края раны и оценивал, как глубоко вошел в его плоть нож, но не пытался вытащить его. Старик был похож на подушечку для иголок: нож в плече, нож в спине. Но его интересовал лишь тот, что попал в шею. Остальные он словно не замечал.

Мартин из последних сил полз к Мэрибет, удаляясь от Джуда. Первыми сдали его руки. Он упал лицом в пол и так ударился подбородком, что было слышно, как клацнули зубы. Он попытался подняться, и у него это почти получилось, но руки его не держали. Он опять упал, теперь уже на бок. Джуд с облегчением отметил, что видит лишь затылок отца. Ему не придется снова смотреть в лицо Мартина, пока тот умирает. Опять умирает.

Мэрибет хотела что-то сказать. Между воспаленных губ показался язык. Глаза молили Джуда подойти ближе. Зрачки сузились, превратившись в черные точки.

Он тащил свое тело по полу, передвигая локти один за другим. Мэрибет шептала что-то, но он не слышал ее из-за отца: Мартин начал кашлять, давиться, бить пятками по полу, словно в предсмертной конвульсии.

– Он еще... не все, – бормотала Мэрибет. – Он идет... снова. Он никогда... не остановится.

Джуд оглянулся в поисках чего-нибудь, чем можно стянуть рану на ее шее. Он приблизился к Мэрибет настолько, что оказался в луже крови, расползающейся вокруг нее. На дверце плиты висело кухонное полотенце, и Джуд схватил его.

Мэрибет смотрела ему в лицо, но у него возникло ощущение, что она не видит его, что ее взгляд устремлен в неведомую даль.

– Я слышу... Анну. Я слышу. Она... зовет. Нам надо... сделать... дверь. Мы должны... впустить ее. Сделай дверь... Сделай дверь... и я открою ее.

– Не разговаривай. – Он отодвинул ее руку с горла и приложил к ране свернутое полотенце.

Мэрибет поймала его за рукав.

– Не смогу... открыть ее... когда буду... на той стороне. Нужно сделать это сейчас. Меня уже нет. Анны нет. Ты не... можешь нас... спасти... – бормотала она. – Сколько крови. Дай. Нам. Спасти. Тебя.

С другого конца кухни доносились хриплые стоны и кашель. Отец Джуда давился, что-то изрыгая из себя. Джуд знал что.

Он смотрел на Мэрибет и не верил в происходящее. Это даже пересиливало скорбь. Ладонь Джуда легла на щеку девушки, такую холодную на ощупь. Он обещал. Он обещал если не ей, то себе, что будет заботиться о ней, и вот она лежит с перерезанным горлом и говорит, что позаботится о нем. Каждый вдох давался ей с неимоверным трудом, она

беспомощно дрожала.

– Сделай дверь, – умоляла она. – Дверь.

Он взял обе ее руки и положил поверх скомканного полотенца, чтобы их вес прижимал ткань к ране. Потом повернулся и пополз по крови на край лужи. Он услышал, что снова напевает свою песню – новую песню, чей мотив так похож на южный гимн. Как делают дверь для мертвых? Может, нужно просто нарисовать ее? Он пытался сообразить, чем тут можно рисовать, а потом заметил свои красные следы на линолеуме. Джуд окунул палец в кровь Мэрибет и провел им по полу.

Когда он счел, что линия достаточно длинная, он начал рисовать другую под прямым углом к первой. Кровь на кончике пальца высохла. Джуд неуклюже развернулся и подполз к Мэрибет – к широкой кровавой луже, в которой она лежала.

Подняв глаза на девушку, он увидел за ней Крэддока. Призрак вылезал изо рта Мартина. Лицо Крэддока исказилось от усилия, одной рукой он упирался в лоб Мартина, другой в его плечо. В области пояса его тело было скручено в толстую веревку. Джуду это опять напомнило кусок целлофана, скомканный и свернутый, как канат. Веревка уходила в рот Мартина и дальше в горло. Крэдок нырнул в тело его отца, как пловец в воду, а выбирался оттуда, словно из вязкого болота.

– Ты умрешь, – говорил призрак. – Эта сучка умрет ты умрешь мы все помчимся по ночной дороге вместе ты хочешь петь ла-ла-ла я научу тебя петь я научу.

Джуд погрузил руку в кровь Мэрибет и двинулся обратно. Мыслей у него не осталось. Он был машиной, что тупо ползала взад и вперед и рисовала прямые линии. Он закончил верхнюю часть двери, развернулся, повел третью линию, теперь приближаясь к Мэрибет. Линия получалась кривая – то жирная, то еле видная.

Нижней частью двери, решил Джуд, будет лужа. Добравшись до нее, Джуд взглянул на Мэрибет. Ворот и перед ее футболки насквозь пропитались кровью. Лицо ее пугало неподвижной бледностью. Джуд подумал, что уже слишком поздно, что она мертва, но ее веки слегка дрогнули. Она смотрела на него сквозь надвигающееся забвение.

Крэдок закричал, теряя терпение. Он почти вылез – во рту Мартина осталась одна нога призрака. Он уже пытался стоять, но не мог удержать равновесие. В руке Крэддока блестело лезвие в форме полумесяца, с него свисала яркая петля цепочки.

Джуд снова повернулся к нему спиной и воззрился на кровавую дверь. Он бездумно смотрел на красную рамку – на эту пустую, за исключением нескольких отпечатков ладони, форму. Чего-то не хватало, и он пытался понять, чего именно. Потом до него дошло: дверь станет дверью, когда будет возможность открыть ее. И он нарисовал у одной из длинных сторон красный кружок – ручку.

На него упала тень Крэддока.

«Неужели привидения отбрасывают тень?» – поразился Джуд.

Он устал. Думать было невыносимо трудно. Он остался сидеть там, где был, на нарисованной двери. И вдруг почувствовал толчок снизу. Сначала он подумал, что это ветер, нападающий на дом яростными упорными порывами, пытается прорваться внутрь сквозь линолеум.

Вдоль правого края двери протянулась узкая полоска света – яркая белая черта. С той стороны снова раздался удар, будто под полом бушевал огромный лев. Третий удар, как и два предыдущих, потряс весь дом. Зазвенели тарелки на подставке возле раковины. Джуд, приподнявшийся на четвереньки, почувствовал, что локти его подгибаются. Он решил, что нет никакой необходимости стоять, пусть даже и на четырех конечностях. Это отнимает массу сил. Он медленно повалился на бок, перекатился на спину и оказался вне красного прямоугольника.

Крэдок стоял над Мэрибет. Его черный костюм смялся, воротник задрался кверху, шляпа пропала вовсе. Мэрибет была беззащитна, но покойник не двигался. Он остановился, недоверчиво глядя на нарисованную дверь у его ног, словно это ловушка и он рискует провалиться в нее, подойдя слишком близко.

– Что такое? Что ты тут наделал?

Когда Джуд заговорил, он почти не услышал своего голоса, доносившегося откуда-то издалека:

– Смерть требует своего, Крэдок. Рано или поздно смерть требует своего.

Кособокая дверь на полу вспучилась, затем опала. Надулась еще раз. Она как будто дышала. По краю пробежала линия света: луч такой яркости, что на него невозможно было смотреть. Он огибал дверь с одной стороны, миновал угол и двигался дальше.

Ветер усилился, заревел еще громче – высокий, пронизывающий вой. Вой раздавался не из-за стен дома, понял Джуд. Это был потусторонний сквозняк из-под нарисованной кровью двери. И он не выдувал воздух, а всасывал его внутрь, в ослепительные белые линии. У Джуда заложило уши, и он на миг почувствовал себя сидящим в самолете, который слишком быстро заходит на посадку. На кухонном столе зашуршали листки бумаги, потом взвились в воздух и погнались друг за другом. Мелкая ровная рябь побежала через широкую лужу крови, где лежало бледное незрячее лицо Мэрибет.

Левая рука Мэрибет, заметил Джуд, протянулась через озеро крови к дверному контуру на линолеуме. Джуд не видел, когда она успела повернуться и подползти к двери. Теперь ее ладонь легла на красный круг, что он нарисовал вместо ручки.

Где-то залаяла собака.

В следующий миг дверь на линолеуме провалилась вниз. Мэрибет должна была бы упасть – половина ее тела лежала внутри прямоугольника. Однако она не упала, а осталась лежать, как на листе тонкого стекла. Неровный параллелограмм света вырос вокруг нее в центре пола – открытая ловушка, заполненная невероятным, ослепительным сиянием.

В этом потустороннем свете кухня превратилась в собственный негатив, состоящий из резкой белизны и плоских наичернейших теней. Мэрибет была черной фигурой, парящей в потоке света. Крэдок же, который стоял над ней, закрывая лицо руками, выглядел как жертва атомного взрыва в Хиросиме абстрактный набросок человека в полный рост, нарисованный пеплом на черной стене. Над кухонным столом бумажные листки все кружились в странном танце, но они почернели и стали похожи на стаю ворон.

Мэрибет повернулась на бок и подняла голову. Уже не Мэрибет – это была Анна. Из глаз ее лился свет, а лицо было строгим, как Судный день.

– Зачем? – спросила она. Крэдок зашипел:

– Убирайся. Возвращайся обратно.

Он раскрутил свой маятник на цепочке. Полумесяц лезвия засвистел, вычерчивая в воздухе кольцо серебряного огня.

Анна стояла у порога сияющей двери. Джуд не видел, как она поднялась. Только что лежала на полу – и вот уже стоит. Наверное, время опять двигалось скачками. Время больше не имеет значения. Джуд поднял руку, чтобы защитить глаза от невыносимого сияния, но свет лился отовсюду, спрятаться от него было нельзя. Джуд видел кости своей ладони. Кожа на них была как мед – того же цвета и прозрачности. Его раны: порез в щеке, обрубок указательного пальца пульсировали болью одновременно глубокой и восхитительной. Он думал, что сейчас закричит от страха, от радости, от шока – от всего вместе и от чего-то еще большего. От благоговения.

– Зачем? – повторила Анна, приблизившись к Крэдоку.

Он хлестнул в ее сторону цепочкой, и изогнутое лезвие прочертило на лице Анны длинный порез от угла правого глаза, через нос и до самого рта. Но оттуда полилась не кровь, а то же белое сияние, и там, где свет попадал на Крэдока, призрак начал дымиться. Анна наступала на него.

– Зачем?

Крэдок завопил, когда Анна заключила его в кольцо своих рук. Завопил и снова чиркнул бритвой, на этот раз по груди девушки, но лишь открыл новый источник сияния. Прямо в лицо мертвеца хлынул поток беспощадного света. Свет сжигал его, как сжигал все на своем пути. Вопль Крэдока был оглушительным. Джуд подумал, что его барабанные

перепонки сейчас лопнут.

– Зачем? – спросила Анна и прижалась губами ко рту Крэддока, а из провала двери выскочили две черные собаки – собаки Джуда, гигантские псы из черного дыма и тени, с чернильными клыками.

Крэддок Макдермотт сопротивлялся, вырывался из рук, отталкивал Анну, но она увлекала его назад, в дверь, а вокруг его ног носились черные собаки. На бегу они растягивались и разматывались клубками черной шерсти, обвивали собой Крэддока и привязывали его к Анне. Привязывали покойника к мертвой девушке. Когда призрак уже исчезал в нездешнем сиянии, Джуд увидел, как голова Крэддока треснула и из нее вырвался столб белого света – такого мощного, что по краям он казался голубым. Столб ударил в потолок. Известка в том месте почернела и пошла пузырями.

Анна и Крэддок упали в открытую дверь и исчезли.

Бумаги, что кружились над кухонным столом, с тихим шелестом упали вниз и собрались в стопку почти на том же месте, с которого взлетели. В наступившей тишине Джуд различил тихое то ли гудение, то ли пение – глубокую мелодичную пульсацию. Он не столько слышал ее, сколько чувствовал всеми внутренностями. Она поднималась и опадала, поднималась и опадала, накатывала волнами нечеловеческой, но приятной музыки. Джуд не знал инструмента, способного произвести подобные звуки. Они скорее походили на музыку шин, визжащих по асфальту. Это низкое, мощное звучание ощущалось даже кожей. От него вибрировал воздух. Казалось, что его производил свет, льющийся из неровного прямоугольника на полу. Джуд поморгал, всматриваясь, где же Мэрибет. «Смерть требует своего». Джуд поежился и не сразу сумел собраться с мыслями.

Нет. Она еще не умерла, когда открывала дверь минуту назад. Джуд не мог допустить, что она просто исчезла, не оставив ни следа. Он пополз вперед. Теперь он был единственным живым существом в кухне. После всего, что с ним произошло, тишина казалась более невероятной, чем проход между мирами. Джуду было больно: больно рукам, больно лицу, по груди гуляла обжигающая ледяная щекотка. Но Джуд не сомневался: если ему суждено умереть от сердечного приступа, это уже случилось бы. Кроме несмолкающего неземного пения, в доме не раздавалось ни звука. Джуд слышал только свое тяжелое свистящее дыхание да шлепанье ладоней по полу. Один раз он различил, как его собственные губы произнесли имя Мэрибет.

Чем ближе он подползал к свету, тем труднее было смотреть на него. Он зажмурился, но и с закрытыми глазами продолжал видеть свет, как сквозь занавес из тонкого серебристого шелка. Сомкнутые веки не были преградой для сияния из того мира. Нервные окончания за глазами яблоками пульсировали в такт музыке бесконечности.

Не в силах больше выносить слепящее сияние, Джуд повернул голову в сторону, но продолжал двигаться вперед. Поэтому он не заметил, что дополз до края открытой двери. Он оперся руками об пол, но пола уже не было. Мэрибет – или Анна? – висела над дверным проемом, словно там лежало стекло, но Джуд провалился вниз, как осужденный проваливается сквозь подмости виселицы. Он даже не успел вскрикнуть перед тем, как исчезнуть в сиянии.

Ощущение падения – тошнотворная невесомость в животе и корнях волос – еще не прошло, однако он уже осознает, что свет не так ярок, как раньше. Он козырьком приставляет руку ко лбу и мигает в пыльном и желтом солнечном сиянии. Он прикидывает время – наверное, часа три – и каким-то образом понимает, что он на Юге. Джуд снова в своем «мустанге», на пассажирском сиденье. За рулем – Анна, она мурлычет что-то себе под нос. Двигатель тихо и сдержанно урчит – «мустанг» в отличной форме. Он словно только что выкатился из магазина тысяча девятьсот шестьдесят пятого года.

Они проезжают милою или около того, оба молчат. Наконец он узнает дорогу – шоссе 22. – Куда мы едем? – спрашивает он.

Анна прогибает спину, разминая позвоночник. Руки она держит на руле.

– Не знаю. Я думала, что мы просто катаемся. А куда ты хочешь поехать?

– Да все равно. Как насчет Чинчубы?

– А что там?

– Ничего. Просто место, где хорошо посидеть, послушать радио, посмотреть на пейзаж. Как тебе такой вариант?

– Как в раю. Должно быть, мы в раю.

После этих слов у Джуда в левом виске зарождается боль. Он не хочет, чтобы она так говорила. Они не в раю. Даже думать об этом не надо.

Некоторое время они едут по старому, потрескавшемуся, узкому шоссе. Потом Джуд замечает впереди правый поворот и указывает на него Мэрибет. Она без слов сворачивает вправо. Теперь дорога грунтовая, и деревья растут вдоль самой обочины, нависают над проезжей частью, образуя туннель густого зеленого света. Тени и солнечные пятна скользят по ясному лицу Мэрибет с тонко вырезанными чертами. Она выглядит спокойной и уверенно правит большой мускулистой машиной, довольная тем, что впереди у нее целый день без забот и дел кроме, может быть, одного – припарковаться в приятном месте и послушать музыку вместе с Джудом. Когда Анна превратилась в Мэрибет?

И, словно он задал этот вопрос вслух, она оборачивается к нему и смущенно улыбается.

– Я ведь пыталась предупредить тебя, помнишь? Две девушки по цене одной.

– Точно, предупреждала.

– Я знаю эту дорогу, – говорит Мэрибет без тени южного акцента, что так колоритно окрашивал ее речь в последние дни.

– Ну да. Я тебе говорил. Дорога на Чинчубу.

Она бросает на него знающий, удивленный, слегка смягченный жалостью взгляд. Потом, будто он ничего не сказал, Мэрибет продолжает:

– После всего, что я слышала об этой дороге, я ожидала гораздо худшего. Она ведь называется «ночной», а здесь совсем не ночь. Хотя, может, для кого-то и ночь.

Он морщится – еще один резкий укол боли. Он хочет уверить себя, что она запуталась и ошибается относительно того, где они сейчас. Ведь могла же она ошибиться. Здесь не только день вместо ночи – эту грунтовку и дорогой-то назвать трудно.

Через минуту они едут уже не по дороге, а по двум ухабистым канавам, разделенным полосой травы. «Мустанг» поминутно цепляет кочки то бампером, то днищем. Они проезжают мимо остова светлого грузовика, оставленного догнивать под ивой. Его капот поднят, железные внутренности скрылись под зарослями травы. Джуд не оборачивается, чтобы рассмотреть грузовик.

За следующим поворотом пальмы и кусты отступают. Мэрибет нажимает на тормоз, и «мустанг» медленно двигается вперед, все еще оставаясь в прохладной тени. Под шинами приятно похрустывает щебенка. Джуд всегда любил этот звук. Его все любят. Впереди – неширокий луг, а за ним открывается грязно-коричневый разлив озера Понтчартрейн. Воду ерошит несильный ветерок, гребни волн поблескивают полированной сталью. При виде неба Джуд несколько озадачен: оно равномерно и ослепительно белое, оно так наполнено светом, что на него невозможно смотреть. Невозможно понять, в какой стороне солнце. Джуд отворачивается, прикрывает глаза рукой. Боль в левом виске усиливается, бьется вместе с пульсом.

– Проклятье, – говорит он. – Это небо.

– Здорово, правда? – говорит Анна из тела Мэрибет. – Так далеко все видно. Можно смотреть в него вечно.

– Я ни черта не вижу.

– Да, ты береги глаза, – говорит Анна, но за рулем по-прежнему Мэрибет, это ее губы шевелятся. – Тебе нельзя смотреть туда. Пока нельзя. Нам тоже трудно оглядываться назад в ваш мир. Может, ты заметил у нас черные линии поверх глаз. Это что-то вроде солнцезащитных очков для живых покойников. – Сравнение смешит ее, она смеется хриплым, грубоватым смехом Мэрибет.

Она останавливает машину на границе леса и поля, выключает двигатель. Окна опущены. Воздух, заливающий машину, сладко пахнет прогретыми на солнце кустами и травой. Под этой сладостью Джуд различает тонкий аромат озера Понтчартрейн – прохладный и болотный.

Мэрибет склоняется к Джуду, кладет голову ему на плечо, обнимает за талию, а потом начинает говорить своим собственным голосом:

– Как бы мне хотелось вернуться вместе с тобой. – Его пробирает ледяная дрожь.

– Что это значит?

Она смотрит на него с любовью.

– Эй. Я думала, мы уже обо всем договорились, Джуд. Мы ведь договорились?

– Прекрати, – говорит Джуд. – Никуда ты без меня не поедешь. Ты остаешься со мной.

– Не знаю, – говорит Мэрибет. – Я так устала. Обратная дорога очень длинная, не знаю, хватит ли у меня на это сил. Клянусь, машина едет не на бензине, а на мне. Я уже почти пуста.

– Перестань так говорить.

– Кажется, мы собирались послушать музыку.

Он открывает бардачок, нащупывает кассету. Это сборник демозаписей, его личная коллекция. Его новые песни. Он хочет, чтобы Мэрибет послушала их. Начинается первая песня – «Выпьем за мертвых». Перезвон гитарных струн окреп, возвысился до гимна в стиле «кантри» – сладкозвучный и одинокий госпел, песня скорби. Черт, как болит голова, теперь уже оба виска; глаза ломит. Будь проклято это невыносимо яркое небо.

Мэрибет выпрямляется в кресле, но это не Мэрибет, а снова Анна. Ее глаза наполнены светом. Они наполнены небом.

– Весь мир состоит из музыки. Мы – струны лиры. Мы резонируем. Мы поем вместе. Это прекрасно. Вместе с ветром, дующим мне в лицо. Когда ты поешь, я пою с тобой, любимый. Ты ведь знаешь это?

– Перестань, – просит он. Анна снова берется за руль и заводит машину. – Что ты делаешь?

Мэрибет протягивает с заднего сиденья руку и сжимает его пальцы. Они разделились – они стали двумя разными людьми, впервые за много дней.

– Джуд, мне пора. – Она тянется к нему, прижимает к его губам свои губы. Они холодные и дрожат. – Ты выходишь здесь.

– Мы, – говорит он. Когда она пытается забрать свою руку, он не отпускает, сжимает крепче, пока не ощущает, как под ее кожей гнутся кости. Он целует ее и повторяет: – Мы выходим здесь. Мы. Мы.

Снова под колесами шуршит щебенка. «Мустанг» катится вперед под этим открытым небом. Переднее сиденье захлестывает мощное белое сияние, оно стирает весь мир вне машины, не оставляя ничего. И даже внутри Джуд, приподняв веки, почти ничего не видит. Боль, полыхающая в черепе, ошеломляет его, приводит в восторг. Он не выпускает руку Мэрибет. Она не уйдет, если он не отдаст ее. И этот свет – боже, сколько света. Что-то случилось со стерео; его песня то слышна, то пропадает, заглушаемая глубокой и низкой гармонической пульсацией – той неземной музыкой, которую Джуд слышал перед падением в дверь между мирами. Он хочет заговорить с Мэрибет, попросить у нее прощения за то, что не сдержал обещания. Он хочет сказать, что любит ее, любит всем сердцем. Но голос куда-то пропал, и Джуд не в силах думать из-за света, бьющего в глаза, и музыки в его голове. Ее рука. Он по-прежнему держит ее за руку. Он снова и снова сжимает пальцы Мэрибет, пытаясь заменить слова прикосновением, и она в ответ тоже сжимает его руку.

А в сиянии света Джуд видит Анну, которая переливается и дрожит как язык пламени. Он смотрит, как она отворачивается от руля, и улыбается ему, и тянется к нему, и кладет ладонь поверх его руки, сжимающей пальцы Мэрибет, и потом говорит:

– Черт возьми, похоже, этот волосатый сукин сын пытается сесть.

Джуд заморгал от резкого болезненного белого луча офтальмоскопа, направленного ему

в левый глаз. Он попытался сесть, но кто-то положил ладонь ему на грудь и придавил его к полу. Он хватает ртом воздух, как форель, только что вытащенная из озера Понтчартрейн и выброшенная на берег. Он однажды говорил Анне, что хорошо бы вдвоем поехать на рыбалку на озеро Понтчартрейн. Или он говорил это Мэрибет? Он не помнил.

Офтальмоскоп убрали, и Джуд стал смотреть на покрытый пятнами плесени кухонный потолок. Говорят, сумасшедшие иногда проделывают дыры в собственном черепе, чтобы выпустить демонов и уменьшить невыносимое давление мыслей. Он понимал их. Каждое биение сердца было сокрушительным ударом, сотрясающим нервные окончания в глазах и висках. Так заявляла о себе беспощадная жизнь.

Над ним замаячил пятачок, розовая свиная морда непристойно ухмыльнулась и произнесла:

– Ни фиги себе. Вы знаете, кто это? Это же Джудас Койн.

Кто– то другой потребовал:

– Уберут отсюда свиней или нет?

Под негодуемый визг свинью оттащили в сторону. В поле зрения Джуда появилось лицо с аккуратной каштановой бородкой и внимательными ласковыми глазами.

– Мистер Койн? Лежите спокойно. Вы потеряли много крови. Сейчас мы переложим вас на каталку.

– Анна, – проговорил Джуд прерывающимся свистящим шепотом.

В голубых глазах молодого мужчины промелькнула боль и что-то вроде извинения.

– Так ее звали?

Нет. Нет, Джуд ошибся. Ее звали не так, но ему не хватало воздуха в легких, чтобы поправиться. Потом до него дошло, что мужчина, склонившийся над ним, говорил о девушке в прошедшем времени.

За Джуда ответила Арлин Уэйд.

– Он говорил, что ее звали Мэрибет.

С другой стороны возникло лицо Арлин с комически большими глазами в линзах очков. Она тоже говорила о Мэрибет в прошедшем времени. Джуд снова попытался сесть, но бородатый санитар держал его крепко.

– Тебе нельзя садиться, дорогой, – сказала Арлин.

Раздался металлический стук, и Джуд посмотрел вперед, вдоль своего тела, распростертого на полу. Группа людей катила мимо него тележку с носилками. На металлической подставке висел мешок капельницы, набухший кровью. С пола Джуд не мог видеть человека, лежащего на каталке, но он заметил, что из-под простыни свесилась рука. От инфекции, обезобразившей кисть Мэрибет, не осталось и следа. Ее маленькая худая ручка безвольно покачивалась в такт движениям каталки, и Джуд вспомнил о девушке из того порнофильма с убийством: о том, как ее тело после смерти стало как будто бескостным. Один из санитаров, толкавших каталку, глянул вниз и увидел, куда смотрит Джуд. Он положил руку Мэрибет на носилки и подоткнул простыню. Каталка скрылась из виду. Возбужденные и приглушенные голоса санитаров доносились теперь из передней.

– Мэрибет? – только и смог шепнуть Джуд чуть слышно, выдохнув с болью.

– Ей пора в путь, Джастин, – сказала Арлин. – За тобой приедет другая машина.

– В путь? – повторил Джуд. Он ничего не понимал.

– Они больше ничего не могут для нее сделать здесь. Ей пора. – Арлин похлопала его по руке. – За ней уже приехали.

Живой

Двадцать четыре часа Джуд пребывал между забытием и явью.

Однажды он очнулся и увидел, что в дверях палаты стоит его адвокат Нэн Шрив и беседует с Джексонном Брауном. Джуд встречал Брауна раньше, на одной из церемоний вручения «Грэмми». Он тогда выскользнул посреди мероприятия в туалет и, стоя над

писсуаром, случайно поднял глаза и увидел, что в соседний писсуар мочится Джексон Браун. Они лишь кивнули друг другу, даже не сказав «привет», и Джуд не понимал, что Джексон делает сейчас в Луизиане. Может быть, у него концерт в Новом Орлеане, он услышал, что Джуд едва не погиб, и приехал выразить сочувствие? Возможно, Джуду придется принять целую процессию рок-звезд, если они надумают заскочить на минутку и пожелать ему скорейшего выздоровления. Джексон Браун был в строгом костюме – синий блейзер, галстук, – а на поясе, рядом с револьвером в кобуре, у него висел золотой жетон. Джуд не стал сопротивляться, когда его веки захотели отдохнуть. Он закрыл глаза.

Чувство времени совершенно исчезло. Когда он снова проснулся, рядом сидела еще одна рок-звезда: Диззи. С черными пятнами поверх глаз, со следами СПИДа на лице. Диззи протянул руку, и Джуд сжал ее.

– Не мог не зайти, приятель. Ты всегда был рядом в трудную минуту, – сказал Диззи.

– Рад видеть тебя, – ответил Джуд. – Я скучал.

– Что? – не поняла медсестра, стоящая по другую сторону кровати.

Джуд обернулся. Он и не знал, что она там стоит. Снова обратив взгляд на Диззи, он обнаружил, что его рука сжимает пустоту.

– С кем ты разговаривал? – спросила сестра.

– Со старым другом. Не видел его с тех пор, как он умер. – Она фыркнула.

– Придется сократить твою порцию морфина, дружок.

Чуть позже появился Ангус, прошествовал через палату и скрылся под кроватью. Джуд звал его, но Ангус так и не вышел, просто сидел там, постукивая хвостом по полу. Этот стук совпадал с биением сердца Джуда.

Джуд не знал, какая знаменитость или чей призрак окажется рядом с ним в следующий раз. Когда он снова открыл глаза, то удивился тому, что в палате, кроме него, никого нет. Он лежал на четвертом или пятом этаже больницы Слиделла. За окном катило волны озера Понтчартрейн, синее и холодное в свете приближающегося вечера. Береговую линию облюбовали журавли; ржавый танкер упорно полз куда-то на восток. И в тот миг Джуд осознал, что чувствует запах озерной воды. Он заплакал.

Справившись с эмоциями, он вызвал сестру. Вместо нее пришел врач – очень усталого вида чернокожий мужчина с грустными покрасневшими глазами и бритой головой. Тихим печальным голосом он стал рассказывать Джуду о состоянии его здоровья.

– Бэмми уже сообщили? – перебил его Джуд.

– Кто это?

– Бабка Мэрибет, – сказал Джуд. – Если ей еще не сказали, я хочу сам это сделать. Бэмми должна знать, что произошло.

– Может быть, вы скажете нам ее имя и номер телефона? Кто-нибудь из сестер может позвонить ей.

– Лучше я сам.

– Вам пришлось пройти через многое. В таком состоянии вы лишь напрасно огорчите ее.

Джуд посмотрел на врача.

– Умерла ее внучка. Самый дорогой для нее человек. Вы думаете, она огорчится меньше, если узнает об этом от незнакомой медсестры?

– Именно поэтому предпочтительно, чтобы позвонили мы, а не вы, – ответил доктор. – Мы избегаем подробностей в первом разговоре. Родственникам мы поначалу стараемся показать позитивные моменты.

Джуд решил, что он все еще не в себе. Разговор приобретал оттенок нереальности, присущий горячечному бреду. Джуд потряс головой и засмеялся. Потом понял, что снова плачет. Он утер лицо дрожащими руками.

– Позитивные моменты? – повторил он.

– Да, ведь все могло быть гораздо хуже, – сказал доктор. – По крайней мере, сейчас ее состояние стабильно. И сердце остановилось всего на несколько минут. Известны случаи

более продолжительной остановки. И мы рассчитываем, что повреждения окажутся минимальными...

Но этого Джуд не услышал.

Он уже был в коридоре: пятидесятичетырехлетний мужчина с косматой черной бородой, шести футов росту, весом в двести сорок фунтов, в больничной сорочке с завязками на спине, не скрывавшей тощие безволосые половинки его зада. Рядом трусил доктор, пытаясь направить его обратно в палату, но он упорно шел вперед – с капельницей в вене, а пакет с раствором ехал следом на подставке на колесиках. В голове было ясно, он полностью проснулся или очнулся, руки болели не настолько, чтобы помешать ему, дышалось легко. Двигаясь по коридору, он звал ее по имени. Сегодня он был в голосе.

– Мистер Койн, – увещевал его врач. – Мистер Койн, она еще недостаточно хорошо... вы еще недостаточно хорошо...

Джуда обогнала Бон, побежала вперед по коридору, свернула направо. Он ускорил шаги. Дойдя до угла, он успел заметить, как в двадцати футах от него Бон скользнула в открытую двустворчатую дверь. Пневматические створки сомкнулись за ней. Над дверью горела надпись: «Отделение интенсивной терапии».

Дорогу Джуду преградил невысокий коренастый офицер охраны, но Джуд обошел его, и наемному копу оставалось лишь семенить за ним следом. Джуд плечом распахнул двери и вошел в отделение. Бон в тот же миг скрылась в затемненной палате слева от входа.

Джуд последовал за ней. Собаку он больше не видел, зато на единственной кровати нашел Мэрибет – с черным швом на горле, с прозрачными трубками, уходящими в ноздри, в окружении мирно попискивающих машин. Джуд позвал ее, и она приоткрыла опухшие веки. Вся в синяках, бледная, полуживая – при виде ее, сердце Джуда сжалось от нежности и жалости. И вот он уже сидит рядом с ней, на краю койки, подхватывает на руки, припадает к тонкой, как бумага, коже, к хрупким косточкам. Он прижался лицом к ее бедной шее, к волосам, всей грудью вдыхая ее запах. Ему нужен ее запах, ему необходимо доказательство, что она здесь – настоящая, живая. Ее рука приподнялась, невесомо легла ему на спину и скользнула вниз. Губы под его поцелуями были холодны и дрожали.

– Я думал, тебя больше нет, – говорил Джуд. – Мы ехали в «мустанге» с тобой и с Анной, и я думал, что тебя больше нет.

– О черт, – прошептала Мэрибет шепотом не громче дыхания. – Я выкарабкалась. Меня тошнит от машин. Джуд, полетим домой на самолете.

Он не спал, но собирался уснуть, когда услышал звук открываемой двери. Он повернулся, гадая, кто явился на этот раз: мертвец, рок-легенда или призрак животного? Но это была всего лишь Нэн Шрив – в строгой темной юбке и таком же жакете, в чулках телесного цвета. В одной руке она держала туфли на каблуках, а сама шла босиком и на цыпочках. Она осторожно прикрыла за собой дверь.

– Пробралась, – сообщила Нэн, наморщив нос и бросая взгляд на Джуда. – Не предполагала, что приду сюда.

Она была маленькая и стройная, ростом Джуду едва по грудь. Она испытывала трудности в общении и не умела улыбаться. Улыбка Нэн казалась болезненной гримасой, подделкой: она не выражала ничего, что должна выражать улыбка, – ни сочувствия, ни оптимизма, ни теплоты, ни удовольствия. Нэн исполнилось сорок шесть, у нее имелась семья, двое детей, и она была адвокатом Джуда уже десять лет. Но они познакомились гораздо раньше – в ее двадцать. Тогда она не только не умела улыбаться, но и не пыталась притвориться. Она была напряженной и угрюмой, и Джуд никогда не звал ее по имени.

– Привет, Теннесси, – сказал Джуд. – Почему ты не предполагала, что придешь?

Она хотела подойти к его постели, но вдруг остановилась. Джуд не собирался называть ее «Теннесси», слово вырвалось само. Он устал. Ресницы Нэн задрожали, а ее улыбка на мгновение стала еще более несчастной, чем обычно. Но она взяла себя в руки, подошла к койке и опустилась в раскладное кресло рядом с Джудом.

– Я договорилась встретиться с Квинном в вестибюле, – сообщила она Джуду, надевая туфли. – Он следователь, ведет твоё дело. Но он опоздал. По дороге я видела страшную аварию, и мне показалось, что там рядом и его машина. Должно быть, остановился, чтобы помочь дорожной полиции.

– В чём меня обвиняют?

– А в чём тебя обвинять? Твой отец – Джуд, твой отец! – напал на тебя. Он напал на вас обоих. Вам повезло, что он не убил вас. Квинну нужно взять у тебя показания. Просто расскажи ему, что случилось в доме отца. Расскажи ему всё, как было. – Она смотрела ему в глаза и говорила очень четко и медленно, как мать, повторяющая своему ребёнку простые, но важные указания. – У твоего отца произошёл срыв. Так бывает. У этого явления даже есть специальное название: сенильный психоз, кажется. Он набросился на тебя и на Мэрибет Кимболл, и она убила его, спасая ваши жизни. Вот и всё, что хочет услышать Квинн. Как было.

Постепенно их разговор перестал быть дружеской беседой. Её натянутая улыбка исчезла, и она снова превратилась в Теннесси – с холодными глазами, железную, негибкую Теннесси. Он кивнул. Она продолжила:

– А ещё Квинн может задать несколько вопросов относительно твоего указательного пальца. И о мертвой собаке. Той, что лежала у тебя в машине.

– Не понимаю, – сказал Джуд. – Он не хочет расспросить меня о том, что было во Флориде?

Её ресницы дрогнули, и на миг она застыла в растерянности. Затем холодная уверенность вновь взяла верх над остальными чувствами, став, может быть, ещё холоднее.

– Во Флориде что-то случилось? Что-нибудь, о чём я должна знать, а, Джуд?

Значит, его не искали во Флориде с ордером на арест. Странно. Он напал на женщину и её ребёнка, в него стреляли, в его машину врезалась другая машина – но если бы во Флориде его искали, Нэн уже знала бы об этом. Она бы уже готовила текст заявления.

Нэн поспешила закончить свои наставления:

– Ты отправился на Юг, чтобы повидаться с умирающим отцом. Уже подъезжая к месту, ты попал в небольшое ДТП: вышел из машины выгулять собаку вдоль дороги, и вас обоих сбил автомобиль. Невероятное совпадение, да, но так всё и было. Ничего другого быть просто не могло.

Дверь распахнулась, и в палату заглянул Джексон Браун. Только у этого Джексона Брауна на шее было красное родимое пятно, которого Джуд раньше никогда не замечал. По форме пятно отдаленно напоминало трехпалую ладонь. Заговорил он с клоунским тягучим акцентом.

– Мистер Койн? Вы ещё с нами? – Его взгляд перебежал с Джуда на Нэн Шрив. – Ваша звукозаписывающая компания будет разочарована. Наверняка они уже планировали выпуск памятного альбома. – Он засмеялся, но смех перешел в кашель, и он смахнул выступившие слезы. – Мисс Шрив. Я не нашел вас в вестибюле. – Он произнес это довольно любезно, но по его взгляду из-под припущенных век было件нятно, что он раздражен. – Не нашла вас и дежурная медсестра. Она сказала, что вообще вас не видела.

– Я помахала ей, когда шла мимо, – ответила Нэн.

– Проходите, – пригласил его Джуд. – Нэн говорила, у вас есть ко мне вопросы.

– Мне следовало бы арестовать вас, – заявил инспектор Квинн. Пульс Джуда участился, но он спросил ровным и спокойным голосом:

– За что?

– За ваши последние три альбома, – ответил Квинн. – У меня две дочери, и они слушают их без перерыва на полной громкости. Стены трясутся, звенит посуда, а я чувствую, что вот-вот совершу преступление на бытовой почве. Понимаете? Учиню ужасное насилие над своими славными, веселыми дочками, которых при нормальных условиях я и пальцем не могу тронуть. – Квинн вздохнул, утер галстуком пот со лба, подошел к кровати. Он предложил Джуду пластинку жвачки, последнюю в упаковке, и, когда Джуд отказался, сунул

ее в рот. – Ничего не поделаешь. Мы их любим, даже если порой они сводят нас с ума.

– Точно, – согласился Джуд.

– Всего пара вопросов, – приступил к делу Квинн и вытащил из внутреннего кармана куртки блокнот. – Начнем с вашей поездки на ферму отца. Судя по всему, вас сбил неизвестный автомобиль, так? Неудачный день для вас и для вашей подруги, прямо скажем. А потом на вас набросился собственный отец. Учитывая ваш вид и его состояние, он, вероятно, решил, что вы... ну, не знаю. Уголовник, желающий ограбить его. Или какой-нибудь злой дух. Тем не менее я не совсем понимаю, почему вы не обратились в больницу после того, как потеряли палец.

– Ну, – протянул Джуд, – мы уже были недалеко от отцовского дома, и я знал, что там живет моя тетка. Она фельдшер.

– Вот как? Опишите мне машину, которая на вас наехала.

– Это был небольшой грузовик, – сказал Джуд, не задумываясь. – Точнее, пикап.

Он взглянул на Теннесси. Она внимательно и серьезно вслушивалась в их беседу и еле заметно кивнула. Джуд перевел дыхание и начал врать.

Перед уходом, уже у самых дверей. Нэн задержалась и посмотрела на Джуда.

– Она очень красивая, – произнесла она. – И любит тебя. Это видно по тому, как она говорит о тебе. Я с ней беседовала. Всего пару минут, но... но все равно это видно. Джорджия, так ее зовут?

В глазах Нэн смешались смущение, боль и любовь. Она задала вопрос так, будто сама не знала, хочется ли ей услышать ответ.

– Мэрибет, – ответил Джуд твердо. – Ее зовут Мэрибет.

Через две недели они прилетели в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на поминках Дэнни. Мэрибет набросила на шею черный шарф, подходивший к ее черным кружевным перчаткам. День был ветреный и холодный, но людей собралось много. Казалось, пришли все, с кем Дэнни хоть раз перебросился парой слов, посплетничал, поболтал по телефону, а таких было немало, и никто не ушел до конца церемонии, даже когда полил дождь.

Весной Джуд записал альбом – музыка без украшений, в основном акустика. Он пел о мертвых. Он пел о полуночных дорогах. На гитаре играл не он. Джуд мог только держать ритм. Ему нужно было поменять руки и брать аккорды левой рукой, как в детстве, но он еще не привык.

Диск продавался хорошо. Джуд не поехал в тур. В это время ему сделали сложную операцию на сердце.

Мэрибет стала учителем танцев в одном из спортивных клубов. На ее занятиях яблоку негде было упасть.

Мэрибет нашла на местной свалке реликтовый «додж чарджер» и купила его за три сотни долларов. Следующее лето Джуд провел во дворе – мокрый от пота, по пояс голый, он трудился над восстановлением машины. В дом он возвращался к вечеру, коричневый от загара. Мэрибет ждала его со стаканом свежего лимонада. Иногда они обменивались поцелуем – поцелуем со вкусом холодного сока и моторного масла. Это были любимые поцелуи Джуда.

Однажды в конце августа, уже под вечер, потный и разгоряченный Джуд вошел в дом и включил автоответчик. Он услышал сообщение от Нэн: есть какая-то важная информация и не может ли он срочно перезвонить ей в офис, в любое время. «Любое время» было как раз сейчас, и он набрал номер. Сидя на краю бывшего стола Дэнни, он ждал, пока секретарь соединит его с Нэн.

– Боюсь, на этого Джорджа Рюгера у меня ничего нет, – начала она без предисловий. – Ты хотел знать, не упоминалось ли его имя в связи с каким-нибудь уголовным преступлением за прошлый год. Ответ – нет. Может, располагая более подробной информацией о том, что именно тебя интересует в...

– Нет, не беспокойся об этом, – прервал ее Джуд. Значит, Рюгер не стал жаловаться властям. Так Джуд и предполагал. Если бы Рюгер добивался его ареста или подал на него иск, Джуд уже узнал бы об этом. Он и не ожидал, что Нэн что-нибудь найдет. Рюгер не мог говорить о том, что сделал с ним Джуд, не рискуя вытащить на свет свои отношения с Мэрибет. Ведь он спал с ней, когда она еще училась в школе. А Рюгер был, припомнил Джуд, какой-то шишкой среди местных политиков. Трудно будет собирать средства для партии, если его обвинят в совращении малолетних.

– А вот с Джессикой Прайс мне повезло больше.

– Да? – коротко спросил Джуд. От простого упоминания этого имени у него сводило живот.

Нэн заговорила притворно равнодушным тоном – слишком равнодушным, чтобы Джуд поверил в ее незаинтересованность.

– Прайс обвиняется в жестоком обращении с ребенком и принуждении его к сексу. Ребенок – ее собственная дочь, ты только подумай. Похоже, полицию вызвали после того, как эта Прайс въехала в кого-то на своей машине прямо перед своим домом, на скорости сорок миль в час. Когда полицейские прибыли на место, ее нашли за рулем без сознания. А в доме дочка с оружием в руке и с мертвой собакой.

Нэн сделала паузу, чтобы дать Джуду возможность что-нибудь сказать по этому поводу. Но он молчал. Тогда Нэн продолжила:

– Тот, в кого врезалась Прайс, скрылся с места происшествия. Так и не объявился.

– А Прайс не сказала, кто это был? Что она говорит?

– Ничего. После того, как полицейские успокоили девочку, они решили положить пистолет на место. И в оружейном сейфе нашли конверт с фотографиями. Фотографии этой девочки. Криминальные. Ужас. По-видимому, уже доказано, что снимала мать. Джессике Прайс светит не меньше десяти лет. Как я понимаю, девочке всего тринадцать. Ты представляешь?

– Да, – проговорил Джуд. – Нет.

– И ты не поверишь, какое совпадение. Происшествие с машиной Джессики Прайс, мертвая собака, снимки – все это случилось в тот же день, когда в Луизиане умер твой отец.

И опять Джуд ничего не сказал. Повисло молчание. Нэн нарушила его первой.

– По совету своего адвоката сразу после ареста Джессика Прайс воспользовалась правом сохранять молчание. Что в ее случае вполне понятно. И очень удачно для того, кто находился тогда в ее доме. Ну, для человека с собакой.

Джуд прижимал трубку к уху. Нэн молчала так долго, что он решил, будто связь прервалась.

Наконец, просто чтобы узнать, на линии ли она еще, он спросил:

– Это все?

– Нет, есть еще одна деталь, – ответила Нэн абсолютно ничего не выражающим тоном.

– Плотник, работавший на той улице, сообщил, что чуть ранее видел в округе подозрительную черную машину с двумя типами внутри. Причем, по его словам, водитель как две капли воды походил на лидера «Металлики».

Джуд не мог не рассмеяться.

Во вторую субботу ноября из церковного двора в штате Джорджия на глинистую дорогу выехал «додж чарджер» с привязанными к заднему бамперу консервными банками. Бэмми засунула пальцы в рот и проводила машину громким свистом.

Осенью они летали на Фиджи. Через год посетили Грецию. В следующий октябрь поехали на Гавайи, по десять часов валялись на пляже из черного песка. Неаполь через год понравился им еще больше. Они планировали провести там неделю, а остались на месяц.

В пятую годовщину свадьбы они никуда не поехали. Джуд купил щенков и не хотел оставлять их одних. В один холодный и сырой день Джуд взял с собой собак и пошел по подъездной дороге к воротам, забрать из ящика почту. Когда он выуживал конверты, по

трассе пролетел бледной окраски пикап, вздымая за собой облако брызг. Джуд поднял голову, чтобы проводить его взглядом. И увидел, что на другой стороне дороги стоит Анна и смотрит на него. В груди у него что-то резко защемило, но быстро прошло, и он снова смог дышать.

Девушка откинула с лица желтую прядь, и он увидел, что она ниже Анны, более спортивного сложения и совсем юная, вряд ли старше восемнадцати лет. Она подняла руку и неуверенно помахала. Джуд жестом пригласил ее подойти.

– Здравствуйте, мистер Койн, – сказала она.

– Ты Риз, верно? – спросил он.

Она кивнула. Она была без головного убора, и ее волосы намокли. Джинсовая курточка тоже насквозь промокла. Щенки запрыгали вокруг нее, и она со смехом попятилась от их грязных лап.

– Джимми, – сказал Джуд. – Роберт. Сидеть. Извини. Они пока совершенно неуправляемы, я еще не научил их хорошим манерам. Ты зайдешь к нам? – Она едва заметно подрагивала от холода. – На тебе сухого места нет. Еще смерть свою подхватишь.

– А что, смерть заразная?

– Очень заразная, – ответил Джуд. – Сейчас настоящая эпидемия. Рано или поздно все ее подхватывают.

Он провел девушку в дом, в сумеречную кухню. Риз еще не успела ответить на вопрос о том, как она нашла Джуда, когда с лестничной площадки второго этажа раздался голос Мэрибет. Она спрашивала, кто пришел.

– Риз Прайс, – крикнул в ответ Джуд. – Из Тестаменты. Это во Флориде. Помнишь дочку Джессики Прайс?

Несколько мгновений сверху не доносилось ни звука. Потом заскрипели ступеньки, и Мэрибет спустилась по лестнице. Она остановилась, не дойдя до кухни пары шагов. Джуд нащупал в вечернем полумраке выключатель, нажал на клавишу.

В неожиданной вспышке света Мэрибет и Риз молча смотрели друг на друга. О чем думала Мэрибет, трудно было понять. Риз перевела взгляд с лица Мэрибет на ее горло, опоясанное белым полумесяцем шрама. Потом девушка вытащила руки из рукавов куртки, обхватила себя под ней и зябко поежилась. С Риз капала дождевая вода, собиралась в лужицу у ног.

– Господи, Джуд, – воскликнула Мэрибет. – Принеси скорее полотенце.

Джуд сходил в ванную комнату на первом этаже. Когда он вернулся с полотенцем в кухню, на плите уже стоял чайник, а Риз сидела у стола и рассказывала Мэрибет о русских студентах, которые приехали в Штаты по обмену и подвезли ее до Нью-Йорка, всю дорогу делясь впечатлениями о посещении Энтайр-стейк-билдинг¹.

Мэрибет приготовила для Риз какао и горячий бутерброд с сыром и помидорами, а Джуд сел рядом с гостьей. Мэрибет расслабилась. Она вела себя как старшая сестра, весело смеялась над историями Риз, будто это было самым обычным делом на свете – быть гостеприимной хозяйкой для девушки, которая отстрелила палец ее мужу.

Говорили в основном они обе. Риз направлялась в Буффало, где собиралась встретиться с друзьями сходить на концерт Эминема. Потом они планировали отправиться на Ниагару. Один из ее друзей покупает там старый, но довольно большой катер. Они вшестером будут в нем жить. Катер требовал ремонта. Они хотели привести его в надлежащий вид и продать. Риз взяла на себя покраску. Она хотела изобразить что-нибудь на борту и уже придумала, что именно. Даже сделала наброски. Она вынула из рюкзака альбом и показала им свои работы. Рисунки были довольно неумелыми, но притягивающими глаз изображениями обнаженных женщин, безглазых мужчин и гитар, сплетенных в сложные орнаменты. Если катер продать не удастся, есть запасной план: они откроют в нем либо пиццерию, либо тату-салон. Риз много знала о татуировках и практиковалась на себе. Она задрала рубашку и продемонстрировала бледную тонкую змейку, кольцом обвившую ее пупок.

Джуд перебил девушку, спросив, как она собирается добраться до Буффало. Она

сказала, что деньги на проезд закончились уже некоторое время назад и теперь она путешествует автостопом.

– Ты в курсе, что до Буффало три сотни миль? – поинтересовался Джуд.

Риз посмотрела на него широко раскрытыми глазами, потом затрясла головой.

– Если посмотреть на карту, ваш штат не кажется таким большим. А вы уверены насчет трехсот миль?

Мэрибет забрала пустую тарелку и поставила ее в раковину.

– Тебе есть кому позвонить? Может, родственникам? Если хочешь, позвони от нас.

– Некому, мэм.

Мэрибет улыбнулась на это, и Джуд подумал: наверное, ее в первый раз назвали «мэм».

– А как насчет матери? – спросила она.

– Она в тюрьме. Надеюсь, она никогда оттуда не выйдет, – сказала Риз и опустила глаза в чашку с какао. Она стала теревать волосы, наматывая тонкую прядь на палец снова и снова. Джуд столько раз наблюдал за тем, как это делала Анна. Потом Риз продолжила: – Я не люблю о ней рассказывать. Проще было бы притвориться, что она умерла или еще что-нибудь. Никому бы я не пожелала иметь такую мать. Проклятье – вот что она такое. Если бы я узнала, что однажды стану такой же матерью, как она, то немедленно стерилизовала бы себя.

Когда Риз допила какао, Джуд надел плащ и сказал, что отвезет ее на автобусную станцию.

Некоторое время они ехали молча, с выключенным радио. Только дождь стучал по стеклу, и постукивали «дворники» «чарджера». Джуд повернулся, чтобы посмотреть на Риз, и увидел: она откинула спинку кресла, накрылась своей курткой и улеглась, закрыв глаза. Он решил, что она спит.

Но через некоторое время она открыла один глаз и спросила:

– Вы действительно любили тетю Анну?

Он кивнул. «Дворники» неумоимо сметали со стекла воду: «скрип-тук, скрип-тук».

Риз сказала:

– Моя мама делала такие вещи, которые делать нельзя. Я бы отдала левую руку, лишь бы забыть о них. Так вот, мне кажется, что тетя Анна узнала о том, чем занималась мама – мама и дедушка, – и поэтому покончила с жизнью. Потому что она не могла жить с тем, что знала, и рассказать об этом не могла. Я знаю, что она была очень несчастна. Наверное, с ней тоже случилось что-то плохое, когда она была маленькой. Может, то же, что и со мной.

Риз смотрела теперь прямо на Джуда.

Вот как. По крайней мере, Риз не знала всего, что совершила ее мать. Для Джуда это означало одно: все-таки в мире есть милосердие.

– Я прошу прощения за то, что отстрелила вам палец, – сказала Риз. – Правда, мне очень жаль. А иногда я вижу сны про тетю Анну. Мы вместе ездим на машине. У нее во сне классная машина: старинная, вроде вашей, только черная. И тетя Анна больше не грустная – в смысле, в моих снах она не грустит. Она сказала мне, что вы пришли к нам тогда не для того, чтобы убить меня. Сказала, что, наоборот, вы хотели покончить с... этим. Чтобы мать больше не делала этого. Вот я и приехала извиниться. Надеюсь, что вы счастливы.

Он кивнул, но ничего не ответил, потому что, если честно, не доверял своему голосу.

В здание автовокзала они вошли вместе. Джуд оставил ее на облезлой деревянной скамье, а сам подошел к кассе и купил билет до Буффало. Кассирша положила билет в конверт. Джуд засунул туда же, в конверт, двести долларов и записку со своим номером телефона и просьбой позвонить, если в дороге с Риз что-нибудь случится. Вернувшись, он не отдал конверт ей в руки, а засунул в карман ее рюкзака, чтобы она не увидела деньги сразу и не попыталась вернуть их.

А потом она вышла вместе с ним на улицу, где дождь припустил сильнее. Уже стемнело, все вокруг было мрачным, синеватым и холодным. Он повернулся к Риз, чтобы попрощаться, а она встала на цыпочки и поцеловала его в холодную мокрую щеку. До этого

момента он воспринимал ее как молодую женщину, но ее поцелуй был бездумным поцелуем ребенка. Мысль о том, что она в одиночку едет через всю страну и никто за ней не присматривает, нравилась Джуду все меньше.

– Желаю удачи, – произнесли они в один голос и засмеялись.

Джуд сжал ее ладонь и кивнул, но им больше нечего было сказать друг другу, кроме «до свидания».

Было совсем темно, когда Джуд вернулся домой. Мэрибет достала из холодильника две бутылки пива и стала искать в ящиках открывалку.

– Мне бы хотелось что-то сделать для нее, – сказал Джуд.

– Она слишком юна, – заметила Мэрибет. – Даже для тебя. Держал бы свою штуку в штанах, Джуд.

– Господи. Да я не об этом.

Мэрибет засмеялась, нашла полотенце, бросила его Джуду.

– На-ка, лучше вытрись. Когда ты мокрый, ты выглядишь совсем жалким старикашкой.

Он вытер полотенцем волосы. Мэрибет открыла пиво и поставила перед ним одну из бутылок. Потом увидела, что он обиделся, и снова засмеялась.

– Перестань, Джуд, хватит. Если бы я иногда не подкалывала тебя, ты бы давно закис. Огонь гаснет, если не шевелить угли, – сказала Мэрибет. Она стояла у стола и наблюдала за ним с лукавой и нежной заботливостью в глазах: – Ах да. Риз. Ты же купил ей билет до Буффало? И наверняка дал денег. Сколько?

– Двести.

– Вот видишь. Кое-что для нее ты уже сделал. И немало. Что еще ты можешь?

Джуд сидел у стола, держал в руке бутылку, но пить ему не хотелось. Он устал от поездки на станцию, промок и замерз. Мощный грузовик или большой автобус с ревом пронесся по трассе и умчался в черный туннель ночи. Из загона доносилась веселая возня щенков. Они восторженно тявкали вслед давно стихшему звуку.

– Надеюсь, у нее получится, – проговорил Джуд.

– Добраться до Буффало? Наверняка получится, – ответила Мэрибет.

– Да-а, – сказал Джуд, хотя не был уверен, это ли он имел в виду.

Благодарности в форме сердца

Поднимите свои зажигалки и позвольте мне пропеть последнюю балладу – хвалу всем тем, кто помог мне создать «Коробку в форме сердца». Большое спасибо моему агенту Майклу Чоуту, который направляет корабль моей карьеры заботливо, с уважением и редкостным здравым смыслом. Я очень обязан Дженнифер Брел за всю тяжелую работу, которую она проделала, редактируя мой роман, за помощь в подготовке окончательного варианта и особенно за то, что она решила рискнуть и взяться за «Коробку в форме сердца». Морин Сагден отлично поработала над корректурой. Также должен поблагодарить Лиз Галлахер, Джульету Шапланд, Кейт Нинцель, Анну Марию Аллесси, Лини Грейди, Рича Акуана, Лори Янг, Кима Льюиса, Сила Балленгера и всех остальных сотрудников агентства «Уильям Морроу», сражавшихся за мою книгу.

Моя глубокая признательность Энди и Керри за их энтузиазм и дружбу, а также Шейну – он не только мой товарищ, но и администратор моего сайта joehillfiction.com; он полон яда и воображения. У меня не хватит слов, чтобы выразить благодарность моим родителям, братьям и сестрам за их время, мысли, поддержку и любовь.

Самые горячие слова любви и благодарности – Леаноре и мальчикам. Леанора провела бесчисленное множество часов, читая и перечитывая рукопись, все версии, варианты, и обсуждая со мной Джуда, Мэрибет и привидения. Другими словами, она прочитала миллион страниц и перелопатила каждую. Спасибо, Леанора. Я счастлив, что у меня есть такой друг.

Это все, и спасибо каждому, кто пришел на мой концерт. До свидания!